

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ

А.Я. ФЛИЕР

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ

ББК 71.0

Ф72

Печатается по решению секции ученого света Российского института культурологии

Рецензенты:

доктор философских наук *А.И. Арнольдов*

доктор философских наук *И.М. Быховская*

доктор философских наук *Л.Б. Филонов*

Ф72

Флиер А.Я.

Культурогенез. — М., 1995. — 128 с.

Монография посвящена теоретическому исследованию и моделированию структуры и динамики процессов генезиса культуры как на микродинамическом (социальном), так и на макродинамическом (историческом) уровнях. Рассматриваются вопросы порождения культурных форм, социальных и территориальных культурных систем, а также исторических типов культурных систем с различными экзистенциальными ориентациями. Особое внимание уделено нормотворческой функции культурогенеза. Исследование отличается гносеологической направленностью, ориентировано прежде всего на поиск методологических оснований и методов анализа культурогенетических процессов.

Монография адресована специалистам и студентам общественнонаучных и гуманитарных факультетов.

ББК 71.0

© Флиер А.Я., 1995

Электронное оглавление

Электронное оглавление	3
СОДЕРЖАНИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. МИКРОДИНАМИЧЕСКИЙ И ЛОКАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	
КУЛЬТУРОГЕНЕТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	10
1.1. Принципы социальной динамики культурогенеза.....	10
1.2. Генезис культурных форм	20
1.3. Генезис социокультурных систем.....	30
1.4. Генезис этнокультурных систем	38
Глава 2. МАКРОДИНАМИКА КУЛЬТУРОГЕНЕЗА	48
2.1. Принципы исторической динамики генезиса культурных черт.....	48
2.2. Морфогенез культурных систем с эколого-генетическим типом ориентаций.....	53
2.3. Морфогенез культурных систем с историко-идеологическим типом ориентаций.....	58
2.4. Морфогенез культурных систем с экономико-социальным типом ориентаций.....	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	75
ПРИМЕЧАНИЯ.....	77
Введение	77
Глава I	78
Глава 2	82

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Микродинамический и локальный аспекты культурогенетического процесса.....	13
1.1. Принципы социальной динамики генезиса культурных черт	—
1.2. Генезис культурных форм.....	29
1.3. Генезис социокультурных систем.....	45
1.4. Генезис этнокультурных систем.....	58
Глава 2. Макродинамика культурогенеза....	74
2.1. Принципы исторической динамики генезиса культурных черт	—
2.2. Морфогенез культурных систем с эколого-генетическим типом ориентации	82
2.3. Морфогенез культурных систем с историко-идеологическим типом ориентаций	90
2.4. Морфогенез культурных систем с экономико-социальным типом ориентаций.....	102
Заключение.....	117
Примечания.....	119

ВВЕДЕНИЕ

Статус культурогенетических исследований как в отечественной, так и в мировой науке практически не определен. Собственно говоря, эта тематика еще не выделилась в науках о культуре в самостоятельное направление, еще не оторефлексирована как самодостаточная проблема во всей своей научной и социальной актуальности. Многочисленные работы, посвященные происхождению тех или иных конкретных культурных форм (в первую очередь языковых и художественных)¹, этнических и социальных культурных систем², а также формированию культурных черт первобытного общества³, являются почти исключительно историческими и не решают задач теоретического обобщения и моделирования культурогенеза в целом, не выявляют его специфических признаков как одного из универсальных типов культурной динамики. Единичные работы по генезису культуры теоретического плана⁴, на наш взгляд, напротив, отличаются крайней умозрительностью, чрезмерной оторванностью от эмпирики истории культуры и общества, также не классифицируют культурогенез как особый тип культурных процессов, а — главное — не разрабатывают операционального научного инструментария познания проблемы, который мог бы лечь в основание последующих культурогенетических исследований. И наконец, работы цивилизационистской направленности, по нашему мнению, либо базируются на уже устаревшей, не удовлетворяющей современную науку методологии познания⁵, либо апеллируют к научно недоказуемым аргументам (божественному вызову, космическому излучению и т.п.⁶), да и преследуют цели объяснения порождения лишь этноцивилизационных культурных систем, а не всех возможных вариантов и уровней генезиса культуры как таковой.

Вместе с тем, потребность во всестороннем и многоаспектном исследовании проблем культурогенеза представляется весьма актуальной.

Во-первых, огромный эмпирический материал по происхождению самых различных явлений культуры, накопленный за века существования исторической науки, а также в течение последних столетий развития социальных наук и исследований по тем или иным специализированным направлениям человеческой деятельности и социального взаимодействия, нуждается в комплексном теоретическом обобщении и структурировании, в разработке методологии и методики моделирования и объяснения процессов порождения панкультуры в целом и ее отдельных структурных составляющих в частности. Во-вторых, разработка общей теории динамики культурных процессов представляется

5

практически невозможной без сколь-либо ясных представлений о многообразии типов и механизмов осуществления этой динамики, одним из важнейших среди которых является культурогенез. В-третьих, поскольку культурогенетические процессы по определению связаны с проблемой порождения и интеграции в существующие системы новационных феноменов, а также с формированием самих новых систем, построение теории генезиса культурных явлений в конечном счете явится наиболее общей теорией инноваций в деятельности, в рамках которой, разумеется, будут иметь место и частные теории инноватики в некоторых специализированных сферах деятельности (например, в искусстве).

И наконец, в-четвертых, как представляется, фундаментальность этих вопросов для общей теории и истории культуры позволяет говорить о необходимости и неизбежности выделения *культурогенетики* в самостоятельное направление культурологической науки, объединяющее гносеологические, теоретические и эмпирические (исторические) аспекты этой проблемы. Это видится тем более актуальным, поскольку важность культурогенетических проблем отнюдь не исчерпывается чисто академическим интересом историков культуры; такого рода процессы протекают постоянно, они являются имманентными любой культурной динамике, включая, разумеется, и современную. Культурогенез — это органичная составляющая общей динамики формо- и системообразования в социокультурной жизни человеческих сообществ, и понимание этого явления, ясное, научно обоснованное представление о механизмах его осуществления и детерминирующих его факторах не может не отразиться как на общем состоянии культурологической науки, так и на социокультурной регулятивной практике в обществе.

Социальная значимость исследований проблем генезиса культуры связана именно с тем, что процессы порождения новых культурных феноменов и систем протекают перманентно. И нам необходимо знать, какова механика генезиса новых культурных явлений и их интеграции в уже существующие культурные системы, насколько стихийным является этот процесс, поддается ли он искусственному регулированию и прогнозированию, а если это так, то какими методами? Каким образом формируется и артикулируется «социальный заказ» на новые культурные феномены, какие цели и интересы преследуют «производители» культуры (почему-то этот вопрос обычно сводится

только к проблемам психологии художественного творчества), почему «потребители» культуры в каких-то случаях принимают и усваивают, а в иных — отвергают те или иные культурные новации? От ответов на эти вопросы в существенной мере зависит грамотное построение не только государственной культурной политики и общественной деятельности в этой области, но и практически вся социальная работа с людьми в сферах образования и воспитания, организации досуга, социальной рекреации и реабилитации, предупреждения преступности, взаимоотношений государства с общественными, религиозными, молодежными и иными организациями и движениями и пр. В этот перечень можно включить и проблемы выработки национально-государственной идеологии (особенно

6

в аспекте соотношения тех или иных традиционных и новационных элементов), межнациональных и межконфессиональных отношений, формирования новой этики труда и быта, правосознания, политической культуры, национальной идентичности и т.п. Во всех этих случаях мы упираемся в вопрос: как сформировать и интегрировать в стереотипы сознания и поведения, в нормы и стандарты деятельности и социального взаимодействия людей социально предпочтительные культурные формы и воспрепятствовать распространению социально нежелательных форм? Исследование структуры, динамики и механики протекания культурогенетических процессов может дать ответы на многие вопросы в этой области.

Таким образом, новизна предлагаемой вниманию читателя работы заключается, во-первых, в определении места и обосновании статуса культурогенетических исследований в культурологической науке; во-вторых, в выявлении специфических признаков культурогенетических процессов, выделяющих их во всем многообразии типов культурной изменчивости; в-третьих, в моделировании структуры, социальной и исторической динамики культурогенеза, учитывающей по возможности все известные современной науке уровни и стороны этого многосложного процесса; и в-четвертых, в разработке методологических принципов, на основании которых возможно дальнейшее развертывание как общетеоретических, так и системно-исторических исследований в этой области.

Основным теоретико-методологическим основанием нашего исследования является теория *эволюционизма*, как в своем «классическом» варианте XIX в. (труды Г. Спенсера, Э. Тайлора, Л. Моргана и др.⁷), так и в *неоэволюционистском* развитии середины XX в. (работы Дж. Стюарда, М. Салинса, М. Харриса, близкого ко взглядам неоэволюционистов Л. Уайта и др.⁸). В этих теориях особое место занимают положения об адаптации сообществ к природным и историческим условиям их существования как основном «стимуле» их культурной динамики, об общих (универсальных) и специфических (локальных) признаках социокультурной эволюции, а также о поэтапном повышении сложности культурных систем как результате процессов их самоорганизации в практике жизнедеятельности. Именно в этом повышении сложности систем (идея заимствована у синергетиков⁹) и заключается основной признак эволюционного (по типу прогрессивной трансформации) их развития. Другое дело, что повышение сложности системы (т.е. уровня самоорганизации и устойчивости по отношению к среде) может протекать одновременно разными способами: как путем эволюционной трансформации имеющейся системы и ее компонентов, так и путем порождения новых компонентов и системообразующих связей между ними, дополняющих и развивающих существующую систему. И наконец, может иметь место и самоорганизация новой системы на элементной базе прежней (разумеется, при этом происходит серьезная рекомбинация этих используемых элементов). Этот аспект неоэволюционистской теории представляется особенно важным с точки зрения разрабатываемой нами научной проблемы культурогенеза.

7

На позициях «классического» эволюционизма в его марксистской интерпретации стоит и абсолютное большинство отечественных исследователей — археологов, этнографов, историков, тем или иным образом касающихся проблем культурогенеза в своих по преимуществу эмпирических исследованиях происхождения человека, общества, его этнических сообществ и социальных страт. В числе авторов, на работы которых мы опираемся в настоящем исследовании, следует назвать В.П. Алексеева, С.А. Арутюнова, Б.Ф. Поршнева, Ю.И. Семенова, В.А. Шнирельмана и ряд др.¹⁰ К классическому эволюционизму примыкают также и отечественные культурологи Э.С. Маркарян, М.С. Каган, Ю.А. Жданов, В.Н. Романов и пр.¹¹ (здесь упоминаются лишь те, в чьих работах затрагиваются вопросы культурогенеза). Нельзя не упомянуть и ряд ученых, ведущих исследования проблем происхождения, истории и перспектив человеческого общества в междисциплинарном русле, на стыке нескольких научных направлений; это Н.Н. Моисеев, А.П. Назаретян, Э.С. Кульпин и др.¹² Их взгляды также близки в целом к идеям глобального эволюционизма.

Вместе с тем, далеко не все известные науке исторические культурные системы развивались по эволюционному пути. Собственно эволюционный путь выражен в более или менее линейном прогрессирующем развитии некоторой части культурных систем, существующих в условиях,

благоприятствующих такому непрерывному развитию (как, скажем, история западнохристианской цивилизации от средневековья до наших дней). Но условия нередко складываются и не такие благоприятные, как в приведенном примере, и это может привести к регрессирующей динамике изменчивости, понижению уровня сложности и упорядоченности структур и норм жизнедеятельности, а в конечном счете и к разрушению системы в целом (классический пример: деградация и гибель Римской империи). То есть, перед нами динамика исторической изменчивости, протекающая по циклическому типу (зарождение — развитие — надлом — деградация и гибель). Встречаются и примеры динамики, протекающей по волновому типу, где этап прогрессирующего развития сменяется регрессом, однако не разрушающем систему в целом, а с последующим переходом к новому этапу прогресса и т.п. (например, отечественная история от Киевской Руси до наших дней¹³).

Для описания циклического пути культурной динамики рядом исследователей делались попытки создать особые *цивилизационные* теории исторического процесса, рассматривавшие выделяемые по тем или иным признакам исторические регионы со специфическими чертами развития, как абсолютно самодостаточные, замкнутые системы, эволюционирующие и разрушающиеся по собственным специфическим законам (работы Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, в этот перечень можно включить социологические подходы к проблеме цивилизации П.А. Сорокина и этнологические штудии Л.Н. Гумилева¹⁴). Вместе с тем, по нашему мнению, ни одна из этих теорий не дает удовлетворительного, а главное — сколь-либо универсального объяснения культурной динамики, органично сочетающего в себе микро- (социальный) и макро- (исторический) уровни изменчивости культурных феноменов. Однако иной (по сравнению с эволюционистами) ракурс рассмо-

8

трения этих проблем позволил названным авторам обнаружить, описать и отчасти типологизировать (хотя и не объяснить) множество интереснейших исторических фактов в культурных процессах различных локальных систем, которые мы будем активно использовать в нашей работе, оставаясь в целом на эволюционистских принципах **объяснения** этих фактов.

Рассмотрение *волнового* типа культурной изменчивости еще не сложилось в устойчивую социокультурную теорию. Начало этому направлению положили экономические концепции Н.Д. Кондратьева, Й. Шумпетера и др.¹⁵, а к общей историко-культурной динамике этот подход очень интересно, на наш взгляд, применил А.С. Ахиезер¹⁶. Объяснительный аспект исторической динамики культуры с позиций волновой теории, как представляется, не входит в сколь-либо непримиримое противоречие с теорией эволюционизма, что облегчает нашу задачу использования сильных сторон этой теории в нашем исследовании.

Что же касается микродинамики культурогенеза, то здесь мы опираемся главным образом на теорию *структурного функционализма* (работы Б. Малиновского, А. Радклифф-Брауна, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. Мертона и др.¹⁷), рассматривающую культурные системы по преимуществу как совокупности взаимодополняющих нормативных установок деятельности и взаимодействия, структурно упорядоченных их функциональной иерархией. Поскольку оптимальным (хотя и не обязательным) результатом генезиса всякого культурного феномена является обретение им в первую очередь нормативного статуса в той или иной культурной системе, сфере жизнедеятельности или комплексе таких сфер, то структурно-функциональная модель порождения культурных паттернов в качестве новых функциональных норм и стандартов видится наиболее адекватной задачам описания этого процесса.

Вместе с тем, функционалистские теории, сконцентрированные главным образом на изучении микро- (социального) уровня культурных процессов (т.е. протекающих в масштабах коллективов людей, находящихся в постоянной и непосредственной коммуникации друг с другом — первобытных родов и небольших племен, жителей малых населенных пунктов, трудовых коллективов или их подразделений, семей, родственных кланов и т.п.), вполне соотносимы с теориями общей и специфической эволюции. Поэтому обращение к идеям функционализма при исследовании микроуровня культурогенетических процессов, на наш взгляд, не вступает в противоречие с нашей приверженностью эволюционистским подходам.

Однако усвоение культурной новации не сводится только к ее нормативизации; новация должна быть еще и отрефлексирована принимающим ее сообществом как «своя», т.е. превратиться в символ, знак, усваиваемый как элемент в системе образов идентичности данного сообщества. Лишь после этого она может считаться органично интегрированной в данную культурную систему. (Разумеется, во всякой культуре всегда присутствует некий слой форм, используемых практически, но рефлекслируемых как «чужие», не включаемые в комплекс собственных образов идентичности. Такие формы мы рассматриваем как не полностью интегрированные в местную культуру, хотя со временем

9

может произойти и их полная интеграция.) Этот процесс обретения продуктом культурогенеза своего символического статуса, включения его в действующую систему языков социальной коммуникации и образов самоидентификации принимающего сообщества лучше всего описывается в рамках теории *структурализма* (К. Леви-Стросс, М. Фуко, Ж. Лакан и др.¹⁸), рассматривающей культуру как систему организации и упорядочения знаний, представлений, знаков, символов, значений, языков информационного обмена и т.п., т.е. как совокупность кодов социально значимой информации и коммуникации.

Структуралистские и иные семиотические подходы к культурным явлениям как к «текстам», несущим социально значимую для членов сообществ информацию, также, на наш взгляд, могут быть совмещены с эволюционистскими и функционалистскими принципами, ибо исследуют совершенно иной аспект культуры, не имеющий прямого отношения к тем или иным объяснительным моделям исторической динамики культуры, но лишь к порождению и изменчивости отдельных культурных форм и их семиотических комплексов.

Таким образом, ни одна из существующих теорий культурной динамики не является универсальной, дающей исчерпывающую методологию для описания и объяснения всего комплекса научных проблем и в том числе — вопросов культурогенеза. Вполне вероятно, что построение такой универсальной теории в принципе невозможно. Слишком сложны, полифункциональны и полисемантичны объект и предмет исследования, слишком много разнообразных факторов влияют на пути культурной динамики и слишком много путей и вариантов протекания самого этого процесса, включая, разумеется, и процессы генезиса культурных явлений.

Тем не менее, в целом мы основываем свои подходы к изучаемым явлениям на эволюционистских теориях, по необходимости привлекая некоторые иные объяснительные концепции иных теоретических направлений там, где они описывают частные случаи и микроуровневые процессы культурной изменчивости и не противоречат базовым принципам эволюционистской модели культурной динамики.

Этот краткий экскурс в вопросы теории предпринят нами исключительно с целью очертить общие границы того проблемного поля, в пределах которого осуществляется настоящее исследование. Собственно научная проблема, разработке которой посвящен этот труд, заключается в неясности для современной науки того, как функционируют механизмы культурной динамики на пути порождения новых явлений, что инициирует их действие, как порождаются культурные новации и интегрируются в действующие культурные системы, как формируются сами эти системы в качестве новых иерархизированных целостностей и т.п., т.е. какова в целом структура и динамика осуществления культурогенетических процессов как одного из основных алгоритмов культурной изменчивости.

Настоящая работа не претендует на какое-либо эмпирическое описание происхождения культуры или ее отдельных явлений. Речь идет исключительно о попытке теоретического осмысления феномена культурогенеза и построении познавательной модели его изучения.

10

В рамках очерченного проблемного поля представляется возможным сформулировать и основные рабочие гипотезы исследования, раскрытию и доказательству которых будут посвящены нижеследующие главы.

Первая: культурогенетические процессы представляют собой особый тип культурной изменчивости неэволюционного (нетрансформационного) характера, и именно в этом заключается познавательный потенциал понятия «культурогенез».

Вторая: культурогенетические процессы детерминируются таким изменением условий существования людей, адаптация к которым путем эволюционной трансформации или модернизации существующих форм или систем невозможна или малоэффективна, и требуется порождение принципиально новых форм (технологий и полученных с их помощью результатов) или систем, оптимизированных к сложившимся условиям.

Третья: содержательно в ходе культурогенетических процессов происходит порождение новых культурных форм, утверждение некоторой части из них в качестве новых норм и стандартов деятельности или взаимодействия людей, а также в качестве новых элементов в комплексах образов идентичности интегрировавших их сообществ и, наконец, формирование субъектов, как осуществляющих эту деятельность, так и «потребляющих» ее продукты, и их социальных объединений. Последнее ведет к складыванию новых культурных систем как комплексов норм и идентифицирующих черт, распространенных в том или ином сообществе. После решения этих задач собственно генетическая стадия порождения новых культурных феноменов или их систем заканчивается и начинается постгенетическая стадия их существования и изменчивости, проходящая уже преимущественно по трансформационному (эволюционному, циклическому или волновому) типу.

Четвертая: культурогенез не является одноразовым актом происхождения культуры в эпоху первобытной древности, поскольку процессы генезиса новых культурных форм и систем протекали и будут протекать постоянно на протяжении всей минувшей и грядущей истории человечества. Таким образом, трансформационная изменчивость и новационный культурогенез могут быть определены как сосуществующие, взаимодополняющие и взаимодействующие модели динамики культуры.

Пятая: структурно в культурогенезе можно выделить четыре типа процессов, обладающих сравнительной автономностью протекания: порождение отдельных культурных феноменов (форм и норм); генезис определенных видов и типов социальной деятельности (специальностей), а также субъектов этой деятельности и их коллективных социально-профессиональных объединений; генезис культурных систем, локализующихся и формирующихся по территориальному признаку (этнических, политических и др.); и наконец, генезис морфологии стадийных типов культурных систем, различающихся своими адаптивными ориентациями.

Шестая: в истории эмпирически можно выделить три характерные стадии, на каждой из которых преобладал свой специфический ком-

11

плекс условий существования людей, требующий адаптации посредством выработки особой совокупности форм и видов деятельности и социального взаимодействия в сообществах и формирующий особый тип преобладающих рефлексий и мироощущений членов этих сообществ. В рамках каждой из этих стадий можно выделить этап складывания и постепенного созревания соответствующих черт, т.е. генезиса ее морфологических признаков как культуры нового типа. Это дает возможность предположить, что в истории человечества имели место три стадийных морфогенеза его культурных систем с разными типами экзистенциальных ориентаций, и предпринять попытку классификации их типологических черт.

Седьмая: каждая из выделяемых по стадийному типу культурных систем не является результатом эволюционной трансформации какой-либо системы предыдущего типа, а порождается как совершенно новационное явление, принципиально отличаясь от предыдущего типа иными парадигмальными установками социальной жизнедеятельности, более высоким уровнем сложности своей структурно-иерархической организации и степенью универсальности своих социально-культурных функций и возможностей.

Аналитическая проработка перечисленных гипотез требует прежде всего серьезного методологического обоснования, определения гносеологических парадигм, в русле которых возможно познание поставленных вопросов. Без решения этой задачи проведение эмпирических исследований исторического культурогенеза и тем более построение каких-либо онтологий в этой области представляются научно необидительными. Поэтому избранная нами цель данной работы по преимуществу методологическая: построение модели исследования культурогенетических процессов, совокупностей порождающих эти процессы факторов, структуры и динамики генезиса культурных форм и систем как на микро-, так и на макроуровнях (т.е. в ракурсах как социальной, так и исторической динамики культуры).

Из сформулированной цели вытекают и две основные задачи исследования:

- структурирование и моделирование социальной микродинамики процессов в культурогенезе на уровнях генезиса отдельных культурных форм и норм, социокультурных и этнокультурных систем;
- структурирование и моделирование исторической макродинамики порождения морфологических признаков культурных систем с разными стадийными типами жизненных ориентаций и формулирование критериев их типологизации.

Таким образом, основным объектом исследования в настоящей работе избран процесс неэволюционного порождения культурных новаций, а предметом — анализ структуры и динамики этого процесса от появления факторов, инициирующих поиск адаптирующих их технологий и продуктов (результатов) деятельности или социального взаимодействия людей, до обретения этими новациями статуса новых норм и стандартов в соответствующих областях жизнедеятельности и включения этих новаций в действующие комплексы образов идентичности интегрирующего их сообщества.

12

Глава 1. МИКРОДИНАМИЧЕСКИЙ И ЛОКАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРОГЕНЕТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

1.1. Принципы социальной динамики культурогенеза

Человечество существует в истории. Жизнь людей протекает в непрерывной последовательности событий и явлений, часть из которых происходит независимо от людей (мир естественных порядков природы), другая же часть порождена самими людьми в процессе их жизнедеятельности (мир искусственных порядков). Этот феномен «второй природы», искусственно созданной материально-информационной среды обитания людей, совокупность результатов человеческой деятельности и социального взаимодействия (вещей, знаний, впечатлений, символов, структур коллективной самоорганизации и языков обмена информацией), а также разработанных людьми технологий, с помощью которых достигаются эти результаты, принято называть словом **культура**¹. Исходя из познавательных задач нашего исследования, мы дефинируем культуру как *совокупность социально значимых исторических форм общественно бытия*, что в целом не противоречит приведенному выше более общему определению.

Ключевой смысловой категорией истории, как известно, является *событие*. История — это совокупность событий общественного бытия, произошедших в прошлом или происходящих сейчас, но в каждый момент времени перемещающихся из настоящего в прошлое, обретающих статус того, что уже произошло. Но каждое из этих событий, сколь бы тривиальным оно ни было, под воздействием конкретных обстоятельств места и времени имеет свою специфическую форму, чем-то отличающуюся от формы аналогичного события, случившегося при других обстоятельствах. Вот эта конкретно-историческая форма всякого события, явления, продукта, произведенного людьми, специфика которой обусловлена пространственно-временными обстоятельствами его свершения, и есть его культурная составляющая.

Практически под формами понимается все мыслимое многообразие проявлений «второй природы» человеческого бытия, искусственной материальной и информационной среды его обитания. Таким образом, культура — это совокупность не самих исторических событий (явлений, продуктов, технологий деятельности и взаимодействия и т.п.), а их *специфических форм*.

Однако мы включаем в понятие общественной истории далеко не все события, реально имевшие место в жизни человечества. Насморг у автора этих строк и простуда, одолевшая Наполеона в день сражения

13

при Ватерлоо, клинически могут быть одним и тем же заболеванием, но приведшим к социальным последствиям совершенно различной значимости. Поэтому в свое понимание истории мы включаем лишь те события, которые привели к *общественно значимым последствиям*. Точно так же и к понятию культуры мы относим лишь те формы общественного бытия, которые обладают *общественно значимым содержанием*. Обретение этого общественно значимого содержания той или иной формой социального бытия может быть связано как с масштабами ее распространения (т.е. превращением ее в общепринятую норму, стандарт, обычай) или — в случае с уникальными произведениями искусства или науки — с их воздействием на общественное сознание.

Но человечество существует также и в пространстве. В основном, это земная суша, хотя в своих технических интересах люди научились использовать водное и воздушное пространства, а в последние десятилетия вышли и в ближайший космос. Впрочем, нас в данном случае интересуют только земные территории расселения и жизнедеятельности людей и в первую очередь тот факт, что природные условия в разных частях суши заметно различаются. А это уже на самой ранней стадии становления человечества привело к тому, что разные группы людей, расселяющиеся по земной поверхности, были вынуждены вырабатывать разные способы (технологии) адаптации в этих различающихся природных условиях и соответственно достигать результатов, в некоторых своих чертах специфичных только для данного коллектива на данной территории. Данные археологии дают достаточно оснований для предположения, что этот мир искусственных порядков по крайней мере с эпохи верхнего палеолита формировался не как единая общечеловеческая целостная панкультура, а как совокупность локальных и более или менее автономных «миров культуры» различных человеческих коллективов, адаптирующихся в конкретных природных условиях своего существования².

Позднее, по мере усложнения и развития взаимодействия людей внутри своих коллективов, возрастания роли контактов (мирных и немирных) между различными соседствующими коллективами (или в процессе миграции некоторых групп на другие территории), а также в силу того,

что среда обитания людей становилась все более «окультуренной», искусственно организованной, заполненной вещами и информацией, порожденными самими людьми, все большую роль в жизни человеческих сообществ начали играть исторические условия их существования, т.е. генерированные взаимоотношениями между людьми, возникающими в процессе их жизнедеятельности. Разумеется, эти исторические условия в свою очередь требовали адаптации посредством новых форм деятельности и социального взаимодействия людей, причем динамика их выработки возрастала по мере роста численности и плотности населения тех или иных районов, интенсификации социальных процессов и прочих факторов, эмпирически наблюдаемых на протяжении по крайней мере последних 5—7 тысячелетий. Поскольку совокупность исторических условий бытия тех или иных сообществ также отличалась более или менее выраженной специфичностью, это, по всей видимости, вело к усилению специфики технологий и результатов (продук-

14

тов) их деятельности, т.е. особых черт их локальных культур, хотя более тесные и частые контакты между ними одновременно способствовали и развитию обратной тенденции — диффузии культурных форм (заимствованию и обмену наиболее эффективными технологиями и продуктами деятельности и взаимодействия)³.

Здесь следует оговорить одно важное терминологическое различие. В нашем тексте будут постоянно соседствовать такие выражения, как «культурные формы» и «морфология культурных черт», которые, на первый взгляд, обозначают содержательно близкие или почти тождественные понятия. Поэтому сразу определимся, что под словами «культурные формы» будут иметься в виду **единичные** конкретно-исторические феномены тех или иных **новопорожденных** способов и продуктов социально значимой человеческой деятельности или взаимодействия. Эти способы и продукты деятельности в дальнейшем могут в сколь угодно больших масштабах тиражироваться или воспроизводиться вариативно в практике иных людей, но так или иначе восходить в своем происхождении к каким-то первоначальным образцам (новациям), которые и обозначаются нами словами «культурные формы». Что же касается «морфологии культурных черт», то этим словосочетанием в нашем исследовании будет обозначаться определенная экзистенциальная и отчасти функциональная ориентированность совокупности культурных форм того или иного сообщества, а также связанная с этим специфическая иерархичность структуры подобной совокупности. Такого рода специфические иерархии культурных черт определяются разными авторами как локальные цивилизации (преимущественно по особенностям институционализированных нормативных систем социальной регуляции)⁴, исторические стили культуры (главным образом, по чертам мировоззренческих и эстетических рефлексий)⁵ или как общественно-экономические формации (по характеристикам хозяйственной деятельности и властно-собственнических отношений)⁶. По нашему мнению, ни одна из этих парадигм типологизации исторических культур не обладает должной универсальностью, не отражает всей совокупности их стадийальных признаков, и потому мы вводим в свое исследование понятие «морфология культурных черт того или иного типа» как определение вариантов экзистенциальных ориентаций и морфологических структур культурных конфигураций, детерминированных в своей специфике необходимостью адаптации к тому или иному сочетанию условий существования сообществ.

Общеизвестно, что культурные формы существуют не автономно и не хаотически, но в процессе своего происхождения и внедрения в социальную практику вступают во множественные взаимосвязи, функционально и семантически соорганизовываются в иерархические структуры, различные звенья которых отличаются большей или меньшей жесткостью или, напротив, пластичностью. Существуют также и феномены «ассоциированных» форм, связь которых с такого рода структурами имеет спорадический и недетерминированный характер. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен в последующих разделах настоящего исследования, нас же в данном случае больше интересует тот факт, что эта иерархическая взаимосвязь культурных форм является не всеоб-

15

щей (панкультурной), а имеет эмпирически наблюдаемую дискретность. То есть совокупности культурных феноменов образуют во времени и пространстве тем или иным образом локализованные и структурно упорядоченные *культурные системы*. Наиболее выразительными примерами подобных систем являются национальные культуры, социальные культурные комплексы (так называемые «элитарная» или «народная» культуры), исторические культурные стили и т.п.

Разумеется, эти локальные культурные системы взаимодействуют друг с другом как в синхронном (диффузия культурных форм), так и в диахронном (наследование исторических форм) аспектах. Поскольку всякий человек является одновременно членом сразу нескольких социальных объединений (семьи, трудового коллектива, социально-профессиональной страты, этноса, класса, конфессии, государства и пр), то в его индивидуальном культурном комплексе эта взаимосвязь элементов различных культурных систем часто выражена наиболее зримо, а порой порождает и

весьма сложные внутренние психологические конфликты (между национальным долгом и религиозным запретом, общественными обязанностями и семейными интересами и т.п.). Точно так же и локальная культура всякого конкретно-исторического общества людей представляет собой «слоеный пирог» из элементов нескольких культурных систем, практикуемых в данном сообществе, составляющих его уникальный культурный комплекс (каждая из составляющих которого может встречаться и в культурах иных сообществ, но в таком сочетании друг с другом они практически нигде и никогда не повторяются). Пространственно-временные границы распространения этих составляющих комплекс элементов, как правило, не совпадают; они функционируют отчасти автономно, но отчасти и взаимосвязанно друг с другом. Для различения этих явлений с культурными системами сообществ их принято называть культурными конфигурациями.

Одним из возможных подходов к решению задачи моделирования происхождения культурных систем является рассмотрение этих феноменов как локальных комплексов *норм и стандартов в формах жизнедеятельности людей* (как формально институционализированных и отрефлексированных, так и явленных в неотрефлексированных чертах обычаев), охватывающих как *технологии*, так и *продукты* этой деятельности (за исключением незапланированных и непредвиденных последствий такой деятельности для природы Земли и биологической природы самого человека), порождаемых *социально* (т.е. прямо или опосредованно детерминированных фактом коллективного существования людей и потребностью в регулировании форм их совместной жизнедеятельности) и наследуемых *внебиологически* (т.е. не генетически, а методом научения или подражания)⁷. Таким образом, в исследовании речь пойдет о культурогенезе как о процессе происхождения норм и стандартов в любых социально значимых областях человеческой жизнедеятельности, понимаемом как экспликация механизмов и технологий порождения, распространения и интеграции этих норм и стандартов в социальную практику культуры.

Как представляется, основная социальная функция этих норм и стандартов заключается в удержании и закреплении в практике обществен-

16

ного бытия наиболее приемлемых культурных форм, тем или иным образом вошедших в эту практику. Поэтому культурные нормы и стандарты могут быть рассмотрены как вполне корректные репрезентаты упорядоченных областей искусственной среды человеческой жизнедеятельности, т.е. культуры как таковой и тем более локальных систем, где эти нормы и стандарты представлены в наиболее явленном виде.

Разумеется, было бы крайним упрощением сводить весь этот аспект культуры исключительно к непосредственно актуальным нормам человеческого бытия. В культуре всегда существует некоторое количество форм, так и не ставших нормами (или еще не ставших), а также пласт исторических норм и стандартов, утративших свою социальную актуальность (а порой и функциональность), но сохраняющихся в идеологии, а отчасти и в практике людей в качестве мемориально-ценностных явлений (памятников материальной, духовной или ритуально-поведенческой культуры). Одновременно в культуре постоянно (хотя и с различной интенсивностью и выраженностью) происходит порождение тех или иных новаций, преодолевающих действующие нормы и стандарты. Инерционное и флуктуационное воздействие этих традиций и новаций необходимо постоянно учитывать; но, как представляется, основу «тела» нормативного пласта культуры любого общества все же составляют более или менее общепринятые и, безусловно, социально актуальные нормы и стандарты деятельности, на фоне которых «памятниковедческий» (культура как совокупное наследие) и «шедевроведческий» (культура как свод уникальных новационных произведений) подходы являются лишь частными случаями предмета культурологических исследований.

Превращение культурных форм в культурные нормы представляется процессом, чрезвычайно сложным и требующим специального углубленного исследования; в нашей работе эта проблема будет затронута и рассмотрена лишь частично, в самых общих чертах, необходимых для выстраивания общей модели культурогенетических процессов.

Важнейшей проблемой в нашем исследовании является вопрос о понимании и употреблении термина «генезис» по отношению к культуре.

В мировой и отечественной научной и философской литературе под генезисом культуры, как правило, подразумевается процесс единократного исторического происхождения культуры в периоды плейстоцена (от 2 млн до 20 тыс. лет тому назад) и начала голоцена (от 20 до 3 тыс. лет до н.э.), когда, согласно данным археологии и палеонтологии, протекали процессы биологического антропогенеза вида *хомо сапиенс*, социогенеза ранних форм человеческих сообществ, возможно, первичных форм их этногенеза, зарождение основных форм труда, языка, религии, искусства и т.п.⁸ Но разве с концом первобытной эпохи — периодом, с которым обычно связывают завершение генезиса всех перечисленных явлений⁹, — прекратилось порождение новых культурных форм,

социальное и этническое формирование новых культурных систем? Разве за пять тысяч лет, прошедших со времени зарождения первых городских цивилизаций¹⁰, человеческое общество сохранило первичную морфологию своих культурных черт? Совершенно очевидно, что в течение всего этого времени порождение но-

17

вых культурных явлений не прекращалось и продолжается в наши дни.

Поэтому, как представляется, по отношению к культуре использование термина «генезис» в его классическом, утвердившемся в науке понимании происхождения чего-либо как разового, уникального события¹¹, не отражает всей полноты и сложности проблем культуригенеза. Культура не представляет собой единого, целостного явления. Это совокупность огромного числа частных технологий и продуктов человеческой деятельности и взаимодействия, объединенных в локальные социокультурные и этнокультурные системы и конфигурации разного масштаба. И каждая из этих форм и систем может и должна, по нашему мнению, рассматриваться как совершенно самостоятельное явление (разумеется, связанное в своем происхождении и существовании с другими такого же рода явлениями), имеющее свой уникальный генезис. Что же касается происхождения культуры как видового признака хомо сапиенс, то, как будет показано в следующих разделах нашей работы, этот вопрос далеко не столь однозначен, как это принято считать, и сведение проблемы культуригенеза только к порождению культуры как видового признака человека явно не решает вопрос о культуригенезе во всей его многоплановости.

Таким образом, мы основываем свое исследование на принципиальном исходном допущении того, что *культуригенез* — это не единократное происхождение культуры где-то в глубокой древности, а совокупность постоянно протекающих процессов в культурах всех времен и всех народов. Это один из типов социальной и исторической динамики существования и изменчивости культуры, заключающийся в непрерывном порождении новых культурных феноменов наряду с наследованием и трансформацией прежних.

В чем заключается принципиальная специфика этого типа культурных процессов, какова их динамика и структура, чем они выделяются из ряда иных, известных науке видов культурной изменчивости?

Наиболее рациональным построением нашего исследования представляется путь последовательного восхождения от микроуровня — рассмотрения процессов генезиса отдельных культурных форм (разумеется, не в эмпирическом, а в таксономическом смысле), создаваемых индивидами или их объединениями, и конвенционального нормирования этих форм в той или иной микросоциальной среде — к макроуровню — моделированию процессов нормообразования в общечеловеческом масштабе на разных стадиях социального развития исторических сообществ людей.

Подобных уровней, на которых различные культуригенетические процессы могут быть смоделированы как сравнительно автономные явления, видится по меньшей мере четыре.

Во-первых, это генезис культурных форм и норм, представляющий собой процесс постоянного порождения новых культурных феноменов, рефлексии и отбора в сообществах тех из них, что могут быть включены в процессы практической деятельности, а также в системы образов идентичности этих сообществ и, наконец, воспроизводства этих форм в большем или меньшем числе культурных объектов, вариативно интерпретирующих исходные образцы.

18

Во-вторых, это процесс генезиса социокультурных систем в качестве комплексов норм и стандартов в тех или иных видах деятельности (социокультурных функций, специализаций), а также особых социально-функциональных и профессиональных групп людей, осуществляющих эту деятельность, — профессиональных корпораций, сословий, классов.

В-третьих, это процесс генезиса этнокультурных систем, отражающий формирование локальных дискретных нормативных комплексов конкретно-исторических сообществ, складывающихся по территориальному признаку (этнических, этно-политических, этно-конфессиональных и т.п.), и в особенности комплексов маркирующих и идентифицирующих их черт, обыденно понимаемых как их культуры в узком смысле.

И наконец, в-четвертых, генезис стадияльных морфологий культурных систем, отражающий становление их основных экзистенциальных характеристик в масштабе всего человечества на различных этапах его исторического развития и выражающий историческую макродинамику культурной изменчивости стадияльного характера.

Важным вопросом является исследование механизмов взаимодействия между этими уровнями, объединяющими их в целостное явление нормативного культуригенеза.

Представляется очевидным, что в основе их лежит процесс формогенеза культурных феноменов, непосредственно порождающий новые культурные содержания и воплощающие их формы.

Показательно, что если по содержательно-смысловым признакам многие явления культуры у разных обществ более или менее схожи, то их формы всегда обусловлены конкретным сочетанием обстоятельств места и времени, и поэтому всякая порождаемая культурная, форма по определению уникальна.

Следующую иерархическую ступень занимают процессы генезиса социальных и этнических культурных систем, протекающие параллельно и в значительной мере взаимосвязано. В ходе социогенеза новая культурная форма, во-первых, институционализируется в технологиях своего производства и, во-вторых, формирует субъекта, специализирующегося на ее производстве. В рамках этногенеза эта форма, напротив, обретает субъекта своего восприятия и потребления, распространяясь посредством процессов социальной коммуникации, в оптимальном случае интегрируясь в комплекс норм жизнедеятельности и образов идентичности того или иного сообщества и превращаясь в объект его культурных интерпретаций. Разумеется, по мере развития социокультурной стратифицированности всякого общества, формирование субъекта потребления и интерпретирования культурных форм протекает также и в ходе процессов генезиса социокультурных систем, где складываются определенные социальные группы и слои населения, в среде которых те или иные культурные формы обретают наибольшую актуальность. Одновременно в ходе процессов генезиса этнических и отчасти социальных культурных систем территориально или социально сложившиеся совокупности культурных форм (паттернов) постепенно организуются сообществом в некие иерархически выстроенные и содержа-

19

тельно взаимосвязанные устойчивые структуры (что не исключает практиквания и отдельных внесистемных форм), обретающих черты более или менее выраженных локальных целостностей.

И наконец, третья иерархическая ступень характеризуется процессами морфогенеза культурных систем, отражающими историческую макродинамику культурогенеза, специфику черт культуры, определяемую не региональными или социальными особенностями населения, а стадиями социально-экономического и технологического развития человечества и его деятельности в целом и его конкретных сообществ в частности. Разумеется, морфогенетические черты культуры того или иного исторического этапа развития складываются в каждом конкретном сообществе более или менее автономно и их объединение в комплексы стадияльных признаков имеет сугубо умозрительный, моделирующий характер с целью их историко-теоретического исследования.

Таким образом, в ходе генезиса культурных форм порождаются сами культурные объекты, в процессах генезиса социокультурных и этнокультурных систем формируются главным образом субъекты «производства» и «потребления» культурных объектов (а также технологии и механизмы этого производства и потребления), сами же формы при этом выстраиваются в более или менее систематизированные локальные культурные комплексы. И, наконец, морфогенез культурных систем воплощает историческую динамику порождения тех или иных экзистенциальных типов ориентированности культур на разных стадиях общественного развития.

Очень существенным представляется вопрос о критериях дифференциации процессов генезиса и постгенетической изменчивости культурных систем.

Мы полагаем, что в принципе можно выделить четыре основных типа процессов культурной динамики. Во-первых, новационное порождение новых культурных форм и систем, не существовавших ранее, и внедрение их в социальную практику. Во-вторых, трансформационная изменчивость уже порожденных и утвердившихся в своей эффективности культурных форм или систем, их воспроизводство, техническая модернизация или деградация, смысловая реинтерпретация и т.п., вплоть до потери этими явлениями своей социально-функциональной актуальности. В-третьих, повторное использование прежних культурных форм, но уже в новых функциональных и семантических порядках (практическая «реактуализация» исторических памятников или стилевой «историзм» форм новодела, временами входящий в моду в некоторых областях деятельности). И наконец, четвертый тип протекания динамических процессов в культуре связан со стадияльной изменчивостью глобальных парадигм исторического существования человечества в целом или его отдельных региональных групп сообществ (цивилизаций), выражаемых в таких категориях исторической науки, как «первобытность», «варварство», «древний мир», «средневековье», «новое и новейшее время». С точки зрения культурной динамики, здесь речь может идти о том, что на разных стадиях истории сообществ наблюдается преобладание тех или иных составляющих в общем комплексе условий их суще-

20

ствования — ландшафтных, внешних исторических или внутренних социально-экономических. Это ведет к приоритетному развитию соответствующих приемов адаптации сообществ посредством разработки форм деятельности и взаимодействия, оптимизированных к преобладающему (наиболее актуальному) по своему воздействию виду условий. Скажем, для первобытных обществ это,

несомненно, условия ландшафта, для раннеклассовых — по преимуществу внешние исторические и т.п. В конечном счете, этот четвертый тип процессов стадияльной изменчивости в культуре является столь же новационным, что и первый из описанных, однако, в отличие от микроуровня и микродинамики порождения новых культурных феноменов и систем, здесь речь идет о макроуровне и макродинамике становления новых парадигм выстраивания искусственных порядков в общественном бытии людей, т.е. новых морфологических признаков культуры. Впрочем, реально эти стадияльные изменения происходят, конечно же, в автономных процессах культурной динамики отдельных конкретно-исторических сообществ, лишь умозрительно обобщаемых нами в стадияльные типы в познавательных целях.

Подавляющее большинство существующих научных концепций исторической динамики культуры акцентирует внимание, главным образом, на проблемах исторического развития культуры в эволюционном русле. История как общечеловеческой панкультуры, так и в особенности региональных цивилизаций или этносов, представляется, как правило, процессом линейной или циклической, но, тем не менее, эволюции этой подсистемы общественного бытия. И действительно, эмпирическое наблюдение исторической динамики изменчивости культурных форм различных народов, видов деятельности, стилей и т.п. формирует картину по преимуществу непрерывной прогрессивной эволюции культуры в целом, ее отдельных феноменов и комплексов и столь же эволюционное «накопление» черт локальной специфичности отдельных культурных систем. Это впечатление усиливается тем более, чем выраженной в той или иной культурной системе наблюдаются процессы наследования и трансформации традиционных культурных форм прошлого.

Вместе с тем, далеко не все случаи такого рода наследования могут быть истолкованы в эволюционной парадигме. Например, можем ли мы сказать, что художественная культура европейского Ренессанса и ряда постренессансных стилей с их постоянными апелляциями к античным формам, образам и сюжетам явились результатом эволюции древнего греко-римского искусства? Является ли современная либеральная демократия продуктом эволюции демократических принципов все той же Античности? Может ли древнеегипетская культура рассматриваться как основа для последующей эволюции в современную мусульманскую культуру Египта (хотя, по мнению антропологов, популяционная генетическая преемственность между древними и современными египтянами прослеживается с достаточной убедительностью)¹²?

Представляется очевидным, что во всех трех приведенных примерах архаические формы, пришедшие из прошлого, оказались включенными в совершенно новые культурные системы, не связанные непосред-

21

венной эволюционной преемственностью с теми системами, откуда эти формы были позаимствованы. В этих новых культурных системах прежние формы подверглись существенной функциональной и семиотической трансформации, интегрировались в иные композиции элементов иных смысловых полей культуры.

С еще большей очевидностью отсутствие прямых эволюционных связей между различными культурными системами проявляется в случаях, когда масштабы формального наследования культурных образцов (паттернов) могут быть охарактеризованы как малозначительные (например, между «варварскими» культурами кельтских и германских племен, с одной стороны, и урбанистической «бюргерской» культурой позднесредневековой Европы, с другой, несмотря на безусловное кельтско-германское происхождение большинства ее населения¹³).

Другое дело, что в рамках уже сложившихся культурных систем (этнических, социальных и др.) новационные процессы наблюдаются главным образом в сфере порождения отдельных культурных форм. Изменчивость же самих систем как упорядоченных целостностей протекает по преимуществу по пути эволюционной, деволюционной или волнообразной трансформации и модернизации имеющейся совокупности культурных форм, разумеется, постоянно дополняемых генезисом тех или иных новационных явлений, однако не нарушающих устойчивую целостность самой культурной системы как таковой.

Разумеется, и культурные новации не возникают «из ничего». Они так или иначе являются продуктами прежнего опыта того или иного вида деятельности или социального взаимодействия, переосмысленного на основе новых открытий, идей, интересов и пр. Однако критерием новационности в данном случае может считаться то, что новая форма или система не является результатом модернизации какой-то прежней с сохранением ее функций, смысла, семиотического значения, элементов атрибутирующих черт и т.п., а порождением новой функции, смысла, семантического образа. Даже в случаях, когда новая система составляется из комбинации прежних элементов, их новая композиция так или иначе меняет функционально-смысловые признаки этого образования.

Таким образом, перед нами два типа исторической динамики культуры: по преимуществу эволюционное (или трансформационное) развитие в рамках уже сложившихся культурных систем и по преимуществу не эволюционное, а новационное, когда речь идет о формировании новых культурных систем или отдельных культурных феноменов. Именно второй из названных процессов — неэволюционный тип культурной динамики — определяется в настоящей работе понятием «культурогенез».

Есть основания полагать, что на формогенетическом и социогенетическом уровнях процесс культуругенеза в принципе тождественен понятию социальной динамики культурных процессов и форм в целом. Формогенез и социогенез культуры происходят непрерывно, порождая новые формы и новые типы субъектов культуротворчества. И хотя на разных этапах истории того или иного сообщества интенсивность новационных процессов разнится, тем не менее они протекают перманентно

22

в течение всего срока, пока данное сообщество существует в качестве устойчивой социальной целостности.

Вместе с тем, на этногенетическом и морфогенетическом уровнях понятие культуругенеза отражает и определенное качественное состояние культурных систем, характеризующих стадию социально-деятельностного развития сообществ, носителей соответствующих культурных систем, процесс формирования их основных сущностных характеристик. Этногенез культурных систем начинается тогда, когда у какой-то группы людей, по разным причинам вынужденных проживать на некой общей территории, появляется необходимость в выработке своего особого способа осуществления жизнедеятельности, более адаптированного к конкретным условиям места и времени, т.е. совокупности новых норм и стандартов деятельности и социального взаимодействия, тем или иным образом отличающихся от других подобных совокупностей форм бытия, сложившихся у других групп людей, в другое время и на других территориях. Заканчивается же этот этап генезиса культурных систем тогда, когда эта новая совокупность норм и стандартов деятельности и взаимодействия институционализируется данным сообществом уже в виде более или менее сбалансированных и отрегулированных целостностей, что, как правило, выражается в виде устоявшихся нравов и обычаев или кодифицированных сводов норм, правил, законов (религиозных, гражданских, уголовных и др.). Далее наступает этап трансформационной изменчивости уже сложившейся локальной совокупности таких форм или типа культуры, но уже без радикальной ломки его специфики.

Точно так же и этап морфогенеза культурных систем охватывает период становления основных универсальных характеристик, свойственных тому или иному стадийному типу культуры, и отличается довольно выраженной экспансией новационного культуротворчества. По завершении этого генетического этапа динамика культурных процессов заметно стабилизируется. Хотя формотворческие процессы и не прерываются, степень их новационности (а порой и революционности) уже заметно ниже, чем на морфогенетическом этапе.

Последующие разделы этой главы будут посвящены моделированию процессов генезиса культурных явлений на микроуровне, т.е. в их социальной динамике. К этому уровню мы относим генезис отдельных культурных форм, а также социальных и этнических культурных систем. По существу, культуругенетические процессы как таковые (в техническом смысле) осуществляются именно на этом уровне. То, что мы называем макроуровневым или историческим морфогенезом культурных черт, отражает лишь разные исторические типы наблюдаемых социогенетических и этногенетических процессов, характерных для разных стадий социальной истории. Правда, за рамками нашего исследования остается еще одна важнейшая типология культурных систем — региональная межэтническая (по цивилизационным, хозяйственно-культурным и иным признакам). Однако, во-первых, построение такой типологии осуществимо лишь методом эмпирического компаративного анализа, что не входит в задачи, решаемые в данной работе, и во-вторых, генезис этого явления, как представляется, не выходит за пределы

23

разрабатываемой нами модели генезиса этнокультурных систем и лишь дополняется действием закономерностей диффузии (межсистемного распространения) культурных форм, которые мы здесь не рассматриваем.

Микродинамика генезиса культурных форм и систем отличается рядом важных особенностей. Прежде всего ограниченными временными рамками. Процессы формогенеза отдельных культурных феноменов от зарождения новации до ее интеграции в общественную практику в разных случаях могут осуществляться порой в течение нескольких дней, чаще — недель или месяцев и, как представляется, сравнительно редко растягиваться на долгие годы (хотя, конечно, случается и такое). Социогенетические процессы порождения новых направлений деятельности и формирования

корпораций осуществляющих ее специалистов даже в наши дни требуют, как правило, нескольких лет, чаще — десятилетий, в средневековье охватывали жизнь двух-четырех поколений¹⁴, а в более глубокой древности, возможно, растягивались на века. Сроки становления культурной специфики более крупных социальных страт — сословий или социальных классов, конечно, зависели от исторических обстоятельств бытия того или иного сообщества, но обычно занимали не меньше одного-двух столетий. Процессы этногенеза культурных систем, по мнению специалистов, при благоприятных условиях тоже могли укладываться в срок жизни трех-четырех поколений, но могли длиться и два-три века¹⁵. Таким образом, усредненным сроком генетического формирования культурных систем мы можем условно считать период жизни двух-четырех поколений (50—100 лет).

Также весьма существенен вопрос о масштабах распространения тех или иных культурных явлений, достаточно корректных для определения их как вошедших в социальный обиход или объединившихся в сложившиеся культурные системы. Например, говоря об интеграции новой формы в культурную систему, должны ли мы считать критерием этой интеграции внедрение формы в обиход всего населения сообщества, его отдельной социальной страты, или достаточно принятия этой формы узким кругом профессионалов? По всей видимости, второй и третий из перечисленных критериев в принципе совпадают; если группа специалистов занимается воспроизводством какой-либо формы, то, значит, на это находятся заказчики и покупатели из числа представителей по крайней мере одной из социальных страт сообщества. Таким образом, сам факт воспроизводства культурной формы, независимо от его масштабов, уже можно квалифицировать как состоявшееся внедрение, т.е. свершившийся акт культурогенеза.

Практически то же самое можно сказать и о генезисе социальных систем в культуре. Если какое-то новое направление деятельности или социального взаимодействия устойчиво воспроизводится группой людей, в большей или меньшей степени специализирующихся на этом, у нас есть все основания полагать, что в данном сообществе имеет место «социальный заказ» на этот вид деятельности или взаимодействия и на функционирование соответствующих специалистов, а их институционализированная или неформальная корпорация легитимизирована или по крайней мере признана как реальный факт (в случае с априорно не-

24

легитимными группами — криминальными, революционными, изуверскими сектами и т.п.). Таким образом, судя по всему, вне зависимости от масштабов распространения и числа задействованных субъектов, генезис социокультурной системы можно считать свершившимся фактом, если соответствующий вид деятельности или взаимодействия устойчиво воспроизводится в социальной практике какого-либо сообщества.

Значительно сложнее определить с этим вопросом на уровне генезиса этнокультурных систем, поскольку сколь-либо устойчивых критериев выявления феномена этничности современная наука не имеет. По сегодняшним представлениям, этничность — это некий поддающийся эмпирическому наблюдению и описанию, но почти не формализуемый и по преимуществу не институционализированный (т.е. не отраженный в политико-правовых установлениях) комплекс норм и стандартов в поведении и мироощущении того или иного территориального сообщества людей, специфических маркирующих черт в формах их предметов обихода и технологий жизнеобеспечения и, что особенно важно, отраженный в единстве языка, этнического самосознания и самоназвания¹⁶. Каждый из этих признаков, как принято считать, вполне специфичен для этноса, хотя полнота этого комплекса является необходимой лишь на этапе формирования такого сообщества; на последующих этапах его истории большинство перечисленных признаков (пожалуй, за исключением самосознания и самоназвания) уже не относится к числу совершенно необходимых и может практически не наблюдаться¹⁷. По существу все эти «обязательные-необязательные» признаки и являются чертами этнических культур, а динамика их обретения и утраты отражает динамику формирования этнокультурных систем и их последующей изменчивости.

Столь же расплывчатыми являются и этнокультурные параметры, на основании которых тех или иных людей можно причислить к определенному этносу (за исключением, разумеется, их собственного этнического самоопределения, которое далеко не у всех бывает сколь-либо четким и часто корректируется сторонними факторами — конфессиональной принадлежностью, гражданством, расовыми признаками, родовыми связями и т.п.). В принципе в составе большинства современных развитых этносов мы можем встретить такие варианты носителей этноспецифических черт, как: сельские жители, этнокультурные признаки которых наиболее выражены в своей специфике; городские «низы», чьи этнические черты, как правило, более или менее определены, но со стороны менее специфичны, чем у крестьян; городские специалисты (работники высоко специализированных сфер деятельности), чьи этноспецифические черты культуры весьма «разбавлены» компонентами интернациональных по определению социально-профессиональных

субкультур; элитные группы, в чьей культуре межэтнические престижные, социально-статусные маркеры нередко преобладают в своей выраженности над этноспецифичными признаками; различные группы инородцев, находящихся на разных этапах ассимиляции (т.е. усвоения новой культуры, вытесняющей паттерны «родной») или аккультурации (совмещения усваиваемой новой культуры с сохраняющими актуальность чертами прежней), и т.п.

25

В этих условиях определение критериев «состоявшейся» этничности (в культурно-системном плане) чрезвычайно затруднено. Представляется, что к числу наиболее объективированных критериев можно отнести, во-первых, формирование языка (или его специфического диалекта), вне которого этнокультурная коммуникация и связанное с ней конвенциональное становление этноспецифических норм и стандартов жизнедеятельности практически невозможно. И во-вторых, становление коллективного самосознания территориального сообщества людей, осмысляющих себя в качестве социальной целостности (первоначально главным образом по политическому или конфессиональному признаку), его самоназвания и соответствующих маркеров его коллективной идентичности. Поскольку первоначальные масштабы осуществления этих процессов, т.е. число вовлекаемых в них людей, как представляется, не принципиальны (это может быть и небольшая социальная группа, реализующая свои интересы и объединяющая вокруг себя людей, становящихся ядром будущего этноса¹⁸), то обретение какой-то территориальной группой людей подобной языковой и номинативной (связанной с самоназванием) специфики уже можно считать фактом осуществления процесса этногенеза культурной системы.

Очень важным представляется вопрос о целостности и универсальности культурных систем. Эти свойства связаны в первую очередь с социальной целостностью тех сообществ, что порождают и используют эти системы. И действительно, культурных систем вне конкретно-исторических сообществ не бывает. И если сообщество утрачивает социальную целостность (скажем, его члены ассимилируются в других сообществах), то тем самым ликвидируется и прежняя культурная система, объединявшая этих людей и воплощавшая основные параметры имевшей место социальной целостности.

Другой аспект этой проблемы заключается в феномене большей или меньшей универсальности культурных паттернов, упорядоченная совокупность которых и составляет культурную систему как таковую. Судя по всему, культурные формы и являются основными «смыслоносителями» социокультурных систем, их культурными единицами (по аналогии со словами как лексическими единицами). Существенной характеристикой этих форм является их более или менее выраженная амбивалентность, полифункциональность и полисемантичесность¹⁹. У нас нет оснований предполагать неограниченную вариативность такого рода параметров у культурных форм и паттернов, но хорошо известно, что в разных культурных системах и даже в разных контекстах одной системы эти феномены могут существенно менять свои смысловые и семантические значения, выступать в новых функциях и вступать в разные системно-конфигуративные связи.

В наши задачи не входит всестороннее исследование названного явления, но одна из причин этого имеет прямое отношение к анализируемым проблемам. Как представляется, большинство культурных форм, интегрированных в ту или иную систему, «работают» одновременно по меньшей мере в двух ее контекстах: социальном и этническом (а могут быть задействованы и в большем числе контекстов: политическом, религиозном, эстетическом и др.). По всей видимости, в каждом из этих

26

контекстов (культурных конфигураций) форма несет различные функциональные, семиотические и системообразующие нагрузки. Таким образом, проводя параллель с лингвистикой, мы можем предположить, что в рамках локальной культурной системы одни и те же «слова» (паттерны, формы) используются одновременно в нескольких «языках» культурной коммуникации, причем в каждом из них эти «слова» несут самостоятельную смысловую нагрузку и функционируют в весьма разнотипных «лингвистических» конструкциях. Отсюда и наблюдаемая полифункциональность, полисемантичесность и амбивалентность этих паттернов, требующая от исследователя чуткой дифференциации «языковых» контекстов, в которых он рассматривает интересующую его культурную форму в каждом конкретном случае²⁰.

Разумеется, было бы преувеличением утверждать, что «словарные запасы» всех культурных подсистем, действующих в рамках одной локальной культурной системы, полностью совпадают и состоят из ограниченного набора одних и тех же форм и паттернов. Несомненно, в каждой из подсистем имеют место и функционируют некоторые специфичные только для данной конфигурации паттерны. Но существенная часть используемых в системе культурных форм, как представляется, все же отличается определенной универсальностью. Например, архитектурная форма какого-нибудь конкретного русского храма несет глубокую образно-смысловую нагрузку в рамках принятой в православии религиозной символики храмостроения; указывает на функциональную

предназначенность постройки (храм монастырский, приходской, кафедральный, кладбищенский или домовый); является выразительным маркером черт национальной культурной самобытности русского народа; воплощает особенности архитектурно-художественного стиля и эстетики эпохи и их региональную специфику; иллюстрирует уровень развития и совершенства технологий строительного ремесла; отражает состояние экономики, политики и идеологии общества в период постройки храма; демонстрирует продиктованные зодчему социальные, политические и идеологические претензии заказчика и социального слоя, к которому он принадлежит; высвечивает индивидуальный творческий почерк самого зодчего и особенности архитектурной школы, его возрастной, и т.п. Каждый из перечисленных параметров относится к совершенно самостоятельному «языку» культурной коммуникации, в контексте которого может стать предметом самостоятельного научного исследования. И хотя «лексической единицей» во всех случаях выступает архитектурная форма одного и того же объекта, в каждом из перечисленных контекстов она несет самостоятельную смысловую нагрузку и входит в специфичную для этого контекста цепочку системообразующих связей.

Таким образом, мы видим, что процессы генезиса социальных и этнических культурных систем в рамках одного сообщества представляют собой формирование разных функционально-семантических конфигураций, связанных с различными социально значимыми областями жизни, но строящихся в значительной мере на использовании одних и тех же форм, включаемых в разные контексты с разными смысловыми нагрузками. Отсюда и линии демаркации между социальной и этни-

27

ческой составляющими всякой локальной культурной системы весьма расплывчаты, а порой и условны, что необходимо постоянно учитывать, моделируя эти явления. Точнее говоря, социальные культурные системы как самостоятельные явления можно моделировать в исследовательских интересах, условно абстрагируясь от того, что даже будучи интернациональным явлением (виды технологий, рациональные знания, типология профессий и специализаций, системы социальных страт, классов, сословий имеют в принципе внеэтническую сущность), они реально все равно состоят из национальных по принадлежности сегментов, обладающих своей этнической спецификой. В рамках же конкретно-исторических локальных сообществ культурные системы, очевидно, невозможно моделировать иначе, чем как многослойные и иерархически упорядоченные целостности, в которых *умозрительно* в качестве предмета анализа могут выделяться как их социальные свойства (в том числе и проблема генезиса этих свойств), так и этнические (включая этногенетические). Но это не более чем ракурсы познания. Реально расчлнить локальную культурную систему на ее социальную и этническую составляющую невозможно, как и в любом материальном объекте нельзя отделить его физическую структуру от химического состава.

Для того чтобы культурные формы смогли распространяться среди членов сообщества и превращаться в конвенциональные или институционализированные нормы и стандарты деятельности или социального взаимодействия, организовываться в структурно упорядоченные системы и транслироваться от поколения к поколению, они должны «работать» в системе хорошо отлаженных каналов и сетей социальной информации и коммуникации, обладающих максимально высокой (по возможностям сообщества) пропускной способностью. Такими каналами в первую очередь, несомненно, являются языки обмена информацией (главным образом, вербальные языки устного и письменного общения, хотя и не только), процессы воспитания и образования членов сообщества (их социализации), а также процессы социального взаимодействия между ними. Функционирование культурных форм как информационных единиц, по всей видимости, является одним из основных механизмов системообразования в культуре. Обстоятельные исследования этого вопроса уже проводились корифеями структурной антропологии²¹, так что мы можем ограничиться лишь констатацией этого факта и постоянным учетом того, что социальный и этнический генезис культурных систем — это в значительной мере процесс выработки, распространения и усвоения социально значимой информации. Но это уже самостоятельный проблемный ракурс исследования культурогенеза, который не входит в круг поставленных в настоящей работе задач.

Тем не менее, посредством каких бы механизмов ни осуществлялись генетические процессы в культуре, их наиболее социально значимым результатом так или иначе становится выработка и внедрение в жизненную практику людей новых форм и стандартов деятельности и взаимодействия. Мы полагаем, что процессы генезиса нормативности культурных паттернов и систем в значительной мере аккумулируют в себе наиболее сущностные черты общего культурогенеза человеческого общества, а построение познавательной модели этого явления может ока-

28

заться эвристически перспективным с точки зрения исследования исторической и социальной динамики культуры в целом.

1.2. Генезис культурных форм

Понятие «культура» охватывает определенный класс явлений человеческого бытия, в числе которых можно выделить как умозрительно обобщаемые категории (панкультура вообще, эпохальная или стадияльная культура), так и целостные, упорядоченные и дискретные в своей пространственно-временной локальности культурные системы (культура этноса, социального слоя и т.п.), и, наконец, эмпирически наблюдаемые и осязаемые с помощью органов чувств материальные или информационные феномены, называемые культурными объектами, паттернами, формами. Как представляется, в интересах исследования следует дифференцировать понятия *культурной формы* как едино-кратно порождаемого образа, нормы и стандарта технологии осуществления какой-либо деятельности и ее продукта, с одной стороны, и *культурного объекта* (факта), воспроизводящего эту форму в многократных копийных или вариативных (интерпретирующих) воплощениях, с другой.

Думается, что под культурной формой следует понимать некий целостный, законченный в своем цикле технологический акт деятельности или социального взаимодействия, имеющий более или менее выраженный новационный характер, а также результат, полученный путем свершения этого акта, выражающий некое новое социально значимое содержание, воплощенное в материальном (предмет), интеллектуальном (знание), эмоциональном (впечатление), информационном (символ, знак) или структурном (организационная форма) продукте. При этом и сама технология, и полученный с ее помощью продукт являются равноценными составляющими понятия «культурная форма».

Однако культурными формами целесообразно обозначать не любые новые технологии и продукты, а лишь обретающие функции образов идентичности использующих их сообществ и усваивающиеся ими в качестве маркеров, обозначающих их культурную специфику. То есть культурная форма непременно является еще и «текстом», повествующим об особенностях некоего конкретно-исторического сообщества, нормам и стандартам деятельности которого она соответствует и которое можно идентифицировать по специфическим чертам, отличающим его культурные формы от тех, что наблюдаются в других сообществах. В конечном счете именно на этом маркирующем свойстве культурных форм и строится археологическая, историческая, искусствоведческая и этнографическая атрибуция культурных артефактов и породивших их сообществ.

Вместе с тем всякая культурная форма как некое конкретно-чувственное явление рождается единожды в качестве творческой новации. Она может родиться и как уникальное произведение, совершенное во всех своих параметрах, и как весьма несовершенный новационный эксперимент, не нашедший прямого применения в момент своего появ-

29

ления и быстро утраченный в своей физической реальности. Но зато запомнившийся и усвоенный породившим его сообществом, интегрировавшийся в его действующую систему норм и стандартов деятельности или взаимодействия. Обретая таким образом функцию одного из элементов системы образов идентичности этого сообщества и будучи включенным в его традицию, культурная форма становится образцом (паттерном), воспроизводимым в последующем во множественных интерпретирующих ее вариациях. Эти вариации (культурные *объекты*) уже не порождают новые смыслы, нормы и стандарты, а лишь интерпретируют воплощения определенного эталонного первообразца. В основе этого различия лежит то соображение, что всякая культурная форма в момент своего возникновения, безусловно, являлась новацией, культурные же объекты обладают лишь некоторым элементом новационности постольку, поскольку никакое воспроизводство (и тем более интерпретационное) в принципе не может быть совершенно тождественным первоначальному образцу.

Существенное различие между культурной формой и воспроизводящим ее культурным объектом также заключается в том, что всякая культурная форма по своему происхождению высокофункциональна, ее порождение прямо или опосредованно связано с той или иной потребностью членов сообщества в новых функциональных нормах и стандартах деятельности и взаимодействия, в новых смысловых образах, отвечающих структурным социальным установкам (хотя степень этой опосредованности порой бывает столь велика, что сколь-либо доказательное выявление «причин» появления какой-то формы оказывается почти невозможным). В культурных же объектах эта утилитарная функция, как правило, со временем убывает (а нередко и утрачивается полностью), при одновременном возрастании семантической функции, т.е. форма воспроизводится в культурных объектах во все большей мере именно как традиционный образ идентичности использующих эту форму сообществ. Это явление хорошо известно на примерах генезиса этикетного и иного церемониального поведения, в истории архитектурного формообразования, в истории костюма и бытовой утвари и пр.²²

Можно привести такой показательный пример подобного процесса, как, скажем, происхождение

столь привычных для нашего глаза «луковичных» глав, венчающих русские православные храмы. Известно, что до конца XVI в. в средневековой русской архитектуре были распространены храмовые главы по преимуществу шлемовидной формы различной конфигурации²³. Происхождение луковообразной формы глав принято связывать с завершением кувуклия (надпрестольного балдахина) в интерьере иерусалимского храма Гроба Господня, построенного в IV—XII вв. на предполагаемом месте распятия и погребения Христа²⁴. На Руси такая форма венчания храмов впервые появляется в XII в., однако не в самой архитектуре, а в изображении церковных построек на некоторых иконах. Показательно, что в большинстве случаев такие нетипичные (не известные в реальной храмостроительной практике) главы встречаются в иконописных сюжетах, местом действия которых является Иерусалим. Это дает основание предположить, что лу-

30

ковообразные главы выполняли на иконах символическую функцию географической координаты Иерусалима (очень распространенный прием в высоко каноничном искусстве средневековья, где даже образы святых идентифицировались не по чертам лиц, а по атрибутирующим позам, деталям одежды, предметам в руках и т.п.). В реальной архитектуре такая форма глав в России впервые получает воплощение в конце XVI в. в московском храме Покрова на Рву (Василия Блаженного) при его послепожарной перестройке, что, по всей видимости, было обусловлено особой символической функцией этого сооружения, олицетворявшего собой образ Святого Града — «Иерусалима в Москве» (в обиходной лексике тех лет храм так и именовался — Иерусалимом)²⁵. Позднее, в «послесмутное время» 10—20-х гг. XVII в. эта «иерусалимская» символика храма Покрова стала забываться, но зато луковообразная форма глав вошла в моду и стала воспроизводиться в большинстве новых, а порой и в перестраиваемых старых церквях. То есть эта форма утратила свое первоначальное содержательное значение уникального атрибутирующего религиозного символа и превратилась в чисто декоративный прием, отличающий национальные особенности русской культовой архитектуры; новация «деонтологизировалась» и трансформировалась в паттерн, массово воспроизводимый во множестве объектов.

Возможно, такого рода «деонтологизация» не является обязательной судьбой всякой культурной формы (по крайней мере, этот вопрос еще не имеет однозначного решения), но тем не менее она весьма характерна для значительного числа культурных форм в самых различных областях социального бытия.

Таким образом, проблема генезиса культурных форм в конечном счете представляет собой проблему порождения новаций и их интеграции в существующие культурные системы, т.е. превращения их в культурные паттерны породившего или позаимствовавшего их сообщества.

Технология этого процесса, как представляется, включает четыре этапа. Первый из них детерминирован тем, что многообразные интересы людей — экономические, социальные, политические, познавательные и т.п. — наряду с чертами определенной устойчивости обладают еще и свойством изменчивости — тенденцией модификации прежних или появления новых интересов. В основе этой изменчивости лежит по преимуществу динамика перемен в условиях существования сообществ, инициирующая их адаптивные реакции. Это могут быть как внутренние условия, связанные с социально-экономическим и технологическим развитием общества, так и внешние — политические, военные, экологические и пр. Главное для нас заключается в том, что определенная часть этих изменившихся интересов уже не может быть удовлетворена и обеспечена имеющимися (практикуемыми) культурными формами — технологиями и продуктами деятельности, смысловыми образами и понятиями. Таким образом, формируется «социальный заказ» на некие новые смыслы, нормы или стандарты технологии и продуктов деятельности²⁶. Хотя этот «социальный заказ» складывается конвенционально во всем обществе или в недрах одной из его социальных групп, практическими «заказчиками», артикулирующими этот новый запрос, высту-

31

пают те или иные люди или организации, острее других чувствующие актуальность этого нового интереса, дискомфорт в связи с его неудовлетворенностью, социально более активные или испытывающие прямую личную заинтересованность в его скорейшем удовлетворении.

Вспомним, как рождению христианства — религии с выражением доминирующим этическим началом — предшествовали проповеди ессеев и эбионитов²⁷, а также Иоанна Крестителя (историчность которого подтверждают кумранские рукописи²⁸), закладывавшие основы новой социальной этики. Схожие ожидания артикулировались и рядом иных идейных движений в Римской империи и за ее восточными границами. Новая религия появилась и восторжествовала в обществе отнюдь не «вдруг». Массы людей, угнетенные психологическим дискомфортом не удовлетворяющих их условий и концепций смысла жизни, социально-экономических, правовых, политических и межличностных отношений, внутренне были уже подготовлены к появлению нового учения (религиозного, философского, социального), апеллирующего к иному смыслу их бытия, осознанно

или неосознанно ожидали его²⁹. Характерно, что примерно одновременно с христианством в этом же регионе появились манихейство, гностицизм, модернизированный митраизм, функционально ориентированные на решение такого же рода задач, также претендовавшие на порождение новой этики.

Другой показательный пример иллюстрирует трансформацию зарождающейся культурной формы при ее переориентации на новый изменившийся «социальный заказ». Архитектурно-художественный стиль барокко сложился, по мнению исследователей, в начале XVII в. в обстановке наступления католической контрреформации на распространяющийся по Европе протестантизм³⁰. Новый стиль разрабатывался в первую очередь в храмоостроительной практике ордена иезуитов (храмы типа «Иль Джезу»), демонстрируя своими фундаментальными формами мощь, богатство и одновременно высокий вкус римско-католической церкви и ее художественной традиции, контрастируя с идейным аскетизмом и некоторой стилиевой «провинциальностью» протестантского искусства (стилевое «соревнование» — по нормам средневековья — шло главным образом в архитектуре, преимущественно культовой).

Однако в динамике общественного сознания образованных слоев населения Европы, уставшего от полутора веков религиозных споров и войн, с середины XVII столетия возобладали иные тенденции: развитие настроений индивидуализма и меркантилизма, стремление уйти от глобальных вопросов мировоззренческого, нравственного и этического толка, замкнуться в повседневности личной (и в значительной мере интимной) жизни, на личном обогащении, на отношении к жизни как к увлекательной авантюре, полной приключений, неожиданных сюжетных поворотов, «счастливых случаев», изящной эротике и т.п. При этом в среде аристократии органично уживались меркантильный авантюризм и карьеризм (в военной сфере — расцвет эпохи наемничества, мародерствующих ландскнехтов и пр.) с повышенной театральностью, маскарадностью внешних проявлений образа жизни, в котором постоянно что-то имитировалось (париками — собственные волосы, каблуками — высокий рост, маскарадными масками — реальные социальные роли и т.п.)³¹.

32

И художественные формы барокко, рождавшиеся поначалу как «идеологически ангажированные» римской церковью*, быстро трансформировались адекватно новому «социальному заказу», в направлении развития по преимуществу орнаментально-декоративных черт, пышных, изящных, поражающих избыточностью сложных деталей и отражающих игриво-маскарадное мироощущение высоких заказчиков (что совсем уже не вязалось со стилистикой иезуитской орденовой архитектуры). В результате барокко начала XVIII в. уже значительно отличалось всей своей образной системой от барокко начала XVII в., что, как представляется, явилось результатом не столько саморазвития стиля по логике заложенных в нем формотворческих потенций, сколько реакцией на изменившийся «социальный заказ», потребовавший образно-смыслового воплощения новой культурной парадигмы.

Таким образом, можно сказать, что формирование «социального заказа» на новую культурную форму и его артикуляция представляют собой первый этап формогенетического процесса в культуре.

Разумеется, постоянно имеет место и процесс складывания новаций, не связанных со сколь-либо определенно выраженным «социальным заказом», а рожденных в инициативном творческом поиске отдельных людей, ищущих решения специфических личностных проблем. В таких случаях шансы на успешную интеграцию подобных новаций в социальную практику (производственную, интеллектуальную, художественную, обрядовую, поведенческую и пр.) в большой мере зависят от того, поймет ли большинство членов сообщества или возможный конкретный «покупатель» этой новации ее перспективную эффективность. В истории известно множество случаев, когда «преждевременные» произведения гениальных новаторов отвергались или не воспринимались их современниками (к примеру, судьба большинства технических изобретений Леонардо да Винчи). Поэтому, несмотря на множественность подобных случаев, у нас есть все основания предполагать, что подавляющее большинство новационных культурных форм инициировано по преимуществу более или менее созревшим и выраженным «социальным заказом» на них, а точнее — потребностью в адаптации каких-то новых условий существования, актуальных для всего сообщества или его части, а нередко и для конкретного «заказчика».

Второй этап генезиса культурных форм заключается в появлении людей, способных и готовых выполнить функции исполнителей этого «заказа», и в его практической реализации. Как правило, чем более актуальным является этот новый социальный интерес, тем большее число индивидуальных «заказчиков-артикуляторов» независимо друг от друга провозглашают условия нового «заказа» и тем большее число исполнителей откликается на этот призыв. Таким образом, общество обретает, как правило, сразу несколько вариантов искомой новой культурной формы, соответствие каждого из которых породившему их запросу зависит от степени внятности артикулирования «заказа» тем или иным

* Возможно, барокко было первым чисто «идеологическим» стилем в постантинском европейском искусстве, ориентированным прежде всего на политический «заказ», в отличие от прежних «теологических» стилей, отражавших в первую очередь мировоззренческие установки «заказчика»³ -.

33

конкретным «заказчиком» и адекватности его понимания тем или иным конкретным исполнителем.

После этого наступает третий этап формогенеза, очевидно, наиболее важный во всем процессе: «конкурс» предложенных обществу вариантов новой культурной формы. Разумеется, этот «конкурс» протекает по преимуществу конвенционально, хотя случается (особенно в близкие нам периоды истории), что он организовывается и проводится вполне целенаправленно. К сожалению, механизм протекания этого «конкурса» и критерии отбора на нем еще совершенно не ясны современной науке. Многочисленные исследования социальной и культурной антропологии³³, этнографии³⁴, специалистов по системным исследованиям и инноватике³⁵, раскрывающие массу интереснейших аспектов этого процесса, так и не дают представления о целостном механизме отбора и интеграции новаций в действующую культурную систему, факторах и закономерностях, обуславливающих это явление. Несомненно, в числе критериев отбора могут быть названы такие, как уровень функциональной эффективности новой культурной формы, степень соответствия конкурирующих вариантов фундаментальным ценностным установкам интегрирующего их общества, умеренность в их новационности (приемлемая рискованность) и технологическая экономность, соответствие уже сложившимся системам образов идентичности, формам социальной престижности, стереотипам образа жизни и картины мира и т.п. Вместе с тем, известно немало примеров, когда подобные «конкурсы» неожиданно выигрывают варианты, не вполне соответствующие этим формальным критериям, что лишний раз свидетельствует о том, что критерии эти далеко не столь формальны, как это нам кажется.

Можно высказать предположение, что ключевым критерием в подобном «конкурсе» являются не столько идейные параметры искомого результата (продукта), которые при необходимости могут быть и переосмыслены в достаточно широком смысловом поле значений, сколько приемлемые характеристики предлагаемой технологии получения искомого результата. Эта гипотеза строится на известной точке зрения ряда исследователей³⁶, постулирующей, что «ядром» культуры являются ее технологии, т.е. сами способы осуществления той или иной деятельности или взаимодействия, а параметры результатов (продуктов) этой деятельности имеют, как правило, характер, обусловленный внешними обстоятельствами, являются продуктом осуществления этой деятельности в конкретных географических и исторических условиях.

Солидаризируясь с этой точки зрения, следует отметить, что культурологическая наука, как представляется, вообще слишком много внимания уделяет «конечным продуктам» культурных процессов, постоянно упираясь в амбивалентность, полифункциональность и полисемантическую этих феноменов, их частую обусловленность уникальным стечением обстоятельств, что является главной «ахиллесовой пятой» всех культурологических моделей, в то время как институционализированные технологии деятельности обладают существенно большей смысловой и символической определенностью и воплощают культурные стандарты и нормы ничуть не менее содержательно, чем вырабатываемые с их помощью «продукты».

34

Разумеется, из сказанного не следует, что технологический параметр во всех без исключения случаях доминирует в рассматриваемом «конкурсном отборе». В каких-то ситуациях функциональная или аксиологическая составляющие оказываются более важными при определении приемлемости той или иной культурной формы. Например, когда речь идет о каких-то новациях в политической или религиозной культуре. Однако, если технологическая компонента создания какой-либо формы оказывается вовсе нереализуемой («идея хороша, но нет способа воплотить ее в жизнь»), то вероятность «победы в конкурсе» такой формы, по всей видимости, сводится к нулю.

Очень интересен и показателен, как представляется, пример такого рода «конкурса», имевший место в выборе путей модернизации России в течение XVII в. Ко времени начала реформ Петра Великого наиболее образованная часть правящего слоя страны уже трезво понимала необходимость преобразований по западному образцу. Этого требовали военно-политические, торгово-экономические, да и собственно социальные интересы страны (процесс закрепощения крестьян, начавшийся в конце XVI в., нуждался в обеспечении иным типом военно-полицейского режима и иными формами организации дворянской службы, землевладения, наследования и т.п., нежели это имело место в Московском царстве). Необходимость в усвоении каких-то культурных форм, заимствуемых у Европы, чувствовал уже Борис Годунов. Первые практические шаги в этом направлении сделал Лжедмитрий I, но они оказались излишне революционными и привели к

быстрому свержению талантливого авантюриста. При Алексее Михайловиче Романове, особенно после присоединения Украины в 1654 г. начался процесс заметной «украинизации» форм русской культуры (церковная реформа Никона, стиль «московского барокко» в архитектуре, иконописи и зарождающихся направлениях светского искусства), а через это и «полонизации» многих элементов элитарной культуры Москвы. Особенно активно западные формы внедрялись, конечно, в военное дело (полки «иноземного строя» с преобладающими офицерами-иностранцами). В годы правления царевны Софьи и князя В. Голицына (80-е гг. XVII в.) «польский стиль» в быту московской аристократии получил уже полную легитимацию³⁷.

Однако используемые польские (а также отчасти австрийские и венгерские) культурные формы, хотя и были знакомы русскому образованному обществу гораздо более, нежели иные западноевропейские, несли в себе отчетливо выраженную католическую символику, что, по всей видимости, являлось одним из препятствий их активного внедрения в российскую действительность. Несколько столетий (с XIII в.) жесткой антикатолической пропаганды, ведшейся в стране, манифестирование антикатолицизма как одного из главных признаков русской православной идентичности и т.п. вели к повышенной идиосинкразии населения ко всему католическому и, в частности, польскому, как его характерному выражению (несмотря на довольно высокий уровень престижности предметов польской военной атрибутики среди части аристократии).

35

Петр же сделал ставку на заимствование культурных форм преимущественно североевропейских протестантских стран (Голландии, Англии, Швеции, северогерманских государств). Помимо того, что эти формы были более передовыми и эффективными в практическом плане, они оказались и более нейтральными идеологически, оскорбляя религиозные чувства православных сравнительно меньше, нежели черты культуры стран католического исповедания. Очевидно поэтому, несмотря на несколько большую «экстравагантность» голландских и шведских форм по сравнению с более привычными для русского глаза польскими, «победу в конкурсе» черт вестернизации России одержали по преимуществу эти североевропейские формы. Разумеется, определенную субъективную роль здесь играли и личные вкусовые пристрастия царя, хотя известно и о его любви ко многим явлениям итальянской культуры³⁸, тем не менее не получившим заметного распространения в России в это время.

После того как какой-то из предложенных вариантов решения проблемы «выигрывает конкурс», наступает четвертый, заключительный этап генезиса культурной формы — интеграция этого варианта в действующую культурную систему, превращения его в новую норму или стандарт этой системы с одновременным усвоением этой новации членами сообщества в качестве нового элемента в системе образов его идентичности. Именно на этом этапе избранный вариант и обретает качество и функцию культурной формы как таковой в полном смысле этого слова, т.е. нормативного явления и одновременно элемента в комплексе образов идентичности усвоившего его сообщества.

Совершенно очевидно, что далеко не все культурные формы, реально порождаемые в том или ином сообществе и даже используемые в практике его жизнедеятельности, обретают статус норм и стандартов, а также образов идентичности этого сообщества. Практически всегда в номенклатуре практикуемых форм встречается какое-то число внесистемных и вненормативных культурных феноменов, могущих быть как маргинальными проявлениями (как правило, социально деструктивного характера), так и чем-то уникальным, не принимаемым сообществом в целом, но более или менее терпимым в силу своей невысокой социальной значимости. Разумеется, наряду с этим в любом сообществе имеют место, хотя и неприемлемые, но социально значимые и уже обретшие нормативные свойства формы и их комплексы (например, криминальные субкультуры), от которых сообщество стремится избавиться.

Таким образом, исследование проблемы обретения культурной формой статуса нормы и стандарта деятельности или социального взаимодействия в существенной мере упирается в вопрос о формализации критериев определения *социальной значимости* того или иного практикуемого феномена. Отсутствие в науке такой системы критериев вынуждает нас лишь констатировать тот факт, что процессы генезиса форм и норм в культуре далеко не тождественны. Обретение какой-либо формой статуса нормы, как представляется, является оптимальным результатом интеграции этой формы в социальную практику и описывается нами как «идеальный» вариант протекания процесса формогенеза

36

в культуре (возможно, статистически и преобладающий над иными вариантами интеграции форм, хотя такого рода статистическими исследованиями никто не занимался).

При этом необходимо помнить и о том, что понятие «культурная норма» весьма неоднозначно. Есть нормы институционализированные, применение которых регулируется какими-то правилами, в том числе принудительными, нормы конвенциональные, имеющие в основном разрешительный

характер и оставляющие право на следование соответствующим правилам на усмотрение субъекта деятельности, и, наконец, нормы статистические, отражающие частоту использования той или иной формы, но вовсе не свидетельствующие о степени отрегулированности ее применения. В наших рассуждениях о процессах интеграции новопорожденной формы в социальную практику имеются в виду главным образом нормы, предписывающие и разрешающие (как институционализированные, так и конвенциональные); вопрос о статистических нормах мы не рассматриваем.

Что же касается бытования ненормированных культурных форм, то, как представляется, их можно рассматривать как результат неполного (незавершенного) цикла формогенеза культурных феноменов. Хорошо известны случаи, когда формы, не ставшие в момент своего рождения или диффузного внедрения нормами (или имевшие такой статус первоначально, а затем утратившие его) и долгое время существовавшие на положении маргинальных идейных установок, с изменением обстоятельств актуализировались и интегрировались в институциональные системы. Например, практика свободных альтернативных выборов и многопартийной демократии, существовавшая в России в 1905—1918 гг. и реактуализированная через 70 лет в годы «перестройки».

Если новый культурный феномен не становится образцом (паттерном) для последующего воспроизводства, а остается уникальной новацией, так и не вошедшей в интересубъектную культурную практику, это, во-первых, чрезвычайно затрудняет его интеграцию в систему образов идентичности породившего его сообщества, во-вторых, препятствует вхождению его в культурную систему, оставляя этот феномен в статусе внесистемного явления, и в-третьих, практически исключает наследование его в качестве элемента традиции. Под *традицией* в данном случае имеется в виду межпоколенное наследование и воспроизводство культурных форм, которые в этой функции по определению являются нормативными и идентифицирующими паттернами соответствующего сообщества. Таким образом, превращение новации в культурную форму в качестве оптимального результата включает в себя внедрение ее в культурную практику и более или менее вариативное воспроизводство по исходному образцу, т.е. обретение ею статуса новой нормы или стандарта технологии и результата (продукта) деятельности или взаимодействия людей того или иного сообщества.

Разумеется, в случае с уникальными формами художественной культуры процессы использования и воспроизводства их в качестве нормы имеют гораздо более сложный и опосредованный характер. Здесь нередко новая форма обретает нормативный статус через признание ее практиками, критиками и «потребителями» в качестве допустимой

37

в данной художественной системе, а ее практическое воспроизводство может иметь характер потенциально «разрешенной» возможности, как правило, реализуемой другими авторами, а иногда и нет.

Столь же сложна ситуация и с превращением новой культурной формы в один из элементов системы образов идентичности интегрирующего ее сообщества. Разумеется, это происходит далеко не со всеми формами, практически используемыми в обществе. Здесь мы также описываем «идеальный» вариант такого рода семиотического усвоения формы, который в наибольшей мере способствует ее последующему масштабному воспроизводству.

Однако, даже в случае внесистемного и вненормативного бытования каких-то форм в культуре сообщества, невозможно представить себе культурную форму «ничейной», не относящейся ни к какой конкретно-исторической культурной системе и не выражающей какую-либо черту ее самобытности (если не объективно, то по меньшей мере в параметрах субъективной самоидентификации определенного сообщества). В таком случае она просто не может рассматриваться в качестве «культурной», ибо «культуры вообще» (ничейной) в природе не может быть по определению. Вместе с тем, ни одно сообщество не станет практиковать использование той или иной культурной формы, если оно не признает ее своей, отражающей какие-то свойственные ему ценности, образы престижности, социальные цели или элементы картины мира, т.е. в конечном счете признаки его идентичности.

Другое дело, какие признаки и каким образом отражаются в тех или иных культурных формах? В силу уже упомянутой полисемантичности культуры и ее форм, любые ответы на этот вопрос остаются в области догадок и интуиций, отчасти имеющих отношение к реальности, но далеко не исчерпывающих всю ее полноту. Может быть, общая *теория социокультурной идентичности*, в разработке которой остро нуждается культурологическая наука, позволит выявить необходимые объективные критерии оценки этого многосложного явления.

В каких-то случаях, конечно, можно выявить более или менее очевидные основания такого выбора: социальные, политические, религиозные и др. Вспомним, как в 50-е гг. нашего века с началом проницаемости «железного занавеса», отделявшего население СССР от основной массы

культурно-информационных потоков, идущих с Запада, началось постепенное приобщение части городской молодежи к тем или иным атрибутам евроамериканской массовой культуры (одежде, прическам, легкой музыке и т.п.); а с конца 60-х гг. этот процесс приобрел уже обвалный характер. Разумеется, огромную роль в этих событиях играла и возраставшая мода на западные культурные формы, повышавшийся статус престижности «стиляг», «битников», «хиппи», «роккеров» и пр. в глазах их сверстников. Но все-таки самым важным, как представляется, явилось то, что в советских условиях этот «западнический» стиль постепенно превратился в совокупность идентифицирующих черт молодежи как самостоятельной социальной группы по отношению к старшему поколению. Проблема социального протеста, игравшая видную роль в становлении молодежных движений на Западе, в условиях СССР для подавляющей части молодежи не осознавалась

38

как актуальная (или по крайней мере как допустимая). Здесь речь шла в первую очередь об атрибутике групповой идентичности нового поколения, и именно поэтому никакие запретительные акции властей не имели в этом вопросе серьезного эффекта. К 80-м гг., когда поколение «стиляг» превратилось в основную социально активную часть населения, идентифицирующие черты западной массовой культуры 50—60-х гг. соответствующим образом обрели статус обыденной городской культуры России (разумеется, с определенными стилевыми поправками на наши дни). Это характерный пример социальных по преимуществу причин усвоения новых форм как черт собственной идентичности.

Можно привести и противоположный пример. Хорошо известно, что немалая часть людей старшего поколения нашей страны до сих пор не идентифицируют себя с государством Российская Федерация и не приемлет ее атрибуты, а продолжает считать себя «советскими гражданами». В газетах сообщалось, что некоторые ветераны отказывались получать юбилейные медали в честь 50-летия Победы на «белогвардейской» или «власовской» ленте трехцветного российского флага. Это столь же характерный пример отторжения новых форм, еще не вошедших у части населения в систему образов его идентичности (в данном случае по политическим причинам).

Разумеется, понятия «культурная форма», «культурная норма» и «образ идентичности» никогда не достигают полного тождества, но при оптимальном результате полного цикла формогенетического процесса они сближаются настолько, что функционально-смысловые границы между ними практически стираются.

Вместе с тем, хорошо известно, что немалая часть культурных форм не порождается в недрах самого сообщества, использующего их практически, а заимствуется им извне, из культурных систем иных сообществ. Представляется, что причины такого рода заимствований, механизм которых описывается *теорией диффузии культурных форм*²¹, в принципе не отличаются от причин, ведущих к собственному формотворчеству. Возможно, что в каких-то случаях в собственном сообществе не находится квалифицированных исполнителей, способных адекватно ответить на созревший «социальный заказ». В иных случаях заимствование уже сложившейся и доказавшей свою эффективность культурной формы оказывается проще и экономней, нежели разработка собственного аналога. Нередко по каким-то причинам чужая форма оказывается предпочтительнее по соображениям престижности и т.п.

Механизм интеграции заимствуемой формы в местный комплекс культурных образцов в принципе идентичен технологии усвоения новации автохтонного происхождения. Только заимствуемая форма сразу же включается в третий этап формогенеза — в процесс отборочного «конкурса», нередко в режиме «соревнования» с местными функциональными аналогами. После прохождения через четвертый этап — интеграции в местную систему норм и стандартов и превращение в один из элементов местной системы образов идентичности — заимствованная форма воспринимается усвоившими ее членами сообщества уже как полноценно своя. Информация же о ее инокультурном происхождении быстро забывается, а если и вспоминается, то, как правило, в виде

39

исторического курьеза (как, например, американское происхождение столь привычной для нас картошки и т.п.). Вместе с тем, насильственно навязываемые сообществу культурные формы, не прошедшие естественного «конкурсного» отбора, что, как известно, нередко случается в истории, практикуются в подобном обществе не долее, чем продолжается соответствующий властный прессинг, и автоматически отмирают, как только это насилие ослабевает. Вспомним, сколь небольшая часть нововведений Петра I пережила своего великого фундатора.

С момента включения новой культурной формы в систему норм и стандартов и в комплекс образов идентичности усвоившего эту форму сообщества, она, как правило, утрачивает свое значение как уникальный физический объект (хотя известны и исключения, в первую очередь в случае с произведениями искусства) и превращается в образец для последующего использования и вариативно интерпретирующего ее воспроизводства, в чем по существу и будет заключаться ее социальная

значимость в последующем. Через практическое воспроизводство в виде культурных объектов (ситуаций) новая форма включается в систему компонентов образа жизни членов данного сообщества. В свою очередь культурные объекты, воспроизводящие эту форму, интерпретируются по преимуществу в практике интеллектуальных и эмоциональных рефлексий сообщества — суждений, оценок, ассоциаций, впечатлений и пр. Через этот тип интерпретаций форма включается в систему компонентов мировоззрения и картины мира этого сообщества.

Практическое использование всякой культурной формы, осуществляемое путем ее воспроизводства, как представляется, почти никогда не сводится к буквальному повторению (тиражированию) исходного образца. Разумеется, и процессы тиражирования также имеют место в культурной практике, особенно начиная с эпохи нового времени (изобретение печатного станка и т.п.). Однако есть все основания полагать, что тиражирование есть процесс не *культурного*, а чисто *механического* воспроизводства формы. Это особая тема культурологических исследований, и в круг проблем, решаемых в данной работе, она не входит. Собственно же культурное воспроизводство формы представляется всегда в большей или меньшей степени вариативным, интерпретационным постольку, поскольку протекает в условиях, уже не вполне тождественных обстоятельствам порождения исходного паттерна, что ведет к неизбежной адаптивной модернизации черт базового образца в каждом конкретном случае его воспроизводства. С этим же соображением связана и проблема изменчивости в интеллектуальных и эмоциональных интерпретациях всякой культурной формы; они всегда обусловлены суммой обстоятельств, в которых происходят эти интерпретации.

Масштабы и длительность такого рода интерпретаций на уровне сообщества могут быть различными. Это зависит от того, сколь долго и для сколь широких социальных слоев эта форма будет сохранять свою актуальность, т.е. удовлетворять каким-то социальным интересам и потребностям, сколь глубоко и устойчиво она интегрируется в систему норм и стандартов деятельности и взаимодействия и в комплекс черт местных образов идентичности. Прекращение интерпретаций той

40

или иной культурной формы и в первую очередь ее практического воспроизводства в виде культурных объектов (ситуаций) означает ее «смерть» в том содержательном значении, ради которого она создавалась.

Вместе с тем, такая форма может сохраняться в культуре как исторический памятник или традиционный ритуал поведения в виде одного или нескольких воплощающих ее культурных объектов и интерпретироваться исключительно в интеллектуальном или эмоциональном плане. Однако статус памятника, как представляется, относится не к самой культурной форме как идеальному образцу, а именно к сохранившимся культурным объектам ее воспроизводства.

Сама культурная форма памятником быть не может по определению. Она рождается и живет в качестве актуальной нормы и стандарта деятельности или взаимодействия, а затем отмирает, когда истекает срок ее функциональной или семиотической актуальности. В каких-то случаях отмирает утилитарная функция формы и остается семантическая, т.е. происходит ее «деонтологизация» (характерный пример: многие элементы обыденного этикета, исполняемые как акты «хорошего тона», однако совершенно не функциональные с позиций сегодняшнего дня и практикуемые главным образом как маркеры воспитанности и социального статуса человека). При подобном бытовании культурного паттерна это уже не сама форма, а «памятник ей», воплощенный в интерпретирующих ее культурных ситуациях или объектах. К примеру, памятником для нас являются египетские пирамиды как культурные объекты, свидетельствующие о нормах и формах погребального обряда фараонов, но вовсе не сами эти нормы и стандарты как культурные формы древнеегипетского общества.

Рассматривая вопросы генезиса культурных форм, нельзя не коснуться и проблемы так называемых «культурных универсалий». Под этим словосочетанием обычно имеются в виду некоторые культурные явления, имеющие всеобщее распространение (предположительно в масштабах всего человечества, хотя ни одного эмпирически подтвержденного случая абсолютной всеобщности распространения какой-либо культурной универсалии нам не известно) и отличающихся сравнительной инвариантностью своих содержательно-смысловых характеристик, т.е. единообразием значений также в панкультурном масштабе, при безусловно широкой вариативности конкретных форм своего практического воплощения.

В числе такого рода универсалий следует выделить ряд явлений, которые можно определить как антропологические нормы социального бытия, связанные с действительно универсальными способами осуществления коллективной жизнедеятельности людей⁴⁰: взаимопомощь, охрана детства и материнства, пietet перед старшими, коллективное выполнение трудоемких работ и особенно силовых акций (как оборонительных, так и наступательных), гуманизм (жалость, сочувствие) по отношению к себе подобному и т.п., хотя, как уже говорилось, практическое воплощение всех этих

проявлений в разных локальных культурах может иметь и весьма причудливые формы. Представляется, что по крайней мере большинство таких универсалий (а может быть, и все)

41

ведет свое происхождение от витальных инстинктов животных, а их более выраженная значимость и роль в человеческой культуре связана с более сложным и иерархизированным образом социальных взаимоотношений и всей социальной структуры человеческих сообществ, закрепляемом в историческом опыте коллективного сосуществования людей друг с другом.

Еще более интересными, на наш взгляд, являются такого рода универсалии, не имеющие выраженной витальной функции, а относящиеся скорее к понятийно-семантическому ряду культурных паттернов. Очевидно, часть из них порождена объективно наблюдаемыми и непосредственно влияющими на обстоятельства существования людей реалиями бытия: например, культ солнца, открыто доминирующий или присутствующий в завуалированных формах в абсолютном большинстве известных религий и мифологических систем космогонического профиля; такого же рода культ смерти и ее мистического преодоления, также характерный в более или менее выраженном виде для большинства известных религий⁴¹.

Вместе с тем, порой встречаются и культурные универсалии, происхождение которых на современном уровне научного знания не поддается рациональному объяснению. Позволим себе привести еще не публиковавшиеся результаты одного из наших недавних исследований, выявивших интересный феномен такого рода.

Хорошо известно, что в огромном числе мифов множества древних народов процесс космогенеза в тех или иных конкретных вариациях сводится в целом к сравнительно единообразному по общей схеме сюжету. Суть его в том, что прежде, чем сотворить видимый мир, бог (или его функциональные аналоги) создал некоего сверхчеловека (или сверхживотное), вскоре вышедшего из подчинения Демиургу. Тогда это первосоздание было убито и на его теле (или из частей его тела) был сотворен существующий мир. На эту тему повествуют индийские мифы о Пуруше, китайские — о Пань-гу, месопотамские — о богах Эа, Апсу, Мардуке и Тиамат, скандинавские — об Имире, ацтекские — о богине земли и др.⁴² В центре сотворенного мира находится «мировая гора» (или «мировое дерево», а нередко — дерево на горе), на вершине которой (которого) и обитает сам творец (или тотем — основатель рода и т.п.). То есть мир структурно трехчастен: в основании его лежит тело «первенца» творения (нижний мир), центральная часть мира воплощена мировой горой (деревом), а верхний мир — зона обитания божеств. Эту схему рисуют как древнеегипетские представления о первичном холме мироздания, так и мифология большинства сибирских, уральских и североазиатских народов, некоторые мифы народов Мезоамерики, Африки, Океании и др.⁴³

Но эта же схема прослеживается и в структуре первобытных жилых шалашей, по крайней мере, начиная с верхнего палеолита. В основе жилища под очаговыми плитами нередко встречаются захоронения, чаще всего детские; в ряде случаев археологам удалось установить признаки насильственного умерщвления захороненных (закладные жертвы детей-первенцев?)⁴⁴. В центре шалаша (по этнографическим данным) обычно находился особый столб с мистическим статусом «оси мира».

42

а поверху шалаш венчался каким-либо высоко сакральным символом (черепом животного — тотемистического «предка»)⁴⁵. Позднее у большинства народов человеческие жертвоприношения при закладке дома стали замещаться животными или вообще символическими акциями, лишь напоминающими исходный ритуал*. Таким образом, перед нами все та же трехчастная модель мира: тело «первочеловека» в основании, над ним «мировое дерево» (гора, ось мира) и на вершине — символ «основателя мира». Тот факт, что жилища людей с мифо-поэтическим типом сознания символизировали собой структуру мира (космоса), признается большинством исследователей этого вопроса⁴⁷, и выявленная нами символическая трехчастность его вертикальной структуры, коррелирующая с известными космогоническими мифами, — еще одно подтверждение этой точки зрения.

Более того, такого же рода символическо-иерархическую структуру имеют и погребальные сооружения большинства народов: внизу захоронение, над ним погребальный холм («мировая гора», египетские пирамиды в принципе имеют такое же символическое значение⁴⁸), а на холме, как правило, ставится вертикальный знак, несущий высокую сакральную нагрузку. Эта схема выявляется в неолитических захоронениях племен Евразии, в курганах кочевников, в греческих талосах (в специфической форме, но с аналогичной символической структурой), в христианских погребениях и пр.⁴⁹ Та же по существу схема мироздания символизируется и в структуре большинства известных науке святилищ, в основании которых, как правило, располагается реликварий, над ним холмообразная насыпь и еще выше — сакральный столб, камень или идол⁵⁰. В некоторых святилищах и захоронениях эта структура подчеркнута и концентрическим планом сооружений тоже с тремя

уровнями сакральности, где продвижение к центру мистически символизирует восхождение на «мировую гору» по направлению к божеству или спуск в ее недра к захоронению «первочеловека»⁵¹.

Этим определились два типа описанной символической сакральной иерархии в храмах последующих городских цивилизаций: статичное объемное воплощение трехчастной структуры мироздания в вертикальной иерархии форм храмов Дальнего Востока и Южной Азии, особенно в буддийских постройках — ступах, ламаистских обо (специфический тип святилища на открытом воздухе) и т.п.⁵², а также динамическое выражение этой же трехчастности в виде мистического «пути к центру мира» через три иерархические зоны с последовательно повышающимся уровнем сакральности: храмы древнего Ближнего Востока (особенно характерны египетские погребальные храмы с анфиладным подходом к камере с «ладьей Амона»), храмы греко-римской традиции (привходовая ритуальная площадка — лестничный подъем в портик — храмовая целла со статуей того или иного бога), иудейская скиния Моисея, а также иерусалимские храмы Соломона, Езекии и Ирода, имевшие в прин-

*** При раскопках раннесредневековых жилищ Новгорода под фундаментами некоторых домов были обнаружены обезглавленные скелеты лошадей⁴⁶. Это может означать, что предтечей резных деревянных коньков, венчающих русские избы, был натуральный конский череп как тотемистический символ.**

43

ципе такую же трехчастную структуру плана (ритуальная площадка — общий зал — закрытая зона «святая святых»)⁵³. Явственную расшифровку этой символики давало этрусское учение о «темплуме» — трехуровневом храме мироздания (с той же схемой: преисподня — земля — небо), по отношению к которому любое сакрально значимое пространство на Земле (погребение, храм, город) является горизонтальной «тенью» от вертикальной иерархии частей «темплума»⁵⁴.

И наконец, христианская символика. Вспомним каноническое живописное (иконописное) изображение Голгофы. В основании горы захоронение «первочеловека» Адама⁵⁵ (обычно изображаемое в виде черепа внизу всей композиции), над ним сама Голгофа (в христианском мировоззрении играющая роль аналога всей той же «мировой горы» — главной точки на Земле⁵⁶), на горе крест (христианский аналог «мирового дерева»⁵⁷), несущий на себе бога. Описанная выше мифологическая схема мироздания воспроизводится в этом сюжете с отчетливой очевидностью.

Но эта же схема заложена и в символической иерархии пространств интерьера христианского храма, причем сразу в двух ракурсах: вертикальном и горизонтальном. Главной сакральной точкой храма является алтарный престол, символизирующий собой Гроб Господен, обязательным элементом которого являются частицы мощей какого-либо святого, заложенные в ящике в основании престола (без этого храм не может быть освящен как «Дом Господен»)⁵⁸. Алтарная конха (апсида), как правило, символически трактуется как «пещера Святого Гроба» (т.е. место погребения Христа в склоне горы Голгофы), а следовательно, храмовый объем в целом — как условный аналог самой Голгофы с крестом, установленным на ее вершине (последнее в принципе не обязательно, особенно в западнохристианских храмах). То есть, как и в случае с иконописным изображением Голгофы, мы видим трехчастную символику «мировой горы». Но такого же рода символика, только в горизонтальной проекции пути к точке наивысшей сакральности, заложена и в плановой структуре храма. Привходовое западное помещение (нартекс) символизирует Землю и прошедшее время (оно расписывается в основном ветхозаветными сюжетами), основное помещение для молящихся (наос) — небо и настоящее время (расписывается изображениями новозаветных святых; в христианском смысле настоящим временем являются евангельские события, которые присутствующий на литургии верующий как бы «лично свидетельствует») и, наконец, алтарь с престолом — «то, что превыше небес» и одновременно будущее время (Страшный Суд)⁵⁹. И в этом случае мы видим трехчастную структуру, причем нартекс по своему иерархическому статусу примерно соответствует нижней зоне интерьера храма (1-1,5 м от пола), обычно не расписанной никакими сакральными изображениями, наос — основному храмовому объему, а алтарь — купольному своду с изображением Христа-Пантократора. То есть в символическом смысле план христианского храма является как бы «тенью» от его силуэта, обращенной на Восток (разумеется, речь не идет о такого рода соответствии формально-архитектурном).

44

Таким образом, даже с учетом большой доли гипотетичности в реконструкциях символических образов далекого прошлого, число описанных фактологических совпадений столь велико, что вполне корректно предположить наличие в данном случае некой культурной универсалии, отражающей едва ли не общечеловеческое распространение сравнительно единообразных по существу (при естественном разнообразии, а порой и неполноте конкретных форм) представлений о мистической (мифологической) иерархической структуре мира и процедуре его творения. Следует сразу сказать, что никакого рационального объяснения ни происхождению именно такого сюжета, ни его столь

широкому распространению мы привести не можем. Если в поиске ответа на этот вопрос основываться на теории диффузии, следует признать, что этот сюжет родился не позднее периода перехода от среднего к верхнему палеолиту (т.е. в эпоху филогенеза самого вида *хomo сапиенс*) и в условиях единого территориального очага гоминизации (происхождения людей современного типа), а затем распространился по Земле в процессе заселения ее новым видом гоминид. Впрочем, вполне вероятно, что здесь имеет место и наличие какой-то антропологической витальной универсалии (сущность которой нам еще не ясна), обусловившей более или менее схожие результаты психико-интеллектуального самоопределения ранних кроманьонцев в пространстве и времени своего существования, обретенные различными сообществами автономно друг от друга (хотя частичную диффузию этой культурной формы, конечно же, также исключать не следует).

В заключение данного параграфа следует отметить, что процесс формогенеза культурных феноменов является по существу процессом инновационным, полностью укладывающимся в теоретические представления о механизмах и факторах всякой инновационной деятельности. Следует отметить однако, что при культурологическом моделировании этого процесса, помимо теоретической реконструкции причин и путей порождения и освоения новой культурной формы, особе место занимает анализ механизмов рефлексии этой новации как производителем, так и потребителем, включения ее в комплексы приемов и продуктов деятельности и взаимодействия, не только практикуемых, но и маркирующих специфику той или иной локальной культуры, интеграции ее в совокупность нормативов и в систему образов идентичности соответствующего сообщества. Только после этого новация становится полноценным культурным паттерном.

1.3. Генезис социокультурных систем

Под генезисом социокультурных систем в настоящем исследовании понимаются два типа процессов. Во-первых, формирование комплексов более или менее единообразных норм и стандартов, определяющих функционирование людей в разных видах деятельности и социального взаимодействия. Здесь важны не столько социально предпочитаемые и семантически приемлемые характеристики этих норм, сколько технологические знания, умения и навыки людей, осуществляющих эти виды

45

деятельности или участвующих во взаимодействии. И во-вторых, процессы объединения людей, связанных единством рода и характера своей деятельности или взаимодействия (а тем самым — социальными статусами и ролями), т.е. функциональными признаками и чертами специфических профессиональных субкультур и(или) общностью своих социальных интересов, на базе которых формируются как малые, так и крупные социальные группы.

В числе малых групп можно перечислить такие, как семьи, трудовые или учебные коллективы, клубы или компании по интересам, военные подразделения, монастырские или храмовые общины, криминальные банды или иные устойчивые маргинальные коллективы, средневековые ремесленные цехи и купеческие гильдии, современные профессиональные ассоциации, творческие союзы и т.п. К большим социальным объединениям такого типа можно отнести касты, сословия, социальные классы, конфессии и такие явления, как специальности и профессии. Последние, разумеется, не являются целостными организованными структурами (впрочем, так же, как и классы или сословия), хотя в наше время принадлежность людей к той или иной специальности, как правило, регулируется образовательными и профессиональными стандартами, принятыми в разных странах, и иерархией квалификаций, званий, должностей. Ранее эту регулятивную функцию выполняли сословные и профессиональные традиции, а также методы обучения по специальности. По существу то же самое можно сказать и о механизмах поддержания и регуляции норм сословной и кастовой принадлежности человека.

В палеолитическую и мезолитическую эпохи, по мнению историков, разделение труда имело по преимуществу половозрастной характер⁶⁰. Лишь с переходом к производящему типу хозяйствования в эпоху неолита началось, как предполагается, разделение людей, осуществляющих деятельность, сначала на тех, кто специализировался в добывающей (охота, рыболовство, собирательство) и земледельческой практике. Затем выделилось ремесло (гончарное, строительное и, возможно, какие-то иные виды), позднее — скотоводство, еще позже — торговля (как самостоятельная деятельность, уже отделенная от производства), а по мере социально-имущественного расслоения общин происходило выделение тех, кто специализировался в управленческой, культовой и военной деятельности⁶¹. Очевидно, в зависимости от природных условий зон обитания одновременно протекали и процессы специализации сообществ людей по тем или иным преобладающим видам деятельности, наиболее эффективным в соответствующих условиях, и еще более узкая локализация их технологий также применительно к специфике ландшафтов.

Вместе с тем, совершенно очевидно, что при всем локальном своеобразии, скажем, приемов земледелия у различных территориальных сообществ, их объединяют и некие общие черты, неизбежно вытекающие из самого технологического характера этой деятельности. То же самое можно сказать и о любом другом виде профессиональной практики — строительной, металлургической, художественной, богослужебной, образовательной, военной, административно-управленческой и т.п.

46

Более того, людей, профессионально связанных с соответствующими областями деятельности, несмотря на все национальные, государственные, религиозные и иные различия между ними, объединяют и некоторые элементы культурной общности — от сословно-классовых признаков до близости в характере профессиональных знаний, умений и навыков, т.е. норм и стандартов деятельности или взаимодействия, рассматриваемых в ракурсе их функциональной специфики.

Эти вопросы достаточно подробно и аргументированно разработаны в философии и социологии^{*12}, и поэтому нет необходимости специально описывать генезис социально-профессиональной и сословно-классовой стратификации общественного и соответственно культурного бытия человеческого общества. В нашу задачу входит лишь рассмотрение механизма формирования социальных норм и стандартов как явлений культуры.

По всей видимости, в основе процесса социогенеза культурных систем лежит *синергетическая* закономерность, ведущая к повышению специфичности всякого явления по мере саморазвития его структурной и технологической сложности⁶³. Разделение труда, усложнение социальной стратификации сообществ и в особенности усиление воздействия исторических условий их существования стимулировали развитие более дифференцированных форм и приемов адаптации, способствовали нарастанию технологической сложности и изощренности различных видов деятельности, требующих овладения все более специальными знаниями и умениями, более специализированных форм обучения субъектов этой деятельности. Исторические данные свидетельствуют о том, что работники-универсалы постепенно начинают все больше отличаться друг от друга не только качеством выполнения своих функций в той или иной области труда, но и тем, что на этой почве они превращаются в носителей разных комплексов знаний и умений в своих сферах деятельности⁶⁴.

Можно предположить, что динамика разделения труда имела трехфазовый характер. Первоначально работник-универсал начинает специализироваться по преимуществу в той сфере деятельности, которая в существующих обстоятельствах является наиболее эффективной, доходной, иногда просто необходимой, или работа в которой у него получается лучше. То есть происходит разделение труда на неспециализированный и более или менее специализированный по направленности. Затем в рамках специализированной деятельности выделяется сфера профессионального труда, такого, освоение умений и навыков которого требует специального и систематического обучения будущего работника. Трудно сказать, как с этим обстояло дело в эпоху неолита, но уже с появлением первых городов-государств в Египте и Месопотамии с их жречеством, писцами, архитекторами и работниками ряда иных, весьма сложных по тем временам профессий, судя по косвенным свидетельствам некоторых археологических и нарративных памятников, там начала развиваться и система специального обучения исполнителей этих сложных видов деятельности⁶⁵. В этом по существу и заключается исходное различие между обыденной деятельностью и взаимодействием, освоение навыков которых протекает в ходе процессов общей социализации-

47

зации индивида, и профессиональной, базирующейся на систематическом обучении знаниям, умениям и навыкам данной специальности. Разумеется, обыденный и профессиональный типы деятельности и взаимодействия различаются не только характером учебной подготовки, но — что гораздо существеннее — особенностями своих социальных функций в дифференцированной системе деятельности, однако нас в данном случае интересует именно описанный аспект выделения профессиональной деятельности. И наконец, третьей фазой разделения труда можно считать вторичную специализацию работника, связанную с его концентрацией на ограниченной группе технологий и производимых с ее помощью продуктов уже в рамках имеющейся у него специальности.

Этот процесс в свою очередь стимулировал динамику разделения культуры на обыденную и профессиональную⁶⁶, при которой к обыденной культуре относятся нормы и стандарты жизнедеятельности, являющиеся общими для территориальных групп людей вне зависимости от профиля деятельности каждого члена такой группы, транслируемые методом общего воспитания и образования через общую социализацию индивида и усвоение им характерных для его общества (группы) этнических, политических, религиозных, социальных и иных стереотипов сознания и

поведения. К профессиональной же культуре относятся нормы и стандарты, связанные с родом деятельности и взаимодействия и принадлежностью индивида к определенной социально-профессиональной группе, транслируемые главным образом методом специального профессионального обучения и культивируемые особой корпоративной самоидентификацией. Последнее представляется особенно важным, поскольку на уровне этой корпоративной социально-профессиональной идентификации складывается особый тип ценностных ориентаций — образы социальной престижности, составляющие одну из важнейших компонент социально-сословной стратификации в культуре. Таким образом, этот аспект культуригенеза можно охарактеризовать в том смысле, что если в процессе генезиса этнокультурных систем формируются по преимуществу черты и формы обыденной культуры того или иного сообщества, то в процессе генезиса социокультурных систем — черты и формы профессиональной культуры, своим развитием детерминирующие на определенном этапе и социальную дифференциацию обыденной культуры.

Историческая динамика генезиса социокультурных систем, судя по всему, тесно связана с их стадийным морфогенезом, представляя собой одну из существенных составляющих этого процесса. Она детерминируется основными морфологическими универсалиями культуры, общей направленностью ее становления и изменчивости на той или иной исторической стадии существования человеческих сообществ. Современные научные представления об истории деятельности и коллективной самоорганизации людей дают основания предположить, что на позднепервобытной стадии развития сформировалась в основном культура сельскохозяйственной практики; на раннеклассовой стадии — по преимуществу военно-политическая, административно-правовая и комплекс духовно-рефлексивных профессиональных культур; на нововре-

48

менной стадии — промышленно-торговая, информационно-коммуникативная и научно-образовательная культуры, а также соответствующие социально-профессиональные группы населения⁶⁷.

Хотя структурный набор основных направлений и видов деятельности на протяжении истории, по крайней мере начиная с неолита, оставался более или менее постоянным (если абстрагироваться от уровней качества, сложности технологий и конкретных организационных форм), совокупность исторических знаний дает основание предположить, что на разных стадиях наблюдалось доминирование различных элементов в комплексе условий существования людей: ландшафтных, внешних исторических, внутренних экономических. Это детерминировало приоритетное развитие адаптировавших эти условия направлений деятельности и доминантное социальное положение ее субъектов, обеспечивавших необходимую адаптацию (земледельцев и скотоводов на позднепервобытной стадии; военных, административных и религиозных работников — на раннеклассовой; организаторов производства и потребления, ученых и специалистов в области информации и коммуникации — в новое и новейшее время)⁶⁸. Разумеется, на всех этапах истории имел место весь комплекс перечисленных условий, однако в разные периоды менялась актуальность тех или иных его составляющих в том числе и в связи с ростом инструментальной и организационной вооруженности сообществ. Первоначально люди «покорили» природу (т.е. обеспечили гарантированное выживание человеческих популяций в биосфере), затем на протяжении нескольких тысячелетий сообщества соперничали между собой в борьбе за приоритетные (или по крайней мере гарантированные) права на жизнь в окружении себе подобных, и наконец, в последние столетия наиболее динамичные в своем развитии общества в значительной мере сконцентрировали свою социальную энергию на проблемах саморазвития, реорганизации и интенсификации процессов во всех социально значимых сферах жизни.

Конечно, это всего лишь гипотеза, но она, как представляется, органично вытекает из предлагаемой модели познания процессов генезиса социокультурных систем.

Рассмотрение технологии самого социогенеза культурных систем выявляет несколько очевидных этапов в протекании этого процесса.

Первым этапом, несомненно, является вызревание и артикуляция социального запроса на новый класс продуктов или услуг, еще не получивших распространения или еще не производимых самостоятельно в данном сообществе. Причиной появления такого запроса могут стать изменившиеся обстоятельства существования, инерция собственного социально-экономического развития или заимствование этого запроса у соседей по принципу «престижного потребления». Следует подчеркнуть, что речь идет о запросе не на новую культурную форму (т.е. какой-либо конкретный продукт, знание, организационную форму) в рамках уже осуществляемого вида деятельности, а именно на новый *класс* продуктов и услуг и соответствующее направление деятельности, еще не практиковавшейся в этом обществе. Отсюда и несколько иная структура генезиса этого явления в сравнении с генезисом культурных форм.

49

Способы артикулирования этого нового запроса в разных случаях могут быть различны. При структурном изменении сообщества или серьезном изменении условий его существования этот новый запрос может возникнуть одновременно в массовом масштабе. В иных случаях он улавливается и артикулируется наиболее чуткими к процессам общественной жизни людьми — политиками, религиозными деятелями, учеными, писателями, предпринимателями и т.п. В отличие от процессов морфогенеза культурных систем и формогенеза культурных феноменов, когда новационные формы в каких-то случаях могут порождаться случайно, навязываться властями и т.п., т.е. не всегда являться откликом на объективно созревшую социальную необходимость, в случае социогенеза культурных систем возникают и интегрируются в общественную практику целые направления деятельности, что вряд ли возможно без объективно назревшей необходимости в них.

Показательным примером может послужить история Великих географических открытий, произведенных европейцами в XIV—XVI вв. Процессы экономического развития Европы требовали расширения рынков сбыта производимых товаров и в особенности открытия новых источников и каналов поступления некоторых видов сырья, драгоценных металлов и ряда товаров «престижного потребления», производимых на Востоке⁶⁹. Сухопутный путь на Восток был заблокирован непрерывными крупномасштабными войнами, сотрясавшими Центральную и Западную Азию, а также Восточную Европу (монгольские завоевания XIII в., походы Тамерлана в XIV в., османская агрессия в XV в.). Оставался только еще неизведанный морской путь. И вот в течение XIV—XV вв. европейские мореплаватели совершают такого рода разведывательные рейды, открывают морские трассы торговых караванов, основывают прибрежные торговые фактории на восточном маршруте в Азию (вокруг Африки), в конце XV — первой половине XVI в., двигаясь по западному маршруту, открывают и начинают колонизовать Америку, а в XVI в. осваивают и кругосветный западный путь в Азию (вокруг Америки).

Самое поразительное, что все эти героические и разбойные путешествия европейские мореходы совершают при помощи весьма негодных средств: малыми группами на малотоннажных и непригодных к океаническим плаваниям судах (вся первая экспедиция Колумба состояла менее чем из 100 человек, а на одной из его каравелл «Нинье» плыло всего 7 человек⁷⁰) и с крайне несовершенным навигационным оборудованием. Но «социальный заказ» на новый вид деятельности — дальние океанические походы с коммерческо-грабительскими целями — был столь силен, что на своих миниатюрных суденышках и при довольно авантюрной общей организации большинства предприятий европейцы открыли Америку и морской путь в Индию и Китай. В это же самое время китайцы, уровень развития морского дела у которых был намного выше, чем в Европе (корабли на порядок большего водоизмещения, довольно совершенные компасы и неплохо развитые астрономические знания), не приплыли в Европу сами, не открыли Америку с запада (хотя расстояние от Китая до тихоокеанского побережья Канады сопоставимо с атлантическим маршрутом Колумба). Но в Ки-

50

тае не сложилось «социального заказа» на этот новый вид деятельности; хозяйственные и торговые интересы китайцев в большой мере удовлетворялись внутренним рынком и связями с сопредельными государствами⁷¹. Это убедительный пример того, что даже наличие подходящих средств (технологий) при отсутствии соответствующего «социального заказа» само по себе еще не порождает нового направления деятельности.

Второй этап социогенетического процесса в культуре как формирования нового вида деятельности как раз и связан с поисками наиболее приемлемых технологий для решения возникших задач. Этот этап также может протекать в форме более или менее массовых попыток разработать соответствующую технологию (вспомним средневековых алхимиков, стремившихся добыть золото в лабораторных условиях) или же иметь организованные формы, что более характерно для индустриальных обществ нового времени. Следует подчеркнуть, что основным предметом поиска при этом являются не параметры продукта «на выходе» (они в идеальном виде заложены уже в самом социальном запросе на этот класс продуктов), а именно приемлемые технологии его получения.

Результатом этого второго этапа, как правило, становится получение сразу нескольких более или менее эквивалентных по своим характеристикам технологий. Хотя они находятся между собой в конкурентных условиях, тем не менее обычно не вытесняют одна другую из практики осуществления этого вида деятельности. Они сосуществуют, создавая целую палитру технологических вариантов, взаимодополняя друг друга и обуславливая пластичность и определенную полифункциональность в деятельности этого профиля. Таким образом, создается не одна культурная форма, а целый «веер» родственных технологий, применение которых постепенно формирует новую функциональную **специализацию**, особый профиль деятельности.

Своеобразным подтверждением этого служат споры, ведущиеся в последние десятилетия между

историками марксистского направления, о формационных признаках тех или иных сообществ раннеклассового периода, о преобладании в них черт организации сельскохозяйственного производства рабовладельческого или феодального типов. Результаты этой дискуссии позволяют прийти к выводу, что на деле в этой сфере деятельности, начиная с появления первых городских цивилизаций, имела место более или менее выраженная многоукладность⁷². Почти во всех подобных сообществах докапиталистической стадии в сельскохозяйственном производстве участвовали и абсолютные рабы (лишенные права какой-либо собственности и фактически приравненные к орудиям труда), и тип работников, в Спарте называвшихся илотами (не обладавших собственностью, но не подлежащих купле-продаже и имевших право на семейную жизнь), и колоны, а позднее крепостные крестьяне (владевшие землей и средствами производства, но находившиеся в личной и экономической зависимости от хозяина), и свободные общинники (с любыми формами собственности и определенными повинностями перед государством, часто получавшими земельный надел именно за службу). Позднее к этим типам сельскохозяйственных работников при-

51

соединились и арендаторы (берущие землю в наем), и наемные сельскохозяйственные рабочие (сдающие в наем свой труд). Разумеется, в различных сообществах имело место относительное преобладание тех или иных форм организации сельскохозяйственного производства, но оно почти никогда не бывало абсолютным⁷³. И можно понять почему. Сельскохозяйственная деятельность в раннеклассовых обществах играла столь важную роль в жизнеобеспечении, что ее было опасно редуцировать только к одной организационной форме (крупномасштабное восстание рабов или неудачная война, не давшая нужного количества пленных, могли оставить все сообщество без продуктов питания). Взаимодополняющая избыточность таких форм, многоукладность, как показывал исторический опыт, оказывалась много более надежной и удобной в условиях развивающейся социальной стратификации сообществ. Отсюда и смешанный в разных пропорциях рабско-крестьянский тип сельскохозяйственной деятельности (хотя на разных этапах истории различные пропорциональные сочетания того и другого обладали различной экономической эффективностью).

Другой пример такого же рода связан со становлением и развитием науки, где в пределах всякой определившейся области познания, как правило, мирно сосуществуют различные методологии, методы и методики (т.е. технологии познания в данной предметной области). Из мирового и отечественного опыта мы знаем, что любые попытки ограничения этого научного плюрализма серьезнейшим образом влияли на эвристический потенциал рационального познания. Это тем более стало очевидным в современную эпоху, когда наука превратилась в один из важнейших элементов общественного производства и развития. И здесь, судя по всему, мы имеем дело с той же самой закономерностью: чем выше социальная значимость направления деятельности, тем большей избыточностью форм и технологий ее осуществления должна быть обеспечена ее устойчивость⁷⁴.

Самым важным в процессе генезиса социокультурных систем представляется третий этап, на котором происходит рефлексия как заказчиками и потребителями, так и в особенности самими специалистами — людьми, на практике применяющими новые технологии, — эффективности этих технологий и соответствия полученных продуктов исходному социальному запросу, а также выработка критериев оценки требуемой эффективности. Очевидно, кульминационным моментом третьего этапа является разработка систематизированного свода правил и требований, норм и стандартов по осуществлению данного вида деятельности, наиболее характерный формой воплощения которого становятся учебные программы подготовки специалистов соответствующего профиля: учебники, задачки, лекционные курсы, учебные методики, практикумы и т.п. С началом систематизированной подготовки требуемых специалистов (корпус которых, разумеется, не ограничивается лишь производственными специальностями; жрецы древних культов, проходившие специальное обучение, или деревенские знахарки, учившиеся у собственных матерей, были такими же систематизированно подготовленными специалистами, как и современные инженеры, только в иных областях деятельности) можно говорить о фиксации спе-

52

циальностей как особых социально значимых направлений деятельности и соответствующего корпуса работников, чья деятельность относится уже не к обыденной, а к профессиональной культуре, объединяющей их более или менее единым, основательно отрефлексированным и систематизированным комплексом профессиональных знаний и умений.

Этнография свидетельствует, что относительно упорядоченное обучение необходимым приемам социально значимой деятельности имеет место уже в сообществах, относимых к верхнепалеолитическому уровню развития⁷⁵. Но в самостоятельное направление социальной практики профессиональное обучение вырастает лишь в раннеклассовую эпоху. Особенно показателен в этом смысле древний и средневековый Китай с его введенной еще во II в. до н.э.

системой подготовки и многообразных экзаменов для чиновников⁷⁶. Средневековое европейское рыцарство (и аналогичные ему японское сословие самураев, турецкий корпус янычаров и отчасти индийские кшатрии, византийские стратиоты, древнерусские «боляре» и др.) представляли собой уже чисто профессиональные констелляции воинов, не занимавшихся ничем иным, кроме военного дела (в отличие от «ополченческих» армий древних Египта, Персии, Рима, средневековых арабского халифата и монгольской империи и пр., состоявших в основном из временно призываемых «под знамена» свободных общинников — сельских производителей). Такие воины начинали свою профессиональную подготовку еще с детства и по мере овладения воинским искусством последовательно проходили разные квалификационно-статусные ступени (в Европе — оруженосец, «неопоясанный» всадник, «опоясанный» рыцарь, баннерет; и все это еще не командные должности, а только квалификационные уровни «рядового» рыцаря)⁷⁷. В позднем средневековье появляются и первые «учебники» рыцарства, наставления не только по технике и тактике ведения боя, но и по социальным нормам и этикету рыцарского поведения (впрочем, более ранними «учебниками» рыцарского этикета служили песни и баллады средневековых трубадуров)⁷⁸.

По всей видимости, ранние формы профессионального обучения в основном сводились к индивидуальной передаче учителем своего профессионального опыта и знаний своему ученику. Позднее, по мере унификации и стандартизации технологических норм и квалификационных требований в той или иной специальности, образовывались и структуры коллективного профессионального обучения (средневековые университеты, церковные учебные заведения и т.п.). Этот тип обучения не следует путать с общеобразовательными школами, преследовавшими иные социальные цели, и обучение в которых, судя по всему, с самого начала было коллективным.

Четвертый этап генезиса социокультурных систем связан уже с объединением представителей одной специальности в профессиональные корпорации — цеха, гильдии, общины, ордена (монашеские и рыцарские ордена средневековья по существу также являлись специализированными корпорациями высшего сословия, по своей функциональной типологии мало отличавшиеся от ремесленных цехов или строительных гильдий). В этих объединениях культурная близость их членов в плане профессиональных знаний и умений постепенно перерастает

53

в специфические профессиональные субкультуры, специфичность которых начинает распространяться и на некоторые сферы быденного бытия, не связанные напрямую с работой по специальности. Складываются особые этические нормы, этикетные правила поведения, иерархия статусов и ролевых функций, символика престижности, профессиональные, а затем и социальные жаргоны в языке, цеховые праздники, ритуалы и т.п. Эти профессиональные субкультуры являются основой для общей социокультурной стратификации общества.

Пятый этап генезиса социокультурных систем как раз и выражен в процессах социокультурной стратификации. Суть его видится в постепенном объединении специализированных субкультур и профессиональных корпораций, связанных с родственными по технологиям или близкими по социальным целям и интересам сферами деятельности, в крупные социальные констелляции — сословия, касты и другие социальные классы. Близость сфер деятельности корпораций, составляющих эти констелляции, и выполняемых ими социальных функций обуславливает и соответствующее сходство основных социокультурных интересов, систем ценностных ориентаций, образов идентичности и престижности и т.п. Разумеется, одну из ведущих ролей здесь играет и сходство социально-экономических и политических интересов. Как правило, именно на этой основе историки разделяют древние общества сначала на три основные страты: материальных производителей, воинов и религиозных служителей, а в последующем и на более дробные социальные группы⁷⁹. Тем не менее, как представляется, на основании одних лишь экономических интересов, без учета близости фундаментальных социокультурных оснований жизнедеятельности социально-функциональных и профессиональных групп, родственных по способам связи с окружением, механизм образования подобных сословных объединений и в особенности их поразительная историческая устойчивость, способность адаптироваться почти к любым изменениям условий социального бытия представляются труднообъяснимыми.

Этапность порождения такого рода страт можно проследить на примере хорошо описанного в исторической науке процесса становления духовного сословия — клира христианской церкви. Уже в первые два-три века существования христианства в его недрах сформировалось несколько специализированных функций, для исполнителей которых христианство стало уже не только религиозной верой, но и областью их «профессиональной» деятельности. Это, во-первых, проповедники (апостолы, пророки, учителя), распространявшие новую веру и обращавшие в христианство неофитов (в последующем развитием этого направления деятельности стало миссионерство). Во-вторых, евангелисты и богословы, переписывавшие тексты Священного Писания

и комментировавшие их, а со временем занявшиеся и созданием собственных трудов веротолковательной направленности. В-третьих, пресвитеры, избиравшиеся религиозной общиной и рукополагавшиеся апостолами на практическое руководство богослужбной и организационно-хозяйственной жизнью общины (постепенно разделившиеся на три служебных уровня: дьяконов — технических помощников пресвитеров, иереев — собственно пресвитеров общин и епископов — руководителей

54

территориальных групп из нескольких общин). И наконец, в-четвертых, монахов, удалявшихся в затворничество от мирской жизни ради полной концентрации на молитвенной деятельности. Монахи постепенно объединялись в особые общины, в которых развивалась своя должностная иерархия, более или менее аналогичная иерархии управления религиозными общинами мирян⁸⁰.

Таким образом, уже к III в. сложилась более или менее организованная констелляция «профессиональных работников» христианской церкви со сравнительно выраженной системой разделения труда (хотя нередко имело место и сочетание некоторых из перечисленных функций в деятельности отдельных личностей) и иерархией должностного соподчинения. В III—VII вв. в истории церкви были осуществлены такие важные достижения, как канонизация корпуса священных книг, выработаны единообразные нормы порядка богослужения, крещения, причащения и иных обрядов, общий Символ веры (в ортодоксальном христианстве), единая терминология, более или менее единообразная догматика, рекомендованы типовые богослужбные тексты, унифицированы функции различных деятелей клира (включая наиболее общие требования к монастырским уставам), нормативы социального поведения клириков и мирян (целибат, посты и т.п.)⁸¹. С решением этих вопросов церковная деятельность из преимущественно служебно-функциональной начала превращаться в особую социальную субкультуру с систематизированными нормами и формами подготовки своих субъектов в рамках культурных систем сообществ, где христианство получило сколько-либо значительное распространение⁸².

Огромную роль в этом процессе играло и правовое оформление положения церкви. Со времени правления императора Константина (IV в.) церковь получила имущественные права, ее религиозные праздники стали вводиться как государственные. В течение всего раннего средневековья указами византийских императоров и других феодальных властителей Европы, а также в результате соглашений между светскими и церковными властями церковь обрела статус единственно разрешенной государственной религии, были упорядочены ее взаимоотношения с государствами, клир получил различные правовые и имущественные привилегии и т.п. В результате всего этого клир все более четко определял свой статус в социально-политической системе средневековой Европы и к XII—XIII вв. фактически оформился в особое социальное сословие со специфическими социальными функциями и правами, особой сословной субкультурой, выражение отличавшей духовенство от иных сословий и социально-профессиональных групп того времени⁸³.

Конечно, приведенный пример является почти «идеальной» иллюстрацией процесса вырастания целого сословия из небольшой поначалу группы проповедников. В других случаях такого рода процессы могли протекать не в столь выраженной форме, отличаться известной непоследовательностью, но, в конечном счете, принципиальная схема формирования социальных страт, как представляется, так или иначе сводилась к описанной модели.

Важнейшим результатом пятого этапа социогенеза культурных систем является то, что именно на этой стадии общественное разделение

55

функций порождает социальную стратификацию, а символы и ценности, складывавшиеся поначалу в сфере сугубо профессиональной деятельности, постепенно распространяются и на обыденную культуру членов соответствующих социальных групп. На этом этапе подразумевается, что социальная дифференциация базируется на комплексах норм и стандартов не только основных сфер специализированной деятельности составляющих страту профессиональных групп, но и воплощается в социально дифференцированных образах жизни, специфичных ценностных ориентациях и образах идентичности. А это явление уже можно охарактеризовать как формирование социально стратифицированных субкультур. При этом каждая из них может трактоваться не как частичный фрагмент целостной функциональной системы всего сообщества (как рассматриваются, например, профессиональные субкультуры цехов и гильдий в социологии)⁸⁴, а как самостоятельный феномен, включающий основную массу компонентов целостной культуры (как профессиональных, так и обыденных) и существующий сравнительно автономно от других социальных субкультур этого же сообщества. Более того, судя по всему, именно инерция самостоятельности в сочетании с механизмами культурной диффузии породили тенденцию интернационализации этих сословных субкультур, в рамках которых представители идентичных или родственных сословий разных сообществ чувствуют гораздо большую культурную близость между собой, нежели по отношению к

представителям других сословий собственного сообщества (так называемый «классовый интернационализм»).

Следует заметить, что традиционно постулируемые в отечественной науке классовые и социально-экономические основания такого рода «интернационализма», с точки зрения культурологической науки, находятся лишь в ряду с не менее существенными чертами близости, такими, как чувство функционально-корпоративного единства и солидарности (например, между военными разных стран), профессиональными навыками и профессиональной психологией, сравнительно единообразными критериями ценностных отношений, символикой престижности, международными служебными языками в той или иной сфере деятельности и т.п.

Разумеется, как свидетельствуют многочисленные социально-научные данные, при этом сохраняются и достаточно серьезные скрепы межсословного культурного сходства в рамках единого сообщества; в первую очередь языковые, политические, религиозные, территориально-экономические и — на сравнительно позднем этапе истории — собственно этнические (до периода позднего средневековья, судя по всему, не игравшие серьезной роли в системе образов идентичности людей)⁸⁵.

Вместе с тем, как представляется, разрабатываемая нами познавательная модель позволяет систематизировать представления о культурах исторических сообществ постпервобытного времени как об имманентно мозаичных структурах, сочетающих черты различных сословных субкультур, порой весьма сложно объединяемых в целостные этнокультурные феномены. Как правило, наши эмпирические представ-

56

ления о них связаны по преимуществу с памятниками субкультур господствовавших сословий, что далеко не адекватно общей картине культуры всего сообщества как социально-исторической системы.

Характерный пример: то, что мы называем «древнерусской культурой», являлось по существу лишь церковно-книжной субкультурой феодально-клерикальных верхов, навряд ли более близкой социальным низам Древней Руси, чем европеизированная аристократическая субкультура более позднего имперского периода. Что же касается субкультур ремесленных и крестьянских слоев, то наши представления о них весьма обрывочны, основываются главным образом на сравнительно поздних археологических и этнографических данных, корректность экстраполяции которых в более ранние эпохи еще нуждается в доказательствах, и уж совсем бездоказательными представляются реконструкции духовно-рефлексивных компонентов субкультур социальных низов. Скажем, этнографические исследования русского крестьянства даже последних двух веков дают основания для сомнения в масштабах и глубине христианизации населения Руси и серьезном воздействии православия на обыденную крестьянскую культуру⁸⁶. Однако все это требует специального исследования на основании социогенетических подходов к истории культуры.

Приведенная схема социогенетического процесса в культуре, несомненно, является «идеальной». В разных исторических сообществах, в их конкретных условиях существования реализация этого процесса отличалась значительной местной спецификой. Какие-то этапы социогенеза культуры могли иметь более выраженный характер, иные — менее. Скажем, формирование профессиональных корпораций могло иметь гораздо менее организованный и формализованный вид, нежели это описывается в настоящей работе, как это было, к примеру, во многих рабовладельческих обществах Европы и Азии. Некоторые этапы генезиса социокультурных систем могли не следовать один за другим в описанном порядке, а реализовываться практически одновременно. Например, образование профессиональных корпораций в средневековой Западной Европе не предшествовало процессу формирования сословий, а протекало одновременно с ранней его стадией; однако лишь со становлением этой профессионально-корпоративной системы сословная стратификация общества обрела более или менее развитый вид.

В целом генезис социокультурных систем может быть описан как исторический процесс разделения труда в его нормативно-регулятивном выражении, определяющий стандартизацию форм социально-функциональной, а соответственно и культурной стратификации человечества, социокультурных интересов и образов идентичности тех или иных социальных групп.

Таким образом, разработка и применение социогенетической модели исследования культурных процессов позволяет осмыслить историю человеческого общества как историю формирования видов деятельности, ее субъектов и их социальных объединений. Этим, разумеется, занимаются такие науки, как история экономической деятельности, нрава, политики, искусства, религии, науки, нравов и пр., но делают они это более или менее изолированно друг от друга, вне рамок единых теорий деятельности, систем, социогенеза, этногенеза и т.п.

57

Одновременно социогенетическая модель может быть применена к исследованию истории

локальных культур конкретных сообществ, позволяя рассматривать их как сложные социально-функциональные системы, где сопутствующие признакам этнического единообразия черты социального многообразия их составляющих могут быть по меньшей мере систематизированы в динамике своего становления и функционирования. В какой-то мере подобный подход реализуется историками антропологического направления (французская школа «Анналов» и их последователи)⁸⁷, однако по преимуществу в описательном, а не объяснительном ключе.

Социогенетический подход демифологизирует многие устоявшиеся взгляды на «национальные» культуры (в немалой мере порожденные художественной литературой и искусством) и дает возможность дифференцировать элементы объективного единства в характеристиках этнических культур от субъективных идеологем соответствующей направленности.

1.4. Генезис этнокультурных систем

Понятие «генезис этнокультурных систем» в настоящем исследовании обозначает процессы формирования локальных культурных черт, характеризующих конкретно-исторические сообщества как территориальные целостности. Такими сообществами являются в первую очередь этносы и нации, имеющие более или менее выраженные признаки своей локальной социокультурной автономности и самобытности.

В научной литературе в последние десятилетия ведется ожесточенная дискуссия как о природе этноса, так и о самом факте объективности этого явления⁸⁸. Хотя эта дискуссия еще очень далека от каких-либо окончательных выводов, тем не менее есть основания для предположения, что под понятием «этнос» скрывается не столько реальное, стабильно существующее онтологическое образование, сколько одна из форм самоидентификации людей по совокупности определенных маркирующих социокультурных признаков. Это подтверждается тем фактом, что вопрос об этничности резко актуализируется всякий раз, когда напряжения внутри сообщества или между ним и другими сообществами достигают порога конфликтности и возникает необходимость в мобилизующей сообщество идее.

По-видимому, на ранней стадии этногенеза действительно складывается целостное социальное образование, формирующееся на определенной территории в соответствии с набором необходимых и достаточных предпосылок для своей самоорганизации и локализации (например, хозяйственных, политических, конфессиональных и т.п.) и вырабатывающее специфический комплекс норм и стандартов своего социального бытия. Но в дальнейшем постепенно накапливаемые культурные черты, разделяемые людьми, составляющими это образование, во многих (хотя далеко не во всех) культурных стереотипах поведения и сознания создают настолько устойчивый комплекс субъективного осознания их общности, что он не разрушается при сколь угодно глубоко-

58

ком социальном расслоении, утрате политической и религиозной общности и даже компактного проживания и единого языка. Это общее и принято подразумевать, когда речь идет об этносе.

Таким образом, этническая история может быть представлена в первую очередь как процесс постепенного формирования разделяемых черт в социокультурной общности людей, проживающих на одной территории. Эти черты интегрируются в актуальную нормотворческую и социорегулятивную систему, а на их базе складывается также некая мифологема массового распространения, под прикрытием которой может существовать и реальное социально-этническое образование, и своего рода эмоциональное «воспоминание» о некогда имевшем место, но давно деформирувавшемся подобном образовании. Однако, и носители такого «воспоминания» по традиции продолжают считаться единым этносом.

Так или иначе, но процессы этногенеза в рамках локальных культур следует проследить на тех этапах истории этносов, когда они несомненно еще являются реальными социальными объединениями людей, компактно проживающих на определенной территории, и поэтому вопросы, связанные со становлением их специфических культур, относятся к числу наиболее актуальных в общем анализе культурогенеза.

В принципе к этому же типу социально-территориальных образований относятся и государства, даже полиэтнические. Ведь в любом таком государстве практически всегда имеет место та или иная форма доминирования какого-то одного этноса. Его культура играет роль основной государственной, а процессы культурной диффузии имеют тенденцию (впрочем, редко реализуемую полностью) к постепенной ассимиляции в культуре доминирующего этноса представителей иных этносов, проживающих в государстве. Тем не менее, как показывают многочисленные этнологические, социологические и исторические исследования, унифицирующие черты официальной государственной культуры быстрее и эффективнее всего внедряются по преимуществу в сферу профессиональной культуры и гораздо менее заметны в сфере обыденной культуры; в сельской среде

меньше, чем в городской; в экономической деятельности меньше, чем в социорегулятивной, познавательной и рефлексивной; в частной жизни меньше, чем в публичной и т.п.⁸⁹ Поэтому процессы этногенеза в культуре выражено влияют на становление локальных культур государственных образований лишь в случае преобладающей моноэтничности последних. Имеется в виду, что речь идет не только о демографических показателях, но и о доминирующем политическом, религиозном, экономическом, социальном, интеллектуально-деятельностном, художественном и пр. положении одного из этносов, являющегося, как правило, «титальным» в данном государстве.

В основе авторской концепции культурогенеза лежит постулат о том, что культура является продуктом исключительно коллективного взаимодействия и социального объединения людей, самоорганизующихся в форме сообщества. Конечно, помимо культурных форм, возникающих в сообществе конвенционально, существует и множество форм, порожденных непосредственно конкретными индивидами.

59

Но и эти формы обретают статус культурных лишь постольку, поскольку конвенционально внедряются в общественную практику. Культура как социально-регулятивное по своей основной функции явление не может возникнуть там, где нет хотя бы минимальной, но устойчивой социальной единицы, где нормирование и стандартизация форм деятельности (поведения, сознания и пр.) не являются обязательным условием группового сосуществования.

Этот же принцип представляется определяющим и в процессе формирования этнических культурных систем.

Первым и основным признаком самоорганизации группы людей в сообщество или этническую единицу следует признать появление у них каких-то общих интересов, которые символизируются как разделяемые *социальные цели*, принуждающие их жить и действовать коллективно. Главной характеристикой подобной социальной цели служит то, что она выражает некий коллективный интерес, содержательно превосходящий механическую сумму индивидуальных интересов членов этого сообщества. Социальные цели всегда представляют собой особые межиндивидуальные интересы и могут быть достигнуты только путем совместных действий коллектива, хотя при этом они могут входить в противоречие с какими-то индивидуальными интересами его отдельных членов. В этнологических, археологических, социологических и исторических исследованиях такие социальные цели на ранних этапах антропогенеза связываются с интересами жизнеобеспечения и технологиями коллективной охоты, обороны, демографического воспроизводства и т.п.⁹⁰ По ходу истории номенклатура социальных целей, лежащих в основу устойчивости локальных сообществ людей, постоянно расширялась за счет появления политических, религиозных, сословных, экономических и иных целей.

В целом под социальными целями здесь понимаются такие стимулирующие социальную активность разделяемые людьми установки, которые порождены самоопределением людей в качестве членов единого коллектива и выделением ими из числа прочих особой группы интересов, связанных с сохранением и воспроизводством самого данного коллектива как устойчивый социальной целостности, воспроизводством или достижением в перспективе желательных форм и условий его жизнедеятельности.

Историко-этнографические исследования происхождения некоторых народов, сформировавшихся уже в письменную эпоху, и чье становление получило отражение как в собственных исторических хрониках, так и в сочинениях авторов соседних народов, показывает, что наиболее типичными, хотя и не исключительными социальными целями, инициировавшими этногенетические процессы, чаще всего являлись обстоятельства религиозные, военно-политические и хозяйственно-экологические. В числе этносов, сложившихся в значительной мере на основании новой, объединившей людей религии, можно назвать византийцев (на базе греческого варианта христианства, хотя в состав нового этноса, помимо собственно греков, вошли частично и эллинизированные сирийцы и египтяне, армяне и грузины, а также представители многих иных малых этнических групп Балканского полуострова, Ма-

60

лой Азии и Сирии), тибетцев (на основе религии бон, а позднее — ламаистского варианта буддизма; в состав этноса также, помимо автохтонных племен Тибета, вошло довольно много иммигрантов в основном из западных районов Китая, Северной Индии и ряда иных близлежащих территорий), древних иранцев (на базе зороастризма из числа множества племен и этнических групп Иранского нагорья и частично Средней Азии, включая и собственно персов)⁹¹. Средневековые арабы сформировались на базе ислама из значительного числа автохтонных этносов Ближнего Востока и Северной Африки (включая, разумеется, и аравийских протоарабов); вместе с тем, далеко не все принявшие ислам народы вошли в этот новый суперэтнос. Впрочем, слишком большая территориальная распространенность и чрезвычайная гетерогенность привели к постепенному

распаду единого этноса на два десятка арабоязычных и арабокультурных, но не существованию самостоятельных этносов⁹².

Конечно, кроме религиозных причин значительную роль играло и то, что в период своего становления названные этносы были объединены и политически. И все-таки представляется, что в фактической консолидации людей на базе единых этнокультурных признаков в перечисленных случаях большую роль играли новые социальные цели существования, продиктованные новыми религиями. Разумеется, было бы наивно утверждать, что все население упомянутых регионов «по команде» оставило прежнюю идентичность и перешло к новым религиозным идеям. Во всяком сообществе новации внедряются энергией наиболее социально активной части населения при том, что большая часть остальных, как правило, сравнительно пассивно ожидает и наблюдает за тем, какие социальные «выгоды» может принести та или иная новация, и лишь постепенно втягивается в усвоение и употребление новых паттернов*. Успеху новой религии несомненно способствует получение ею статуса государственной. Но не следует забывать, что «огосударствление» религии ведет к усилению (в той или иной мере) влияния ценностных установок этого учения на политические установки светской власти, т.е. на политическую, правовую и иные области специализированной культуры, а тем самым — к усилению влияния на сообщество в целом. Таким образом, и непосредственно, и опосредованно (че-

* Относясь с большой долей скепсиса к этногенетическим концепциям Л.Н. Гумилева, к «космическим импульсам», инициирующим этногенетические процессы (не говоря уже о том, что большая часть процессов, описываемых Гумилевым, является социальными, а не собственно этническими, чего автор категорически не различает), мы, тем не менее, не можем не признать весьма удачным его учение о «пассионариях»⁹³. В любом сообществе всегда находится некий слой людей, генетически более одаренных и более конкурентноспособных, нежели основная масса населения, и социальные интересы которых детерминируют их повышенную активность, предрасположенность к новаторству и т.п. Разумеется, дело здесь не в каких-то «космических излучениях», а в рефлексии этими людьми собственной одаренности, своих личных социальных интересов и перспектив и пр., что стимулирует их энергичную деятельность по достижению этих перспектив. При совпадении некоторых объективных условий подобным «пассионариям» удастся убедить и иные слои сообщества в полезности своих начинаний и инициировать соответствующие перемены в нормах и стандартах жизнедеятельности всего сообщества в целом.

61

рез государство) религия вполне может стать механизмом социальной консолидации людей и послужить импульсом нового этногенетического процесса.

Наиболее типичными в историческую эпоху можно считать этногенезы, инициированные военно-политическими обстоятельствами. К примеру, абсолютное большинство современных этносов Европы как в раннем, так и в позднем средневековье формировались именно как сообщества политические, т.е. на базе тех или иных государственных образований (хотя, разумеется, имели место и исключения). Скажем, французы, немцы и итальянцы сложились в основном в пределах трех государств — Франции, Лотарингии и Италии, образовавшихся при распаде империи Карла Великого. Этот процесс начался в IX в. и, хотя в упомянутых государствах вскоре возобладала тенденция феодальной раздробленности, однако «стартовый импульс» этногенеза, судя по всему, был дан именно в это время⁹⁴. Вполне вероятно, что социальной целью, сыгравшей важнейшую роль в сплочении в единый этнос населения Северной Франции (собственно французов, в отличие от бретонцев, гасконцев, провансальцев и некоторых других, интегрировавшихся во французский этнос несколько позже), явилась мобилизация сообщества на борьбу с грабительскими набегами скандинавских викингов, именно в IX в. достигшими своего апогея⁹⁵. Испанский этнос, как известно, тоже сложился из нескольких территориально-этнографических групп в условиях Реконксты — освобождения Пиренейского полуострова от арабов в VIII—XIII вв.⁹⁶ Такая социальная цель, как освободительная война (тем более, длящаяся несколько веков), представляется очень убедительной причиной для социальной и этнической консолидации людей.

Хозяйственно-экологические причины этногенеза, т.е. связанные с объединением людей в целях совместного выживания в ландшафтных условиях зоны обитания, более всего характерны для сообществ первобытного периода развития (особенно для «варварской» стадии чифдомов⁹⁷). Характерным примером является формирование многих кочевых этносов Центральной Азии (хунну, тюрков, монголов и др.), протекавшее в условиях муссонных колебаний климата, вызывавших потребность в дальних кочевых перегонах скота, фактически превращавшихся в грабительские походы и завоевания новых территорий для кочевья⁹⁸. К ландшафтно детерминированным этногенезам можно отнести образование древних китайцев, египтян, протоиндийцев и ряда народов

Месопотамии в зонах илистых отложений в долинах Хуанхэ, Нила, Ганга, Тигра и Ефрата, где имелись условия для гарантированного мотыжного земледелия⁹⁹.

Разумеется, приведенные примеры этногенеза на базе более или менее выраженной одной социальной цели, ведущей к ускоренной консолидации субъектов зарождающегося этноса встречаются сравнительно редко. Чаще всего имеет место целый комплекс разнообразных причин, адаптируемых посредством повышения уровня социальной самоорганизации и коммуникации населения той или иной территории. Впрочем, и в описанных случаях, конечно, имели место такого же рода комплексы причин; просто в сложившихся условиях одна из таких причин

62

оказывалась важнее прочих, превращаясь на ключевом этапе этногенеза в доминирующую социальную цель и стимул социальной консолидации.

Формирование разделяемых всеми членами сообщества социальных целей и вытекающей из этого необходимости нормирования и стандартизации общепринятых форм коллективной жизнедеятельности можно определить как первую фазу генезиса этнокультурных систем.

Всякое локальное человеческое сообщество живет в конкретных природно-исторических условиях, обстоятельствах места и времени, адаптация к которым является неотъемлемой функцией его существования. Этот процесс непрерывной адаптации и работы по достижению своих социальных целей и интересов в конкретных сложившихся обстоятельствах бытия позволяют членам этого сообщества накопить свой локальный, специфический *исторический опыт*, выражающийся в особых формах деятельности и взаимодействия, их нормирования и стандартизации и отличающийся от такого же рода опыта других сообществ. Если социальные цели большинства людей, составляющих локальные сообщества, типологически сравнительно единообразны (по крайней мере на схожих этапах развития этих сообществ), то условия их достижения всегда более или менее различаются (даже у соседствующих народов). Это ведет к формированию уникальных комплексов исторического опыта, специфичность которого сохраняется и повышается от поколения к поколению, видимо, не только за счет разницы в условиях бытия, но и за счет естественной аккумуляции культурных отличий, складывающихся в процессе построения людьми своего искусственного окружения.

Мы хорошо знаем множество примеров, когда близкородственные по своему происхождению этносы или же сегменты одного народа, благодаря различиям в историческом опыте своего существования, культурно «расходились» между собой. Скажем, между древнерусскими и польскими племенами и племенными объединениями в конце I тыс. н.э. (до их христианизации) этнографические различия, по мнению специалистов, были малосущественными¹⁰⁰. Однако принятие разных типов христианского вероисповедания (к моменту крещения Руси формального разрыва между православием и католицизмом еще не произошло, хотя фактически Константинополь и Рим уже существенным образом различались по культурным чертам, аккумулировавшимися в восточном и западном христианстве; к моменту крещения поляков разрыв между двумя ветвями ортодоксального христианства уже вошел в формальную стадию) сразу же определило различие в культурных тяготениях, формальных заимствованиях и пр., и в результате уже к XII в. можно говорить о складывании двух совершенно самостоятельных этносов: древнерусского и польского.

Вместе с тем, исторический опыт населения разных территориальных зон Древнерусского государства также весьма различался: новгородцы больше занимались колонизацией северных просторов Среднерусской равнины, торговали и воевали с Северной Европой и испытывали ее культурное влияние; прикарпатские галичане больше тяготели своими политическими, экономическими и культурными интересами

63

к Польше и Венгрии; полочане (жители Полоцкого княжества в Белоруссии) — к Литве; приднепровские Киевская, Черниговская и Северная земли теснее были связаны с византийским Крымом, а через него — с Константинополем, а также с Болгарией и Сербией, при этом воюя, торгуя и даже вступая в частые браки со степными кочевниками — половцами; Северо-Восточная Русь жила в тесном контакте с мусульманской Волжской Булгарией, а через нее — со Средней Азией и Северным Кавказом, постепенно осваивая северо-восточные таежные территории и частично ассимилируя их финно-угорское население¹⁰¹.

Представляется, что древнерусская народность, и без того не отличавшаяся высокой этнической консолидированностью, избежала этнической дезинтеграции с началом феодальной раздробленности в середине XII в. главным образом потому, что и упомянутые выше этнокультурные зоны в большинстве своем сравнительно быстро распались на множество мелких уделов. Если бы в этих условиях образовались 4—5 крупных централизованных государств, распад этноса на соответствующее число частей стал бы, видимо, высоко вероятным. Впрочем, размеры владений (правда, почти незаселенных) и экономическая мощь Господина Великого Новгорода, а также

объединение в XIII в. в крупное государство Галицких и Волынских земель (включая и Западную Белоруссию) уже в домонгольское время наметили тенденцию к усилению их этнокультурных различий как между собой, так и по отношению к другим древнерусским землям. Первые диалектные и культурные особенности, характерные для будущих украинских языка и культуры, по мнению специалистов, фиксируются в Прикарпатье уже с XII в.¹⁰²

Татаро-монгольское завоевание Северо-Восточной Руси в XIII в., а также включение (по преимуществу мирное) в течение XIV в. Западных, Юго-западных и Южных русских земель в состав Великого княжества Литовского и частично Польши усилили эту тенденцию. Находясь в составе разных государств, население перечисленных земель (и в первую очередь городское) накапливало совершенно различный социальный и исторический опыт, постепенно разделяясь сначала на восточных (великоруссов) и западных (малороссов, белоруссов, червонороссов и др.) русских, а с XVI в. в среде последних началось членение на украинцев и белорусов, а также карпатских русинов.¹⁰³

Впрочем, и в составе великорусской народности население ее окраинных областей также обрело весьма различающийся опыт как хозяйственного, так и исторического существования. Архангельские поморы, камчадалы, северокавказские — донские и терские казаки (кубанские имели в основном украинское происхождение), степные — яицкие, сибирские, семиреченские, забайкальские казаки, некоторые старообрядческие и сектантские группы, уходившие в самоизоляцию, и ряд иных социально-территориальных изолятов или жителей межэтнических контактных зон выделились в достаточно своеобразные этнографические группы, в основе культурной специфики которых лежал именно различный исторический опыт социального бытия.

64

Накопление этого особого исторического опыта существования каждым человеческим сообществом и сохранение его локальной специфичности представляет собой вторую фазу этногенеза его культуры.

Вместе с тем, исторический опыт всякого сообщества содержательно необычайно велик и эмпирически многообразен. Ни один человек, сколь бы подробно он ни был посвящен в этот опыт, не в состоянии освоить его и удержать в своей памяти целиком. Поэтому отдельные люди осваивают и используют более или менее полно лишь отдельные фрагменты этого опыта,¹⁰⁴ наиболее соответствующие основной направленности их деятельности. В этом и заключается деятельностная специализация человека, владеющего некоторой частью исторического опыта (знания) в его непосредственной эмпирической конкретности, и на этом строится дифференциация культуры на обыденную и специализированную (профессиональную). Большинство остальных составляющих исторического опыта человек усваивает в опосредованном, теоретически обобщенном виде, очищенном от эмпирических частных и аккумулированном в комплексах более или менее абстрактных предпочтений, характерных для сообщества, в котором он живет и которые можно определить как *ценностные ориентации*, отличающие культуру данного сообщества.

Можно предположить, что в динамическом аспекте ценностные ориентации поначалу формируются по преимуществу в пласте обыденной культуры и являются основными механизмами ее функционирования и социального регулирования. Но постепенно они начинают вырабатываться и в специализированных пластах профессиональной культуры. Люди, действующие на этом уровне, начинают претендовать на монополию в этой области, поскольку владеют особыми технологиями отбора и переработки социально значимой информации. Таким образом, в этом пласте формируется особая категория профессионалов — разработчиков и интерпретаторов ценностей — интеллектуалов (поначалу по преимуществу в клерикальной среде, а позднее — в художественной, научной, педагогической, политической и др.). Впрочем, подробное рассмотрение этой метаморфозы выходит за рамки задач настоящего исследования.

Историками, этнографами, путешественниками и писателями постоянно описываются различные специфические черты нравов и обычаев, этикета, мировоззренческих, социальных и эстетических предпочтений, специфичных для разных народов Земли. Наверное, у всех народов в почете гостеприимство, взаимопомощь, воинская доблесть, родственная солидарность, честность, почтение к старшим и т.п., но сколь различаются конкретные формы проявления этих ценностных паттернов у разных этносов именно потому, что аккумулируют разные исторические опыты. Скажем, у кавказских и азиатских кочевых этносов больше развита родственная солидарность, а у европейских — соседская (впрочем, известны и исключения, например семейная вендетта у корсиканцев). У римлян воинская доблесть и бесстрашие перед лицом смерти выражались (в идеале) в философическом хладнокровии, у викингов — в истерическом агрессивном иступлении (бесеркиеры), а у монголов — в бездумной беспрекословной дисциплине.¹⁰⁵ Вассальная верность европейских средневековых рыцарей в большой мере зависела от поря-

65

дочности сюзерена, которому служат (при отсутствии таковой рыцарю не возбранялось дать вассальную присягу другому магнату или венценосцу), а в кодексе японских самураев бусидо, напротив, высшей честью считалось сохранение верности неверному господину¹⁰⁶.

Преобразование эмпирики исторического опыта в теоретические установки ценностных ориентаций, разделяемых в сообществе в массовом масштабе, может быть охарактеризовано как третья фаза этногенетического процесса в культуре.

Несмотря на всю важность ценностных ориентаций в детерминации общих черт культурного мироощущения в сообществе, сугубая теоретичность их установок в практике реальной жизни нуждается в каких-то более или менее систематизированных приемах и формах их применения, в формировании практических стереотипов поведения, приближенных к непосредственным повседневным нуждам и потребностям людей. Это происходит в форме постоянной корректировки исторически вырабатываемых норм и стандартов деятельности (как предметно-практической, так и интеллектуальной, психической и т.п.) и формирования в результате этого таких организованных, упорядоченных проявлений социального бытия, как типы *образов жизни и картин мира*, характерные для определенного сообщества. В этом смысле образы жизни и картины мира — это наиболее типичные, массово распространенные в сообществе устойчивые наборы, совокупности стандартов деятельности, взаимодействия, поведения, представлений, суждений и т.п. Разумеется, эти типичные проявления в реальной жизни сосуществуют с менее типичными, маргинальными, экстравагантными и, конечно, новационными проявлениями, в той или иной степени терпимыми в разных сообществах. Однако именно устойчивые, массово распространенные поведенческие установки в наибольшей мере характеризуют локальную специфику всякой этнической культуры.

При изучении исторического развития общества, усложнения его социальной стратификации и профессиональной дифференциации, превращения его в общность политическую с неизбежными иноэтничными и иноконфессиональными включениями и т.п. наблюдается дифференциация типов образов жизни и картин мира на более мелкие социально специализированные сегменты. Общество является носителем целого комплекса различных образов жизни и картин мира составляющих его слоев крестьянства, горожан, аристократии, бюрократии, военного и духовного сословий и пр. Тем не менее, следует вычленить в этом многообразии общие социальные цели, элементы исторического опыта и ценностных ориентаций (например, религиозные, политические и др.), которые поддерживают в этом сообществе единообразие хотя бы в некоторых фундаментальных чертах как образа жизни, так и картин мира, таких, как привычки, обряды, этикетные нормы, эстетические предпочтения и т.п. В конечном счете такие черты образов жизни и картин мира определенного сообщества в наибольшей мере концентрируют в себе и реализуют на практике накопленную специфику норм и стандартов деятельности, взаимодействия, поведения, сложившихся в конкретно-исторических условиях бытия данного сообщества, и наиболее объективированные черты культурного своеобразия. Именно они обычно и представляются как этноспецифичные.

66

Разумеется, большинство человеческих сообществ существует не в изоляции. Их члены практикуют более или менее активные связи со своими ближними и дальними соседями. При этом происходит постоянный обмен культурными формами, элементами образов жизни и картин мира, заимствующимися по принципу их исторически оправдавшейся эффективности, социальной престижности и пр. Конечно, масштабы и конкретные объекты такого заимствования постоянно регулируются степенью их соответствия социальным целям, историческому опыту и ценностным ориентациям общества-реципиента, хотя нередко уровень эффективности и престижности заимствуемых элементов подвигают власти страны-реципиента на беспрецедентные разрушения собственной традиции ради привнесения искомых новаций. Примеры тому хорошо известны (реформы Петра I в России, эпоха Мэйдзи в Японии и др.).

Процесс формирования устойчивых общераспространенных, традиционно передаваемых черт образа жизни и картин мира в сообществах является четвертой фазой генезиса этнокультурных систем.

Пятая фаза этногенеза в культуре связана уже по преимуществу с субъективной рефлексией людьми своих специфических черт, общепринятых в их сообществе социальных целей, исторического опыта, ценностных ориентаций, черт образов жизни и картин мира, с осмыслением их как собственных *образов идентичности* и намеренным их воспроизводством в качестве *маркирующих признаков* своего сообщества. Следует отметить, что вопрос о механизме формирования этого социально-психологического комплекса образов идентичности относится к числу наименее исследованных в социальных науках. Нам еще совершенно неизвестно, на основании каких приоритетов те или иные черты культуры попадают в этот комплекс, а иные нет, насколько объективным и системным является этот конвенциональный отбор или, напротив, случайным и

хаотичным, как эти образы коррелируют между собой, за счет чего их механическая сумма обретает некую целостность, логически почти неуловимую, а ощущаемую скорее интуитивно, и т.п. Более или менее определенно пока что можно сказать лишь о том, что комплекс этих черт является исторически подвижным и изменчивым, постоянно меняясь как в номенклатуре своих составляющих, так и особенно в актуальных акцентах на тех или иных чертах (характерный пример такой изменчивости, затрагивающий даже соседствующие поколения, — классический конфликт «отцов и детей»). Также очевидно и то, что в городских культурах классовых цивилизаций социальная актуальность и престижность тех или иных образов является более важным критерием их отбора, нежели автохтонность происхождения, чаще доминирующая как фактор отбора в традиционных сельских культурах. Показательно также, что внешние по отношению к описываемой культуре наблюдатели часто выделяют в числе наиболее специфичных совсем не те черты самобытности, нежели образы, к которым апеллируют сами члены этого сообщества.

Так или иначе, но комплекс черт идентичности, разделяемых и признаваемых членами всякого сообщества, — это и есть его культура в наиболее узком, субъективно понимаемом членами этого сообщества

67

смысле данного слова. Это именно то, что намеренно культивируется, транслируется с помощью традиций, заботливо воспроизводится из поколения в поколение как маркирующая система черт, отличающих данное сообщество от других, обозначающих его место в пространстве и времени, его происхождение и историческую миссию на Земле, являющихся основанием для коллективной психологической комфортности и т.п. Процесс непрерывного воспроизводства образов собственной идентичности в большинстве технологий и продуктов деятельности, постоянное варьирование их содержания, рекомпозиция их состава и иерархии приоритетов в этом комплексе — это и есть эмпирически наблюдаемая история культуры данного сообщества.

В этой связи интересными представляются сравнительные данные о том, в соответствии с какими критериями инородец может быть признан в чужой этнической среде «своим». У древних иранцев и тюрков для этого нужно было родиться от отца-иранца или тюрка (вне зависимости от происхождения матери); теоретически иных путей для инкорпорации в этнос не было, хотя на практике, конечно, бывало по-разному¹⁰⁷. Напротив, у евреев нужно было быть рожденным матерью-еврейкой и исповедывать иудаизм. У китайцев на первом месте в идентификации стоял этикет обыденного поведения; человек, в совершенстве освоивший его, как правило, уже не испытывал какого-либо отчуждения со стороны собственно китайцев¹⁰⁸. У монголов и ряда иных кочевых народов для вхождения иностранца в этнос ему требовалось вступить в брак с представителем (представительницей) данного народа, т.е. породниться с какой-либо местной семьей¹⁰⁹. В раннесредневековой Европе, Византии, арабском Халифате, в позднесредневековой Руси в основе идентичности лежала религиозная принадлежность человека, а также служение тому или иному государю; остальное по большому счету не играло серьезной роли¹¹⁰. На Руси вопрос с вероисповеданием получил особенную актуальность с середины XV в. после падения Византии, когда Москва ощутила себя последним «православным царством» на Земле и началась фактическая контаминация понятий «русский» и «православный» (отсюда и «крестьяне-христиане», и «Святая Русь» как «новая Палестина» и пр.¹¹¹). В нововременной Европе и России постепенно на первое место в идентификации человека выдвигаются вопросы его государственного подданства (служение Отечеству), идущее еще от традиций Древнего Рима, а также соблюдения законов и владения языком страны проживания.

Разумеется, в любой этнокультурной системе комплекс признаков и маркеров национальной идентичности весьма многообразен и, как представляется, формально не иерархизирован (или эта иерархия отличается постоянной подвижностью), хотя могут иметь место и акценты на отдельных элементах, как в приведенных выше примерах. Однако и эти акценты исторически изменчивы. По всей видимости, система образов идентичности всякого сообщества (т.е. структура его культурной конфигурации), как в номенклатуре своих составляющих, так и в их относительной иерархизированности в каждый данный момент определяется факторами непосредственной социальной актуальности тех или иных элементов, которые в свою очередь зависят главным образом

68

от сиюминутных исторических обстоятельств. Таким образом, мы возвращаемся к тезису, заявленному в самом начале этой главы, определяющему культуру совокупностью социально значимых форм исторического бытия того или иного сообщества.

Очевидно, на фазе формирования более или менее устойчивого ядра системы образов идентичности всякого сообщества и завершается процесс генезиса его этнокультурных черт. Далее начинается история уже сложившейся локальной культуры, воспроизводящей и пополняющей эту систему образов. Однако, помимо прямого и расширенного воспроизводства этой системы в истории

культуры наблюдается и играет огромную роль еще один важнейший процесс, который может быть назван шестой фазой уже «постгенетического» бытия культуры. Это процесс непрерывной *интерпретации* и *реинтерпретации* актуальных культурных форм, т.е. тех самых образов идентичности, о которых только что шла речь. Воспроизводство сложившихся культурных форм в принципе неотделимо от их постоянной реинтерпретации, обнаружения в них новых смыслов, ассоциаций, эмоциональных впечатлений и т.п., о чем шла речь в разделе о формогенезе культурных феноменов. Даже в наиболее традиционных культурах этот процесс имеет место, хотя и не в очень выраженном виде. Прекращение реинтерпретаций той или иной формы означает ее фактическую «смерть» в качестве явления культуры, выпадение из актуального культурного обихода (хотя со временем возможно и ее возвращение в этот обиход, т.е. в процесс новых реинтерпретаций, как это произошло с формами античной культуры в эпоху Ренессанса).

Говоря об этногенетических процессах в культуре, нельзя не коснуться и вопроса о межэтнических культурных общностях и в особенности понятия «цивилизация». Не вдаваясь в историю происхождения и модификаций трактовки термина «цивилизация», отметим, что в современной науке его употребление уже утратило в основном прежнее аксиологизированное противопоставление цивилизации варварству и дикости, равно как и евроцентристскую акцентировку в противовес неевропейским культурам¹¹². Сегодня под цивилизациями обычно понимают крупные межэтнические и исторически устойчивые комплексы культурных черт, основанные, как правило, на общности религий (исламская, буддийская, западнохристианская цивилизации), политических регионов в рамках многонациональных империй (римская, китайская, российская цивилизации), иногда — на хозяйственно-культурном (кочевая цивилизация) и регионально-культурном своеобразии (античная, мезоамериканская, латиноамериканская цивилизации и ряд других)¹¹³. Сразу же отметим, что разнообразие оснований, по которым выделяются такого рода межэтнические общности (религиозные, политические, хозяйственные, региональные), ставит под сомнение научную корректность использования термина «цивилизация» как классифицирующего таксона без его дальнейшей онтологизации.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимание и на то, что подавляющая часть элементов, характеризующих черты межэтнического культурного сходства, наблюдаемых как в перечисленных, так и в некоторых иных цивилизациях, относится почти исключительно к признакам,

69

свойственным специализированному уровню культуры, главным образом ее официальной государственной сфере — религиозным, политико-правовым, художественно-стилевым и пр., но очень мало затрагивает обыденные этносоциальные культуры народов, входящих в эти цивилизации, но остающиеся весьма специфичными. То есть цивилизационные признаки по преимуществу не тождественны культурным признакам этносов и не объединяют их в какие-то суперэтнические системы, а отражают лишь верхушечный, официальный слой национальных культур, формируемый и распространяемый национальными элитами*.

Таким образом, задача выстраивания типологии межэтнических культурных общностей в парадигме одной лишь цивилизационной модели не поддается удовлетворительному решению. Как представляется, здесь следует идти по пути классификации в первую очередь базовых оснований для формирования такого рода общностей, и уже на их основе выстраивать общую типологию самих межэтнических сообществ. В рамках этой парадигмы мы можем предложить следующую возможную модель типологизации подобных сообществ.

Во-первых, это *хозяйственно-культурные общности*, в которые включаются народы, живущие в схожих природных условиях и вырабатывающие схожие технологии и формы адаптации к ним (в первую очередь — хозяйственно-жизнеобеспечивающие, но также и социально-регулятивные, психико-рефлексивные и т.п.)¹¹⁴. Очевидно, что культурное сходство этих этносов сосредоточено в одинаковости многих элементов и обыденной культуры, и специализированных форм деятельности. Вопрос о наличии или отсутствии этнического «родства» между этими обществами в данном случае малосущественен; их объединяет в первую очередь сходство ландшафтных условий жизнедеятельности и необходимых способов адаптации к ним. Классические примеры такого рода хозяйственно-культурных общностей: народы приарктического пояса Евразии и Северной Америки, кочевники Центральной Азии, горские народности Кавказа, племена джунглей Амазонии и т.п.¹¹⁵

Во-вторых, *культурно-этнографические общности*, объединяющие народы, состоящие в более или менее близком этническом родстве и ведущие свое происхождение от общих предков, проживавших на одной территории¹¹⁶. Несмотря на различия в исторических судьбах, а нередко и ландшафтных условий существования, во многом определяю-

Разумеется, мы не преследуем цель вульгарного противопоставления элитарной культуры народной. В конечном счете и представители элитных слоев всякого общества — администраторы,

землевладельцы, воины, предприниматели, священнослужители, интеллектуалы и пр. — являются неотъемлемой частью своего народа, причем наиболее социально активной частью, чья деятельность в наибольшей мере определяет историческую судьбу всего этноса. И у нас нет никаких оснований выводить культуру этого слоя за скобки национальной культуры соответствующего этноса в целом, хотя процент членов данной общности, принадлежащих к этой элитарной культуре, может быть и весьма малым. Поскольку и народная и элитарная культуры формируются по одним и тем же законам, в синтезе этногенетических и социогенетических процессов, выполняют одни и те же функции и т.п., то причины их столь существенного различия, как представляется, следует искать в разных условиях генезиса, т.е. приоритетным методом их сравнительного изучения должен быть факторный анализ.

70

ших специфичность профессиональных культур этих народов, в их обыденных культурах сохраняются многие черты былой этнической общности: в языках, обрядах и ритуалах, мифологии, фольклоре, одежде, домостроительстве, системах родства, многих правилах обыденной этики, в культурной семантике и т.п. Характерный пример: западные, восточные и южные славяне, живущие в разных природно-климатических условиях, исповедующие разные направления христианства, относящиеся даже к разным цивилизационным общностям (западноевропейской, российской и балканской), однако сохраняющие многие черты сходства в перечисленных сферах обыденной культуры, унаследованные, как предполагают историки, этнографы и филологи, от их бывшего праславянского единства¹¹⁷.

И наконец, в-третьих, *культурно-исторические общности*, к которым могут быть отнесены обычно соседствующие группы этносов, объединенных общностью своей исторической судьбы или историческими условиями существования — принадлежностью к одной и той же религии, вхождением в состав единых многонациональных государств (на каком-то этапе своей истории), многовековым союзничеством в борьбе с общей военной опасностью, тесными экономическими, политическими и гуманитарно-культурными связями и т.п.¹¹⁸ Эта общность исторических условий бытия выражается прежде всего в сходстве, а порой и единообразии многих элементов профессиональных культур подобных этносов — религиозных, политико-правовых, торгово-экономических, научно-образовательных, художественно-эстетических и др., а в чертах обыденных культур — по преимуществу в нормативно-стилевых признаках образа жизни, форм социальной престижности, картин мира и символике социальной идентичности элитарных слоев этих сообществ, наиболее тесно связанных друг с другом и охотно обменивающихся эффективными и престижными культурными формами. При этом обыденная культура социальных низов в таких общностях, как правило, сохраняет свою этническую специфичность, поскольку эти социальные слои в гораздо меньшей степени «втянуты» в исторические события и живут в гораздо меньшей зависимости от исторических условий существования, нежели это наблюдается в отношении слоев

элитарных.

Таким образом, речь в конечном счете идет о комплексах институционализированных нормативов социальной регуляции (в отличие от этнических комплексов, как в основном неинституционализированных), по отношению к которым в случаях их межэтнической распространенности и можно применять определение «цивилизационные признаки». Именно к такому типу общностей, как представляется, и может быть отнесен термин «цивилизация», и именно в изложенной содержательной трактовке понятия «культурно-историческая общность» он употребляется в настоящей работе.

Хотя генезис культурных черт рассматриваемых межэтнических общностей складывается в ходе микродинамических процессов культурогенеза, сами эти общности таксономически относятся уже к области макроструктур, а становление и изменчивость их социокультурных при-

71

знаков обладают наибольшей выраженностью в процессах макродинамики культуры.

Мы уделили столько внимания вопросу о типологизации межэтнических культурных общностей прежде всего потому, что они, как представляется, могут служить весьма выразительным эмпирическим подтверждением корректности тех научных идей, на которых основывается настоящее исследование. В первую очередь — это концепции адаптивного происхождения и нормативных функций подавляющей части культурных форм и системообразующих связей в социальном бытии людей. Сходство, а порой и совпадение этих явлений, встречающееся у разных исторических сообществ, объединенных близостью или единообразием природных или исторических условий своего существования, характером связей с окружением, является наглядным примером «работы» как адаптивной, так и нормативной функций в процессах культурогенеза в целом и в этногенезе культурных систем в частности.

Таким образом, предлагаемая модель реконструкции протекания этногенетических процессов в

культуре (от накопления людьми исторического опыта коллективной адаптации к условиям существования до преобразования этого опыта в ценностные нормативы, стандарты образа жизни, стереотипы картин мира и, наконец, в маркеры собственной идентичности) может быть эффективно использована при исследовании происхождения и накопления этноспецифических черт в культурах конкретно-исторических сообществ.

* * *

В завершение этой главы можно сделать следующие выводы:

1. Микродинамика культурогенетических процессов может быть прослежена достаточно репрезентативно через механизмы адаптивного происхождения и нормативного регулирования и стандартизации технологий деятельности и социального взаимодействия, направленного на удовлетворение и обеспечение индивидуальных и коллективных человеческих интересов. С помощью этих нормативов и стандартов в обществе регулируются и формы персональной жизнедеятельности каждого индивида, но наибольшую актуальность они обретают в процессе организации и осуществления коллективной деятельности и взаимодействия людей.

Происхождение, масштабы распространения и уровень императивной жесткости этих норм и стандартов так или иначе детерминированы эмпирикой исторического существования конкретного сообщества, а их локальные черты и особенности — специфическим сочетанием природных и исторических обстоятельств, в которых оно существует.

2. Основной механизм культурогенеза на его микродинамическом уровне видится в процессах адаптации человеческих коллективов к совокупности природных и исторических условий своего существования, к результатам собственной социальной самоорганизации и развитию технологий деятельности, а также в превращении наиболее успешных

72

и эффективных технологий этой адаптации в нормативно-ценностные установки коллективного бытия людей.

Генезис и особенности тех или иных конкретных культурных форм в конечном счете не имеют большого значения в образовании локальной специфики культур исторических сообществ. Гораздо более существенными представляются причины и обстоятельства интеграции этих форм в местные культурные комплексы, а отсюда — и их особые функции в нормировании и стандартизации различных видов деятельности и социального взаимодействия в этих сообществах.

3. Локальная специфика культур разных сообществ, наблюдаемая извне, свидетельствует по преимуществу об объективных природных и исторических факторах происхождения и истории этих сообществ; особенности субъективной рефлексии и интерпретации своей культурной специфики самими членами этих сообществ в качестве образов и черт собственной идентичности свидетельствуют о локальном своеобразии процессов социальной самоорганизации и коммуникации в этих коллективах людей.

4. Предлагаемая схема структурных и динамических особенностей культурогенетических процессов на микроуровне их протекания может быть эффективно использована как общее методологическое основание и как непосредственная теоретическая модель в эмпирических исследованиях генезиса отдельных культурных форм (паттернов), социокультурных систем и этнокультурных комплексов исторических сообществ.

Свое место эта схема может найти также и в теоретическом анализе закономерностей культурной динамики в целом, и в частности — в разработке методологии исследований исторической динамики культуры, некоторые подходы к которой намечаются нами в следующей главе настоящего исследования.

73

Глава 2. МАКРОДИНАМИКА КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

2.1. Принципы исторической динамики генезиса культурных черт

Под макродинамикой культурогенеза в настоящем исследовании понимаются процессы изначального зарождения и становления культурных феноменов и систем в глобальных масштабах, а также стадийные перемены в общей типологии норм и стандартов деятельности и социального взаимодействия людей. Следует подчеркнуть, что речь идет не о вариациях культурных черт на том или ином этапе истории, а именно о глобальном распространении новых базовых культурных универсалий и технологий, новых экзистенциальных ориентаций в осуществлении жизнедеятельности, выражающихся в структурных переменах ее норм, стандартов, принципов, критериев и т.п. Такая макродинамика культурогенеза выражается в становлении и изменчивости основных морфологических свойств и черт культуры и в целом может быть названа процессом *морфогенеза культуры*.

Проблемы исторического морфогенеза культуры неизбежно входят в соприкосновение с фундаментальными положениями теории исторического процесса в культуре, общей философией истории и философией культуры. И хотя специальное рассмотрение закономерностей названных областей познания, безусловно, не входит в задачи настоящего исследования, тем не менее, по мере необходимости нам придется обращаться к ним в связи с некоторыми вопросами осмысления изучаемых явлений.

Как уже говорилось, предметом морфогенетического исследования является не общая история культуры во всей полноте эмпирически наблюдаемой динамики ее формальной изменчивости, а лишь процессы зарождения и становления новых морфологических признаков культуры. В числе изменений такого масштаба можно выделить:

- перемену преобладающего фактора, по отношению к которому осуществляется адаптация исторических обществ средствами деятельности (от природных условий к историческим, а затем и к фактору инерции собственного социально-экономического развития);
- перемену преобладающих технологий жизнеобеспечения и материального производства (от присваивающего хозяйствования к технологиям производящего, сначала экстенсивного, а затем и интенсивного типа);
- перемену приоритетов в выборе технологий социального регулирования общественного бытия (от сакрализованного обычая к идеологически обоснованному силовому принуждению, а затем к идее консенсуса, «общественного договора»);

74

- перемену типов преобладающего образа жизни (от неустойчивого оседлого промыслового к устойчивому оседлому аграрно-урбанизированному, а затем к преимущественно урбанистическому);
- перемену характера мировоззренческих рефлексий (от панвитальной натуроцентрической к мистико-теоцентрической и, наконец, к рационалистически-антропоцентрической) и т.п.

Более подробно эти вопросы будут рассматриваться в последующих разделах исследования.

Совершенно очевидно, что речь идет о столь глубинных переменах в способах бытия человеческих обществ и принципах отношения к своему бытию, которые ведут к обретению людьми новых мировоззренческих представлений и структур социального сосуществования. Этим переменам сопутствует деградация прежних норм и стандартов деятельности, взаимодействия, мировоззрения, постепенное вызревание и формирование новых, основанных на иных принципах, т.е. происходит изменение самих морфологических признаков культуры.

Сколько такого рода и масштаба стадийных перемен, а, стало быть, и стадийных морфогенезов культуры имело место в истории человечества?

Поскольку любой сколь-либо протяженный во времени процесс в интересах его анализа может быть тем или иным образом периодизирован, расчленен на стадии, этапы, фазы и т.п., то и история культуры также поддается подобной умозрительной периодизации, принципы которой определяются теми познавательными целями, которые ставит перед собой тот или иной исследователь. Из этого тезиса вытекает важный методологический вывод; любая периодизация любого процесса всегда относительна, не может иметь исчерпывающий, учитывающий все свойства этого процесса характер, а строится по преимуществу на тех свойствах, которые в данном случае являются основным предметом познания, и абстрагируется от менее актуальных для избранного ракурса изучения свойств¹. Таким образом, любые периодизации (а стало быть, и концепции) истории культуры в

принципе имеют право на существование постольку, поскольку они описывают какую-то совокупность объективно существующих ее свойств, но ни одна из них не исчерпывает всей полноты параметров этого явления и потому всегда

уязвима для критики.

В основу предлагаемой периодизации истории культуры положена попытка стадияльной типологизации систем норм и стандартов деятельности и взаимодействия в человеческих коллективах в глобальном масштабе в разные периоды истории. Она опирается на два ключевых признака: доминирующие на определенных стадиях развития объективные факторы, определяющие условия бытия тех или иных локальных сообществ и требующие адаптации посредством развития особых форм деятельности; и специфика преобладающих субъективных целей и ценностей бытия людей на соответствующих стадиях, детерминирующие наиболее приемлемые методы, нормы и стандарты его деятельности и социального взаимодействия².

При этом следует помнить, что хотя общий путь такого рода эволюции отличается более или менее очевидной единой направленнос-

75

тью в масштабах всего человечества, тем не менее, все человечество участвует в этом процессе не как единая, внутренне системная социальная целостность, а лишь как совокупность самодостаточных локальных сообществ или межэтнических общностей, каждая из которых самостоятельно, в своем индивидуальном темпе и в своих уникальных формах проходит те или иные этапы этого пути, а порой и погибает, не миновав очередного этапа. Таким образом, искомая периодизация истории культуры не может отражать общечеловеческой абсолютной хронологии истории, а выражает стадияльность динамики изменчивости культуры каждого сообщества в отдельности, протекающей хронологически более или менее независимо от остальных³.

В современной науке распространено несколько десятков вариантов типологизации культур, в числе которых наряду, с типами, отражающими явно региональные специфики, можно выделить и ряд типов, различия между которыми имеют, несомненно, стадияльный характер. Это культуры первобытного (доклассового), традиционного (раннеклассового — рабовладельческого, феодального, смешанного рабовладельческо-феодального) и, наконец, индустриального и постиндустриального (капиталистического, посткапиталистического, социалистического и т.п.) типов. По характеру доминирующих ориентаций в отношении с природным и социальным окружением эти стадияльные типы можно классифицировать как:

— культуры эколого-генетической ориентации, материально-технологической доминантой которых является адаптация сообществ к природным условиям их существования, а символическо-идеациональной — мифологизация собственного генезиса и абсолютизация вопросов биологического воспроизводства своих коллективов⁴;

— культуры историко-идеологической ориентации, технологически сконцентрированные на адаптации сообществ к необходимости соперничества и сосуществования друг с другом, а идеационально — на абсолютизации идеологического, нормативного аспекта общественного бытия⁵;

— культуры экономико-социальной ориентации, в которых предметом технологической адаптации сообществ является в первую очередь инерция их собственного экономического развития, а идеациональные системы абсолютизируют идеи социального блага и его расширенного воспроизводства⁶.

Огромное число сложившихся на заре человечества локальных культур и протоцивилизаций так и не смогли выйти за пределы первого типа, исчезнув или законсервировавшись на эколого-генетической стадии культурного развития⁷. Тот факт, что абсолютное большинство так называемых «археологических культур», даже относящихся к эпохе поздней первобытности (не говоря уже о более ранних), не может быть сколь-либо доказательно идентифицировано с последующими известными этносами, свидетельствует скорее всего о том, что эти древнейшие общества утратили свою социальную целостность и культурную специфичность, будучи истреблены или растворившись в других народах еще на первобытной стадии своего развития. Одновременно данные

76

этнографических исследований сотен народов и племен евразийского Севера, Африки, Австралии и Океании, Северной и Южной Америки, некоторых районов Азии рассматриваются как примеры антропо-экологического гомеостаза, ведущего к устойчивой консервации уровней развития соответствующих сообществ на различных этапах эколого-генетической стадии социокультурной эволюции⁸.

Вместе с тем, известны сотни народов, которые, начав формироваться на эколого-генетическом этапе культурной эволюции, пересекли этот стадияльный «порог» и продолжили свое становление и развитие уже в рамках историко-идеологического этапа. Перечислять примеры подобных народов нет надобности; это почти все известные нам народы древнего мира и раннего средневековья,

прошедшие путь от позднепервобытного варварства до формирования городских цивилизаций⁹.

Сравнительно немного этносов или суперэтнических образований (цивилизаций) возникло уже в пределах историко-идеологической стадии культурного развития за счет перекомпоновки этносоциальных субстратов существовавших сообществ и выработки новых социальных целей все того же историко-идеологического типа. Характерно, что, как правило, это было связано с появлением и распространением новых мировых религий или же с попытками создания мировых империй, породивших такие цивилизационные общности, как эллинистическая, византийская, исламская¹⁰.

И лишь два суперцивилизационных комплекса — атлантический (включающий западноевропейскую, восточноевропейскую, латиноамериканскую и отпочковывающуюся ныне североамериканскую субцивилизацию) и складывающийся в последние десятилетия азиатско-тихоокеанский (в составе японской, корейской и трансформирующихся ныне китайской и индокитайской локальных цивилизаций) развились до третьей стадии эволюции — культуры экономико-социального типа. Причем, если оба американских субцивилизационных феномена сложились в основном уже на переходе к третьей стадии, то остальные последовательно прошли все три этапа от первобытной экологической до современной социальной стадии.

Разумеется, ни одна из этих цивилизаций не представляет собой эмпирически «чистой» модели того или иного типа культуры; в каждой из них сосуществуют архаические компоненты, постепенно понижающие свою значимость, с новационными, преобладание которых и определяет стадиальный тип. Изменчивость по тому или иному пути имела место постоянно во всех культурах, хотя далеко не всегда ее локальная направленность была связана с тенденцией к «повышению» стадиального уровня. Вместе с тем, мы имеем фактическое подтверждение правомерности выделения эволюционного процесса как одного из вариантов исторической динамики культурных систем, наблюдаемого наряду с циклическим и волновым типами изменчивости.

Следует подчеркнуть, что словами «эволюционный тип динамики» можно обозначить два отнюдь не одинаковых явления в истории культуры. Первое, это процесс развития тех или иных культурных феноменов или некоторых системных связей между ними по пути их модерни-

77

зации, технического и технологического усовершенствования, расширения и углубления смыслового и семантического содержания, улучшения качества работы коммуникативных каналов и т.п. Эти прогрессивные тенденции (наряду с одновременным и неизбежным регрессом свойств каких-то иных форм или структурных связей) постоянно наблюдаются в большинстве исторических культурных систем, за возможным исключением некоторых сообществ, живущих в особо сложных природных условиях и вся энергия которых, по мнению ряда исследователей, концентрируется на поддержании гомеостатического равновесия со средой¹². Такой тип эволюционной изменчивости, как правило, наблюдается в пределах существования сообщества на той или иной стадии исторического развития, обычно он специфичен не для всей культурной системы в целом, а в основном для отдельных ее элементов и протекает сравнительно плавно. Подчеркнем, что речь идет лишь о преимущественном, а не исключительном пути осуществления этого процесса. В культурной динамике столь многое зависит от конкретного сочетания условий и факторов, что почти все наблюдаемые закономерности имеют лишь статистически вероятное, а не абсолютное значение, и всегда находятся примеры исключений из общих правил, детерминированные какими-либо нетипичными обстоятельствами.

Другое явление исторической динамики культуры связано с процессами развития и изменчивости самих культурных систем как целостностей. Это уже не постепенное улучшение качества и модернизация существующей структуры, а революционный «скачок», результатом которого становится более или менее радикальная рекомпозиция (рекомбинация) составляющих систему структурных компонент и связей между ними. В «удачных» случаях такой рекомпозиции система существенно повышает степень своей структурной и функциональной сложности, а тем самым и уровень своей устойчивости, в полном соответствии с классическими законами синергетики¹³.

Вместе с тем, в истории известно немало случаев, когда в результате такого рода «революции» уровень структурной сложности системы, напротив, понижается, и тогда она вступает в стадию деградации и нередко гибнет. Например, представляется весьма вероятным, что многие «варварские» этносы Евразии при попытке перехода на раннеклассовую ступень развития, судя по всему, не выдержали подобной рекомбинации системы и, войдя в состояние деструкции, растворились в иных народах. Отсюда можно высказать предположение, что «удачный» или «неудачный» варианты системной изменчивости имеют во многом случайный характер и зависят от сочетания огромного числа факторов. Впрочем, известны и волнообразные процессы изменчивости культурных систем, когда этапы повышения и понижения уровня сложности системы сменяют друг друга неоднократно

при сохранении высокой устойчивости системы как таковой. Чаще всего это наблюдается у сообществ, чья жизнедеятельность жестко привязана к специфике ландшафтных условий (например, у некоторых кочевых этносов Евразии и Северной Африки)¹⁴.

В истории известны и такого же рода «скачкообразные» рекомбинации, протекающие в культурных системах в пределах одной стадии ее

78

развития (т.е. не ведущие к немедленной смене этой стадии). Например, неолитическая «революция» 10—7 тысячелетий до н.э., переход от античной Европы к христианской, постэллинистического Ближнего и Среднего Востока к мусульманскому и т.п. Однако при всем несходстве сложившихся после такого «скачка» конкретных культурных форм с предшествовавшими образцами основные парадигмы социокультурного существования таких сообществ менялись сравнительно мало, так же, как и уровни структурной сложности новообразуемых систем. Скажем, переход от высокоурбанизированной Античности к «деревенскому» раннему феодализму в Европе можно рассматривать и как определенное «понижение» уровня сложности системы¹⁵, хотя и не столь радикальное, чтобы привести к ее общей элиминации. Таким образом, описанный тип рекомбинаций культурных систем может осуществляться как внутростадиально, так и вести к значительному изменению уровня сложности систем, т.е. иметь эволюционный или деволюционный характер.

Именно такой, «синергический» вариант исторической эволюции человеческих сообществ, как правило, имеют в виду сторонники теорий неозволюционизма, рассуждая о моделях «специфической» эволюции, в отличие от «общей»¹⁶, и именно в таком смысле в настоящем исследовании идет речь о смене стадиальной типологии некоторыми сообществами и их межэтническими совокупностями (цивилизациями). Вместе с тем, у нас нет никаких оснований утверждать, что системы, сформировавшиеся в ходе подобных эволюционных «скачков», становятся «лучше», нежели предшествовавшие им (в отличие от модернизационного типа эволюции, где наблюдается безусловное улучшение функциональных свойств феноменов). Можем ли мы сказать, что новоевропейская культура в целом «лучше», чем античная или средневековая? В каких-то аспектах лучше, а в иных и хуже (на чем, кстати, основываются ностальгические мифы о «золотом веке» минувшего). Аксиологический подход здесь в принципе неприемлем. Просто новоевропейское общество представляет собой культурную систему принципиально иного типа, чем раннеклассовые античная и средневековая, с другими парадигмальными установками коллективного и индивидуального бытия людей и более сложной иерархией структурных составляющих технологий деятельности и взаимодействия, что в свою очередь породило и более высокий уровень ее инструментальной оснащенности (как технической, так и познавательной).

Основным стимулом для такого рода эволюционных «скачков» в исторической макродинамике культуры, как представляется, является все та же необходимость в адаптации сообществ в меняющихся условиях их существования¹⁷ так же, как и на микродинамическом уровне культурной изменчивости. В нижнем палеолите (период формирования культуры эколого-генетического типа), по мнению большинства палеоантропологов, это было связано с переменной частью приматов экологической ниши своего обитания¹⁸. В эпохи неолита и раннего металла (начало перехода на историко-идеологическую стадию культурной эволюции) — с периодическими «демографическими взрывами» то разных ре-

79

гионах ойкумены и соответствующим повышением плотности и конфликтности межобщинных контактов¹⁹, а также, конечно, с разделением труда и превращением его продуктов в товар. В европейском позднем средневековье (период созревания культуры экономико-социального типа) — с истощенностью многих сырьевых и энергетических источников, доступных при существовавших в ту пору экстенсивных технологиях, равно как и с кризисом регулятивной эффективности традиционных норм жизнедеятельности²⁰. Адаптационные по своей сути поиски выходов из сложившихся ситуаций и приводили, по нашему мнению, к генезису новых социокультурных парадигм существования, порождавших культурные системы с новыми экзистенциальными ориентациями. С учетом же того, что подобные перемены охватывали не только отдельные сообщества, а население больших субматериковых регионов, порой целые материки, а иногда и значительную часть ойкумены, эти процессы (хотя и не обязательно синхронные у большинства вовлеченных в них сообществ) могут быть классифицированы как исторические морфогенезы панкультуры соответствующих стадиальных типов. Суть этого явления может быть охарактеризована как обретение людьми новых совокупных способов осуществления своей жизнедеятельности в новых исторических условиях их бытия.

Однако эволюционная (в приведенном выше синергетическом смысле этого понятия), прогрессивная направленность этой стадиальной изменчивости вовсе не детерминирует эволюционного характера самого механизма осуществления описанных «скачков». Напротив, как

представляется, порождение новых стадиальных морфологий культурных систем никоим образом не являлось продуктом развития прежних морфологических характеристик культуры. Устаревшие парадигмы и структурные композиции социокультурного бытия не модернизировались, не «улучшались» путем усложнения существующих иерархий и связей (что характерно в основном для внутростадиальной изменчивости), а «преодолевались» посредством деструктурирования прежних комбинаций составляющих и формирования принципиально новых парадигм жизнедеятельности, структурных иерархий и связей, т.е. новых морфологических признаков культуры. Таким образом, стадиальные морфогенезы культурных систем являются эволюционными по общей исторической направленности, но совершенно новационными по онтологии процессами культурной динамики. И это различие представляется очень существенным.

Что касается сроков протекания морфогенетических процессов формирования новых стадиальных черт в существующих культурных системах или становления новых систем более высокой структурной сложности на обломках прежних, то, судя по всему, в разных конкретно-исторических случаях они могут весьма различаться. Поскольку реально мы можем пронаблюдать это явление по преимуществу лишь в пределах письменного периода истории, то объектом такого рода оценок может быть в основном морфогенез культурных систем лишь экономико-социального типа (морфогенез культурных систем историко-идеологического типа протекал главным образом в еще дописьменную эпоху,

80

что радикально сужает нашу источниковую базу). Наиболее выразительные примеры этого процесса дают нам довольно большой разброс показателей. Скажем, становление черт культуры экономико-социального типа в Европе заняло примерно 7 столетий (с XII по XVIII вв.), в США — 2 столетия (XVII—XVIII вв.), в Японии — около 100 лет (с середины XIX по середину XX в.). В России этот процесс начался, по всей видимости, где-то с середины XVII в. (первые робкие попытки общесистемной модернизации в стране), а возможно, его «родословную» следует отсчитывать от опричнины середины XVI в. (как неудавшейся и весьма экстравагантной попытки установления военно-бюрократической диктатуры имперского типа²¹) и, судя по всему, его морфогенез еще не завершился или близок к концу в настоящее время. Оценка сроков протекания морфогенезов культурных систем историко-идеологического типа, проводимая по косвенным данным, позволяет определить их (от позднего неолита до становления первых государственных образований) в несколько тысячелетий²². Что же касается морфогенеза культурных черт эколого-генетического типа, то здесь, по мнению археологов, счет уже идет на сотни тысячелетий²³.

Вместе с тем, необходимо постоянно помнить, что все моделируемые нами процессы реально происходили в истории конкретных локальных сообществ, т.е. на практике сводились к процессам исторического генезиса и динамики изменчивости их специфических культур. Поэтому все то, что фигурирует здесь под названием «стадиальный морфогенез культуры», есть не более чем умозрительное обобщение некоторых схожих черт, усматриваемых во множестве совершенно автономных явлений культурогенеза различных сообществ. Точно так же, как и используемые нами принципы стадиальной типологизации истории культуры, за которыми стоит не целостное, объективно существующее явление панкультуры, а лишь сумма сходных черт, с большей или меньшей очевидностью выявляемых в эмпирике культур разнообразных сообществ. Все это в избранном для настоящего исследования ракурсе позволяет построить предлагаемую историко-культурную модель развития о сугубо объяснительными, но никоим образом не описательными целями.

Проводимое нами в последующих разделах рассмотрение морфогенетических характеристик стадиальных типов развития культуры построено по схеме, в целом воспроизводящей шестифазовую модель генезиса этнокультурных систем локальных сообществ, приведенную в предыдущей главе. Именно такой подход к обобщению стадиальных характеристик культуры избран не случайно. Во-первых, как представляется, из всех используемых в настоящем исследовании проекций культурогенетического процесса эта схема является наиболее репрезентативной по отношению к фундаментальным составляющим культурного генезиса — формированию норм и стандартов деятельности и социального взаимодействия людей. И во-вторых, рассмотрение становления морфогенетических параметров культуры через призму технологии ее этногенетического процесса послужит дополнительной проверкой непротиворечивости предлагаемой концепции общего генезиса культуры.

81

2.2. Морфогенез культурных систем с эколого-генетическим типом ориентаций

Исследование проблемы, заключенной в названии этого раздела, представляет собой задачу особой сложности. Источниками эмпирических знаний о культуре эпохи первобытности для нас в основном являются археология и этнография. Однако археологические данные о древнейшем прошлом человечества фрагментарны, построены в основном на единичных находках (что не гарантирует их типичности, столь необходимой для культурологического анализа), часто являются лишь гипотетическими реконструкциями каких-то явлений, производимых на основании прямых, а то и косвенных «следов» тех или иных феноменов и т.п. Это, конечно, не умаляет ценности труда археологов, но и не дает уверенности в должной достоверности (или, по крайней мере, типичности) тех фактов, на которые нам приходится опираться в своем исследовании²⁴.

В отличие от археологов специалисты-этнографы в своих исследованиях архаических форм бытия имеют дело с непосредственно наблюдаемым «живым материалом» — сообществами, чьи технологии жизнедеятельности схожи с теми, что определяются археологами как верхнепалеолитические, мезолитические, неолитические и раннеметаллические, а также с архаическими компонентами, поныне сохраняющимися в культурах сообществ более высокой стадии развития. Разумеется, этнографические данные гораздо более полны, комплексны, доказательны, чем археологические. Однако до сих пор еще никем не доказано, что, скажем, традиционная культура современных австралийских аборигенов, в некоторых чертах действительно схожая с представлениями археологов о верхнепалеолитических реалиях, тождественна этим реалиям в целом и может служить их корректным репрезентатом. Конечно, очень убедительными выглядят постоянные совпадения выводов археологических и этнографических исследований, корреляция данных, полученных с помощью разных научных методов. Но не будем забывать, что археологи и этнографы очень хорошо знакомы с трудами друг друга и постоянно аргументируют достоверность своих гипотетических реконструкций ссылками на данные смежной науки; т.е. здесь может иметь место и эффект устойчивой «взаимоподпитки» фантазий (разумеется, ненамеренных) специалистов обоих направлений.

Тем не менее, все эти соображения не дают нам права сомневаться в научной добросовестности как археологов, так и этнографов, в том, что даже фрагментарная информация о прошлом отражает несомненные исторические реалии (пусть даже и нетипичные), что фактологические совпадения данных археологической и этнографической наук не случайны (они слишком многочисленны и очевидны, чтобы быть результатом одних лишь «фантазий») и т.п. Поэтому экстраполяции этнографических описаний в глубокую архаику представляются нам вполне допустимыми, хотя и репрезентирующими лишь некоторые *возможные* случаи древних реалий, разброс вариаций которых, безусловно, не исчерпывался только теми примерами, что дает нам этнография. То есть реконструируя глубокое прошлое человечества по аналогии

82

с тем, что мы наблюдаем у сохранившихся архаических сообществ наших дней, мы постоянно должны помнить о том, что жизнь первобытных коллективов, возможно, была в *том числе* и такой, но наверняка и *не только* такой.

Вместе с тем, никакой иной информации о первобытной древности у нас нет. Поэтому, учитывая все приведенные выше оговорки, мы вынуждены опираться в своих умозаключениях лишь на то, чем располагаем, т.е. главным образом на данные этнографических исследований архаических сообществ, полагая их более или менее *вероятными* репрезентатами социокультурных реалий первобытной эпохи²⁵.

Следует отметить, что этнокультурные черты архаических сообществ нашего времени отличаются довольно высоким уровнем локального своеобразия, связанного в первую очередь с различием экологических ниш их обитания. Но такого же рода локализм, даже по фрагментарным данным археологии, наблюдается и в культурах верхнепалеолитических сообществ сорокатысячелетней давности²⁶. И у нас нет никаких оснований утверждать, что уровень диахронных отличий социокультурных черт между древними и современными сообществами эколого-генетической стадии развития принципиально выходит за рамки такого же рода синхронного «разброса» локальных вариантов как в древности, так и сейчас.

Впрочем, с точки зрения целей и задач настоящего исследования, это и не столь существенно. Ведь, как уже неоднократно отмечалось, различные сообщества проходят разные стадии своей социокультурной истории отнюдь не синхронно. Так что для нас по существу не принципиально, на каком эмпирическом материале вести свой анализ эколого-генетического типа культуры: сорокатысячелетней давности или современном. При всем возможном отличии тех или иных конкретных черт, базовые парадигмальные универсалии культуры сообществ этой стадии

исторического развития остаются в целом неизменными, поскольку эти сообщества, по нашему мнению, своими приемами жизнедеятельности решают примерно один и тот же тип социальных задач. Если попытаться построить модель морфогенеза культурных черт, характерных для этапа биологического становления вида хомо сапиенс, следует допустить, что существенная часть норм и стандартов жизнедеятельности, форм самоорганизации и коммуникации палеолитических антропоидов и кроманьонцев является схожей с их животными предками²⁷. Именно поэтому завоевавшая прочные позиции в мировой науке дефиниция, определяющая культуру как «внебиологически обретенную... совокупность способов деятельности»²⁸, в применении только к человеку представляется устаревшей. Практически все виды животных ведут коллективный образ жизни и обладают нормами социальной регуляции поведения (брачных отношений, совместного добывания пропитания и обороны, отношений господства и подчинения, ритуализированных форм поведения и т.п.), а также технологиями обмена информацией. Другое дело, что современные этологи еще не в состоянии с должной уверенностью определить, какие из этих свойств социализации наследуются генетически, а какие транслируются от поколения к поколению методом научения²⁹. И если согласиться со второй частью

83

цитированного определения культуры как феномена «внебиологически наследуемого» (что представляется вполне обоснованным признаком культуры), то и этот критерий не является исключительно человеческим, принципиально отделяющим культуру хомо сапиенс от «докультурного» поведения животных.

Поскольку социальность, т.е. саморегулируемая коллективность бытия, судя по всему, является имманентным свойством существования любой живой материи на Земле³⁰, то и культура, т.е. нормирования и стандартизация форм этой коллективной жизнедеятельности, несомненно, может быть определена как такое же ее имманентное свойство³¹. Другое дело, что у разных видов наблюдаются разные качественные состояния таких форм. И здесь можно гипотетически выделить целый ряд порогов, за которыми наблюдается их радикальное качественное различие: на переходе от одноклеточных к многоклеточным формам жизни, от низших животных к высшим, от приматов к человеку. Но сущность этой витальной функции остается неизменной.

Таким образом, мы приходим к несколько парадоксальной, может быть, гипотезе о том, что вопрос о начале морфогенеза человеческой культуры в принципе некорректен. Никакого начала не было. Скорее целесообразно предположить постепенную трансформацию норм и стандартов жизнедеятельности по мере формирования в отряде приматов семейства гоминид, а в недрах последнего — вида хомо сапиенс. Пороговая граница, разделяющая дочеловеческую и собственно человеческую культуры, представляла собой исторический отрезок времени длиной по меньшей мере в несколько сотен тысячелетий. Пожалуй, в научно-операционных интересах временной диапазон этого «пограничья» можно условно сузить до эпохи среднего палеолита (10—40 тыс. лет тому назад, археологическая культура мустье, преобладающий вид антропоидов — неандертальцы), когда к распространенной среди всего животного мира нормативности поведенческих форм добавилась более или менее выраженная стандартизация выделки орудий труда — каменных рубил³². Впрочем, с эпохой неандертальцев были связаны и некоторые другие «пороговые» явления культурогенеза, например зарождение религии и пр.

Смысл бытия сообществ, находящихся на эколого-генетической стадии культурной истории, еще мало отличается от популяционных инстинктов животных: биологическое выживание в среде путем наиболее полной адаптации к ней, а на позднем этапе стадии — через постепенный переход к искусственному адаптированию некоторых элементов среды к своим потребностям³³. В основе миропредставлений людей этой эпохи, по мнению этнографов, лежит принцип натуроцентризма, апеллирующий к «правильному» состоянию природы, важнейшим элементом которой, разумеется, является существование собственной популяции (рода)³⁴. Однако способ осуществления жизнедеятельности ранними человеческими сообществами уже существенно отличается от животного, во-первых, за счет развития и неуклонного повышения значимости орудийной деятельности (включая деятельность по производству самих орудий труда) и, во-вторых, за счет принципиально более высокого уровня рефлексии людьми самих себя и обстоятельств собст-

84

венного бытия. А это в свою очередь обеспечило совершенно иной уровень эффективности социальной самоорганизации, регулирования социальных отношений и коллективной деятельности, а также осуществления информационных обменов.

По всей видимости, этап морфогенеза эколого-генетических культур в основном пришелся на периоды нижнего и среднего палеолита. Особенно важным в этом отношении был средний палеолит (эпоха неандертальцев), когда, судя по всему, и формировалась первичная родовая организация³⁵, появились первые признаки религии³⁶ и черты стандартизации в технологиях обработки камня³⁷.

Возможно, именно на этом этапе произошел и качественный скачок в формировании языка³⁸. В верхнем палеолите — времени складывания людей современного вида — морфогенез этой культуры, как представляется, в основном уже закончился, сформировались ее устойчивые стадиальные черты, появились первые образцы художественной рефлексии уже сложившейся системы образов идентичности древних обществ. Дальнейшая эволюция описанных характеристик шла уже по линии их усложнения и совершенствования, а в последующем — и социальной трансформации при преобразовании родовых ячеек в патриархально-семейные, однако принципиальные сущностные параметры этой культуры оставались более или менее неизменными вплоть до завершения «неолитической революции» и начала складывания ранних городских цивилизаций, т.е. культуры историко-идеологического типа.

Основные характеристики культуры эколого-генетического типа в большинстве своих черт могут быть реконструированы лишь с большей или меньшей долей вероятности, поскольку эта эпоха не оставила нам письменных памятников, излагающих взгляды и суждения людей того времени.

Вместе с тем, работы по «дешифровке» семантики наиболее «говорящих» палеолитических памятников (наскальных рисунков, резной и лепной пластики, построек, орнаментики и т.п.) позволяют прийти к выводу о том, что между комплексами социокультурных паттернов верхнего палеолита и неолитической эпохи наблюдаются черты несомненной преемственности, и эти более ранние паттерны можно рассматривать как эмбриональные варианты культурных форм поздней первобытности³⁹.

Современные, еще во многом гипотетические представления о характеристиках культуры эколого-генетического типа в основном могут быть суммированы в следующем:

1. Социальные функции культурных норм и стандартов ориентированы главным образом на физиологическое выживание в среде популяционных коллективов путем их адаптации к природным условиям существования, на прямое биологическое воспроизводство собственной общины.

2. Практический опыт палеолитического бытия определяет наибольшие шансы на выживание наиболее сплоченным коллективам с максимально жесткой дисциплиной и организованностью групповой по преимуществу деятельности. Содержательно это опыт взаимоотношений именно с природой и лишь в небольшой степени — с другими

85

коллективами (судя по совершенно незначительной диффузии культурных форм).

3. Исследование систем ценностных ориентаций людей в сохранившихся архаических сообществах показывает, что во главе угла находятся главным образом популяционные интересы — сохранение рода — и отсюда особый культ брачных отношений, детородной тематики, вопросов происхождения рода и его предков, локальных норм и стандартов его жизнедеятельности как единственно «правильных» форм бытия и т.п.⁴⁰ Эту систему в целом можно обозначить как генетико-родовую, где «правильно» все, что ведет свой генезис от данного рода и способствует его биологическому самосохранению⁴¹.

4. Картины мира в основном детерминируются обрисованной генетико-родовой системой ценностных ориентаций. Представления о мире, по-видимому, ограничиваются по преимуществу зоной обитания собственного коллектива и его непосредственными интересами⁴². Иные коллективы людей, их территории и интересы, судя по всему, не воспринимаются как нечто, подобное собственному, а скорее как явления дикой природы⁴³. Предполагается, что аксиологические представления почти целиком строятся на антитезе «наше — не наше»⁴⁴. Миропредставления в целом принято характеризовать как весьма синкретичные, где рациональное и внерациональное почти не различаются⁴⁵. Вместе с тем, наблюдения показывают, что рациональные знания людей этих сообществ весьма эмпиричны, довольно обширны, но тенденции к их теоретическому обобщению и абстрактной категоризации минимальны. Религиозные представления, по данным этнографии, замкнуты по преимуществу на тематику духов-прародителей и регламентацию брачных отношений, т.е. на проблемы происхождения и продолжения рода; прошлое предельно сакрализировано⁴⁶. Пространственное самоопределение в основном ограничено зоной кормления, временное — мистическим преодолением феномена смерти, попытками выразить линейное время в качестве наблюдаемого отрезка циклического времени (хотя у разных сообществ наблюдается значительный разброс в уровнях отрефлексированности этих вопросов)⁴⁷. На этом по существу и строятся гипотезы о религиозных воззрениях, характерных для этого периода, и их взаимосвязи с возобновлением жизни через деторождение.

В образе жизни как совокупности форм практической жизнедеятельности обычно выделяются такие черты, как:

— коллективное по преимуществу осуществление большинства видов деятельности и популяционный принцип ее социальной организации;

— содержание деятельности сводится, как правило, к изъятию из окружающей среды необходимых продуктов в более или менее готовом к употреблению виде; преобразующая деятельность (изготовление орудий, строительство и пр.) имеет в основном вспомогательный характер по отношению к основной — присваивающей деятельности;

— в основе организации деятельности и социального взаимодействия лежит обычай, регулирующий по существу все нормы и стандарты поведения во всех областях жизни; его устойчивость поддерживается чрезвычайно высоким уровнем ритуализации любых поступков человека-

86

ка⁴⁸; принуждение к деятельности и соблюдению ее норм и стандартов имеет выражено внешнеэкономический характер и базируется на угрозе изгнания из сообщества;

— Е регуляции социальных отношений решающую роль играют не экономические интересы или система господства и подчинения, а по преимуществу жестко регламентированная система брачных отношений и степеней родства и обслуживающая их мифология⁴⁹; социальная стратификация общин эволюционирует от половозрастной к сравнительно сложной кровнородственной, а позднее — к патриархально-семейной;

— развитие форм деятельности крайне замедленно, исторический опыт абсолютизирован, контакты, обмен и заимствования у соседей в основном незначительны; новации порождаются и интегрируются в традиционный контекст культуры, как правило, лишь при экстраординарных стечениях обстоятельств⁵⁰;

— основной субъективный критерий эффективности деятельности заключается в «правильном», закреплённом в ритуале и его мистических обоснованиях способе ее осуществления; неканонические формы деятельности, как правило, табуированы; успех и неуспех в деятельности объясняется по преимуществу трансцендентальными причинами⁵¹;

— уровень специализированности в деятельности минимальный, элементарное разделение труда связано в основном с половозрастной дифференциацией; каждый член коллектива (или его половозрастной группы) владеет в основном всем спектром знаний и умений по всем практикуемым видам деятельности; нет серьезных различий в социальных интересах разных членов общины⁵²;

— техническая оснащенность деятельности эволюционирует от примитивных универсальных орудий до сравнительно изощренных и специализированных, но предназначенных исключительно для индивидуального ручного применения;

— дифференциации деятельности на профессиональную и обыденную фактически нет; вся деятельность по существу обыденная, хотя и отличающаяся высоким уровнем умений субъекта;

— трансляция знания непосредственная, традиционная, основанная на устном рассказе и в особенности на демонстрации личного примера; большую роль в обучении технологиям деятельности играют обрядовые акции, имеющие игровой и отчасти «репетиционный» характер; накопление знаний осуществляется главным образом в устно пересказываемых мифах⁵³.

5. Образы собственной идентичности в культуре эколого-генетического типа считаются тесно связанными с комплексом родо-генетических ценностных ориентаций, сложной системой брачных и кровнородственных отношений, в свою очередь переплетающихся с культами предков, тотемизмом, бытовой магией и т.п.⁵⁴ В большинстве изученных архаических сообществ принадлежность человека к роду воплощается в его непосредственном участии в ритуалах, воспроизводящих «единственно правильные» способы действий, унаследованные от предков (тотемов). Вместе с тем, объективная специфичность локальных культур сообществ, соседствующих в пределах одной ландшафтной зо-

87

ны, развита весьма слабо. Исследования показывают, что наглядная маркировка членов коллективов выражена в татуировках, искусственной деформации тех или иных частей тела, особенностях погребальной практики, орнаментике, архитектуре жилищ, тонкостях в обрядовой практике, типологически более или менее единообразной у всех сообществ этой стадии развития⁵⁵. В художественной практике, которую принято относить по преимуществу к религиозно-ритуальной, локальная специфичность отдельных общин выделяется, но также отличается слабой выраженностью и, как правило, не играет большой роли в субъективном этнодифференцировании⁵⁶.

6. Интерпретация своих культурных форм, по этнографическим данным, в сообществах эколого-генетического типа культуры развита весьма широко, почти не ограничена какими-либо канонами (может быть, в силу отсутствия зафиксированных канонических редакций этих форм), часто детерминирована актуальными обстоятельствами, что позволяет предполагать большую степень неопределенности, «размытости» семантических границ этих форм⁵⁷. Вместе с тем, выбор различных вариантов интерпретаций весьма узок, в первую очередь в силу единообразия личного жизненного опыта большинства интерпретаторов. Судя по всему, культурные императивы и табу мало рефлексированы людьми в причинно-следственном ракурсе, а воспринимаются в целостном, высоко

сакрализованном виде. В оценках преобладают упрощенные бинарные оппозиции⁵⁸. Появление «профессиональных» интерпретаторов — шаманов считается характерным в основном для поздних этапов развития культуры этого типа.

Следует еще раз подчеркнуть, что все эти характеристики в выраженном виде относятся в основном к периоду развитой первобытности (верхнему палеолиту, мезолиту и раннему неолиту), который — с известной долей гипотетичности — принято реконструировать на базе описанных этнографами черт культур ряда архаических сообществ Африки, Южной Америки, Австралии и Океании и их семантической «дешифровке», в соотнесении с материалами археологических раскопок в Европе и Азии, где культурные памятники верхнепалеолитической— неолитической эпох типологически имеют много общего с этнографией традиционных обществ Южного полушария. Корректность ретроспекции этих данных на еще более ранние — ниже- и среднепалеолитическую эпохи остается дискуссионной в силу чрезвычайной фрагментарности корпуса археологических памятников этого времени.

И тем не менее, сопоставление данных этологии по поведению приматов с описаниями и реконструкциями культурных паттернов верхнепалеолитического времени позволяет предположить со сравнительно высокой долей вероятности, что морфогенез этих явлений протекал в основном (хотя и не абсолютно) именно в нижнем и среднем палеолите⁵⁹.

Познавательная значимость реконструкции основных характеристик культуры эколого-генетического типа, несмотря на ее преобладающую гипотетичность, заключается в возможности составить более или менее вероятностное представление о путях и этапах трансформации социобиологических инстинктов животных по преимущественно пассивной

88

адаптации к природной среде в человеческую деятельность по активному формированию искусственной среды обитания в ее как пространственно-материальной, так и идеациональной составляющих. Важность этого этапа «антропологизации» не только физической морфологии человека, но и морфологии его деятельности, перехода от *биосоциальной* к *социокультурной парадигме* коллективного бытия, как представляется, самоочевидна.

В этом отношении эколого-генетическая стадия истории культуры, когда в социальных целях бытия архаических сообществ, по всей видимости, еще преобладает биологический инстинкт популяционного выживания в среде, а в формах практической жизнедеятельности уже появляются тенденции, несущие в себе потенциал обретения господства над средой и построения мира искусственных порядков, сравнительно автономных от природных условий, представляется исключительно важным звеном в системе наших знаний о сущности и генезисе культуры. Переходу к производящему типу хозяйствования, сложным социальным структурам и идеологическим механизмам их регулирования, безусловно, должен был предшествовать период развития и исчерпания возможностей присваивающих технологий кормления и популяционных форм и механизмов коллективного существования. Если понимать под нравственностью механизм по обузданию биологических инстинктов⁶⁰, то необходимо понять, когда и почему этот механизм заработал. Если стандартизация технологий и продуктов деятельности и взаимодействия существенно повысила их функциональную эффективность, то необходимо представить себе, что стимулировало процессы такой стандартизации. Все это и многое другое, что характеризует базовые универсалии человеческой культуры, складывалось на этапе морфогенеза эколого-генетической стадии истории культуры.

Разумеется, один лишь генетический метод исследования, стремящийся познать сущность явлений через выявление их исторических истоков, не в состоянии ответить на все вопросы теории культуры. Значительная часть культурных паттернов отличается как полифункциональностью, так и полисемантической; и их первоначальные функции и значения по ходу времени могут меняться и уже не соответствовать исходным характеристикам. Тем не менее, без попытки исследования генезиса этих явлений, их первичных функций, причин и факторов их порождения наши знания о них не могут обрести удовлетворительной полноты. Поэтому при всей условности и гипотетичности наших сегодняшних представлений о культуре эколого-генетического типа осмысление даже того немногого, что мы знаем наверняка или полагаем высоко вероятным, дает бесценный материал для построения моделей социокультурной динамики человечества как процесса локально дискретного и противоречивого, но глобально непрерывного и целостного.

Моделирование структуры и динамики генезиса и исторической изменчивости архаических культур можно охарактеризовать как один из наиболее сложных, дискуссионных (с точки зрения обоснованности и достоверности), но и наиболее эффективных методов редуцирования изучаемых культурных феноменов к их элементарным и функционально «обнаженным» проявлениям. И наконец, работа в любой из совре-

89

менных исследовательских парадигм изучения культуры — структурно-функционалистской, структуралистской, неозволюционистской, циклической, волновой и т.п. — требует хотя бы гипотетического представления об исходных характеристиках социокультурных явлений, которые подвергаются динамической трансформации по ходу истории.

2.3. Морфогенез культурных систем с историко-идеологическим типом ориентаций

Судя по всему, в сообществах с историко-идеологическим типом культуры акцент, связанный с проблемами выживания, меняется. Он постепенно перемещается с решения задач биологического (популяционного) выживания на социальное, основанное на территориально-деятельностных, социально-стратификационных и идеологических началах консолидации людей в устойчивые коллективы. Эти задачи решались в условиях гораздо более плотного заселения тех регионов Земли, где складывались подобные сообщества, нежели на предыдущем историческом этапе, в условиях интенсивных экономических, политических, идейных и иных контактов и взаимообменов между ними, а также в ходе активного вооруженного соперничества за приоритетные условия выживания и развития⁶¹. Таким образом, можно предположить, что направленность адаптационных процессов на этом историческом этапе перемещается по преимуществу в зону исторических условий существования сообществ, порожденных деятельностью самих людей и взаимоотношениями между их социальными и территориальными коллективами.

Новые задачи и обстоятельства социального бытия породили и новый тип мировоззрения — по преимуществу теоцентрический (хотя известны и отдельные исключения), основанный на абсолютизации религиозного начала во всех сферах жизни (разумеется, в самых разнообразных формах: от систематизированных религий до бытовой мистики)⁶², что по существу сводилось к сакральному обоснованию собственных приоритетов выживания — как земного, так и эсхатологического загробного воздаяния — в противовес конкурирующим обществам. Безусловно, эти характеристики не исчерпывают всего богатства содержания социального бытия этого исторического периода, который принято называть раннеклассовым (рабовладельческо-феодальным по формационной классификации), однако, как представляется, аккумулируют наиболее существенные его моменты.

Разумеется, исследование культурных систем историко-идеологического типа базируется на гораздо более достоверном, полном и комплексном эмпирическом материале, нежели наши представления об эколого-генетической культуре. Правда, подавляющая часть материальных памятников и письменных текстов этой эпохи относится к социальным субкультурам господствовавших слоев, что нередко приводит к известной аберрации исторического сознания в попытке трактовать эту элитарную субкультуру в качестве общенациональной культуры того или иного сообщества⁶³. Классический, уже упоминавшийся в на-

90

шей работе пример подобной аберрации: славянофильский миф о средневековой древнерусской культуре как якобы «общенародной», к сожалению, еще активно проповедуемый немалой частью отечественных ученых, писателей, художников и особенно церковных деятелей.

Что же касается подлинных культурных реалий жизни социальных низов раннеклассовой эпохи, то достоверных письменных свидетельств о них чрезвычайно мало, а те, что известны, в большинстве своем относятся к числу весьма поверхностных мимолетных зарисовок некоторых обычаев, нравов и стилевых черт народной культуры, выполненных сторонними наблюдателями, но почти не затрагивающих вопросов идеационального плана. Тексты, созданные самими представителями социальных низов и отражающие характерные для них черты мироощущений и представлений, по понятным причинам, науке практически неизвестны. Поэтому мы вынуждены, так же, как и в случае с культурными паттернами эколого-генетической эпохи, опираться в основном на данные археологии и этнографии, отдавая себе отчет в том, что это по преимуществу лишь гипотетические реконструкции, основанные либо на единичных находках, либо на попытках экстраполяции в прошлое содержаний и смыслов некоторых культурных памятников (в первую очередь фольклорных), имеющих несомненно давнее происхождение, но тождественность которых архаическим протообразцам остается дискуссионной.

В способе осуществления жизнедеятельности людей историко-идеологической эпохи принято выделять три основные новации в сравнении с предыдущей стадией. Во-первых, постепенно углубляющееся разделение труда и специализацию в деятельности, что в свою очередь вело к усилению социальной стратификации и обмену продуктами этой деятельности⁶⁴. Во-вторых, абсолютизацию принципа насилия как основного универсального метода достижения преследуемых целей социально доминирующими слоями сообществ; а отсюда — особый приоритет, получаемый

субъектами, средствами и способами осуществления насилия⁶⁵. И наконец, в-третьих, стремление правящих слоев к максимальной политико-религиозной идеологизации всех сторон жизни общества, выступающей (наряду с насилием) основным инструментом социальной организации и регуляции, а также главным источником образов идентичности и психологических стимулов социальной консолидации и мобилизации сообществ⁶⁶.

Разумеется, и на предшествовавшей стадии исторического развития насилие и идеологическая мотивация деятельности имели немалое распространение, особенно в предполагаемом многими исследователями «палеолитическом геноциде» — массовом истреблении более развитыми с эволюционной точки зрения видами антропоидов представителей менее развитых видов⁶⁷. Однако предполагается, что в ту пору насилие и идеология еще не являлись основными, доминирующими механизмами социального регулирования жизни человеческих общин, занимая сравнительно подчиненное место в «тени» обычая и ритуала как преимущественно конвенциональных форм регулирования социальной практики. И лишь на раннеклассовой стадии человеческой истории принуждение силой и религиозными императивами преврати-

91

лось в самостоятельный и преобладающий вид социорегулятивной деятельности, не только дополняющий обычное право, но нередко и противостоящий ему.

Тремя основными факторами, определяющими особенности историко-идеологической стадии развития культуры, считаются обретение сообществами политических форм своей самоорганизации (т.е. становление государств), формирование городов и возникновение письменности.

Государство с самого начала предстает как орган, систематизирующий и регулирующий порядок применения насилия как новой доминирующей формы утверждения актуальных ценностей, норм и стандартов общественного бытия в постоянно усложняющейся и дифференцирующейся системе форм деятельности и взаимодействия, поддержания и обеспечения процессов социального расслоения и перераспределения общественного богатства⁶⁸. Принуждение силой, по мнению многих историков, во многих областях социокультурной жизни стало преобладать над конвенциональными формами саморегуляции и придало этим процессам большую динамику и организованность, а нормам и стандартам общественной деятельности и взаимодействия большую определенность и специфичность⁶⁹. Возникновение государств подняло на новую ступень процессы этносоциальной дифференциации и консолидации человеческих сообществ, пространственную и социальную локализацию их культур, ускорило профессиональную специализацию многих отраслей социально значимой деятельности.

Формирование городов, позволившее определенной части населения частично преодолеть непосредственную зависимость от природно-климатических условий жизни, может быть квалифицировано как фактор ускорения процессов социальной стратификации и специализации ремесленно-торговой, военно-административной, религиозной и художественной деятельности. Процессы урбанизации связываются также с порождением новых черт и типов образа жизни и ценностных ориентаций, в которых критерий социальной престижности тех или иных культурных форм стал играть порой не меньшую роль в их отборе, чем фактор их утилитарной полезности и эффективности⁷⁰. Благодаря более высокой плотности населения в городах, существенно повысилась эффективность и массовость воздействия механизмов социальной регуляции поведения людей.

Возникновение письменности подняло на новый уровень возможности фиксации и трансляции текстов, определяющих нормы и стандарты деятельности и взаимодействия, заметно интенсифицировало процессы информационных обменов и образования. И хотя, как свидетельствуют исторические данные, на практике эти возможности сосредоточились в руках лишь небольшой части социально наиболее активного населения, особый авторитет письменного текста («как записано в книгах»)⁷¹ в сравнение с устным преданием постоянно манифестировался на протяжении всего раннеклассового периода истории.

В целом культурные черты историко-идеологического типа по своему происхождению и основной зоне распространения были связаны главным образом с государственно-городскими формами жизни. Их диффузия в сельскую среду отличалась замедленностью и, как правило,

92

малой эффективностью по причине несоответствия многим сторонам сельского образа жизни. Поэтому для описываемой стадии культурной истории характерно сосуществование по меньшей мере двух типов культурных доминант в недрах каждого сообщества: историко-идеологической в городах и по преимуществу эколого-генетической в деревнях. При этом можно предположить, что формы историко-идеологической городской культуры с самого своего возникновения развивались в уже социально дифференцированном виде как сочетание культурных черт элитарных и плебейских слоев, а позднее в них стали выделяться и еще более специфические подсистемы профессионально-корпоративного уровня: военная, клерикальная, буржуазная, пролетарская, торговая и т.п.

субкультуры. Таким образом, несмотря на весьма характерные универсалистские претензии многих идеологических концепций, свойственных данному типу культуры, сама социокультурная жизнь в эту эпоху была имманентно мозаичной, построенной на принципах сословного расслоения и контрастах различных социальных интересов. Начало морфогенеза культурных систем историко-идеологического типа, как представляется, отчасти совпадает с процессом разложения первобытного общества в позднем неолите и раннем металле, но главным образом лишь в тех его проявлениях, которые были связаны с отходом части населения от сельскохозяйственной деятельности и концентрацией ее в особых торгово-ремесленных и особенно в военно-административных и религиозно-храмовых поселениях. Собственно образование двух последних типов поселений и можно рассматривать как начало формирования культурных систем нового типа, доминирующие черты которых определялись в первую очередь субкультурами военно-административной и религиозной профессиональных корпораций. Их специфические социальные интересы порождали и соответствующие методы реализации этих интересов, связанные с применением насилия и стремлением к религиозно-политической детерминации по отношению к другим социокультурным группам.

Признаками завершения морфогенетического этапа становления этого типа культуры можно считать формирование канонических редакций основных нормативных текстов, определявших идейные, правовые, технологические, ценностные, структурные и функциональные параметры социальной жизни в раннеклассовых обществах: религиозных «священных книг», кодифицированных списков законов, историко-мифологических эпосов и т.п., фиксировавших уже более или менее сложившиеся комплексы локальных черт новых культур. Если наиболее ранние такого рода нормативные своды относятся еще к III тысячелетию до н.э. (древнеегипетские мифы), то наиболее поздние — к первой половине II тысячелетия уже нашей эры (тюркские литературные памятники). По отношению к ряду цивилизаций и этносов древних Средиземноморья и Востока (грекам, евреям, иранцам, индусам, китайцам), где завершение морфогенеза формирования культурных систем описываемого типа произошло сравнительно одновременно (в 8—7 вв. до н.э.), К. Ясперсом была разработана концепция «осевого времени», аргументация которой послужила весьма удачной основой для определяемого в настоящем исследовании комплекса признаков завершения

93

стадиального морфогенеза ключевых культурных черт историко-идеологического типа⁷².

Вполне корректным, как представляется, может служить и такой критерий завершения стадиального морфогенеза той или иной локальной культурной системы как появление устойчивых черт местной самобытности в произведениях искусства соответствующего сообщества. Хотя искусство в системе культуры занимает весьма особую нишу и закономерности развития художественного творчества не всегда могут быть объяснены с позиций тенденций, доминирующих в культуре в целом, есть основания полагать, что художественная рефлексия, даже будучи пропитанной известной долей утопического проектирования, всегда отражает наиболее актуальные идеи и ценности исторического момента. Хорошо известно, что новые идеи, образы, представления как явления идеальные, во многом детерминированные побуждением к поисковому конструированию *желаемых* форм и содержаний бытия, проявляются сначала в отдельных сферах специализированных областей культуры (в частности, в искусстве) и лишь в последнюю очередь интегрируются в обыденную практику как наиболее консервативный компонент культуры. И если формы художественной рефлексии обретают присущую только данному сообществу специфичность, то это свидетельствует, что актуальные для этого сообщества идеи и представления уже накопили устойчивую самобытность, достаточную для исполнения роли идентифицирующих маркеров. Тогда их символизация сигнализирует о том, что процесс активного порождения новых культурных форм и смыслов, столь характерный для морфогенетического этапа, в основном завершился (что отнюдь не исключает и последующего формогенеза культурных черт, но только сравнительно умеренного, не имеющего характера столь бурной смысло- и формотворческой экспансии) и постепенно перешел в процесс преобладающего интерпретирования уже сложившихся форм. Возможно, именно эта метаморфоза, связанная с завершением активного морфогенетического процесса, привела О. Шпенглера к выводу о перерождении «культуры» в «цивилизацию»⁷³.

Обобщающие характеристики культурных систем историко-идеологического типа можно свести в основном к становлению комплекса следующих параметров:

1. Социальные цели в обществе выражены стратифицированы. Для доминирующих социальных слоев наиболее актуальной является адаптация к складывающимся историческим условиям существования, главным образом политических, сохранение и прямое воспроизводство черт собственной идентичности, выражаемых по преимуществу в форме религиозной или политической идеологии. Низовые слои населения, напротив, по своим социальным целям более ориентированы на

экономическое выживание (нередко тождественное биологическому). В сельской местности в основном сохраняется жесткая зависимость бытия людей от экологических условий жизнедеятельности, но и там, благодаря процессам, порождаемым в рамках городской жизни, можно предположить наличие тенденции повышения роли исторических условий, определяемых экономическими и внеэкономическими отноше-

94

ниями между различными социокультурными группами, политическими событиями, религиозными установлениями и т.п.⁷⁴

2. Исторический опыт выделения и поддержания социальных страт, а также более или менее перманентного соперничества соседствующих сообществ за территории, ресурсы, политическое доминирование, приоритет тех или иных религий и т.п. обуславливает акцентуацию принципов идеологически обоснованного насилия, вооруженной экспансии, силового принуждения к труду, к исповеданию манифестируемой религиозной и политической идеологии, к социальному и национальному подчинению и пр., как комплексу наиболее эффективных методов достижения социальных целей, преследуемых представителями «высших» слоев общества. Значительное место в культуре начинают занимать универалистские идеи, религиозный и политический прозелитизм, мессианство, утопии мировых универсальных конфессий и империй. Решение социально-экономических проблем в большой мере подчинено политико-идеологическим установкам.

3. Система ценностных ориентаций, распространяемых на уровне господствующих слоев общества, построена на сакрализации политической мифологии, но в особенности на «священных текстах» исповедуемых религий. Основа системы ценностей (для большинства социальных страт) — воспроизводство традиционных сакрализованных норм и ритуалов как феноменов в первую очередь идеологических и нравственных (в противовес наивному утилитаризму первобытной обрядовой практики) и сравнительно жестко канонизированные границы их допустимых интерпретаций. В отличие от культуры предшествовавшей исторической стадии, где критерием блага выступали по преимуществу эмпирические примеры деяний «великих предков», в культуре историко-идеологического типа соответствующим критерием являются уже отрефлексируемые идеи и принципы, заложенные в «священных текстах», политических мифах и исторически сложившихся обычаях, рассматриваемые скорее как предпочитаемые общие правила, регулирующие поступки и суждения, нежели как образцы для прямого подражания⁷⁵.

4. Картины мира, представленные в наиболее показательных культурных текстах, предельно идеологизированы, базируются по преимуществу на наивно-утилитарной интерпретации идейных постулатов «священных текстов» (в этом можно усмотреть еще не изжитое наследие типа мышления, свойственного предшествовавшей эпохе, тем более, что такого рода подход к содержанию религиозных установок более всего характерен именно для сельского крестьянского населения)⁷⁶. Религиозные и политические начала почти не дифференцированы, составляя синкретическую основу социально демонстрируемого мировоззренческого комплекса с доминантой на иерархизации бытия. Рациональные знания существуют и накапливаются в основном автономно от религиозных воззрений, хотя их интерпретация, как правило, осуществляется в религиозном ключе. Символическое самоопределение в пространстве и времени также построено на представлениях об иерархизированности мира, сочетает в себе элементы рациональных и мистических представлений⁷⁷. Как правило, проблемы «посмертного бытия»

95

человека, действий «потусторонних сил» и существования «священных земель» сохраняют высокую актуальность в системах мировоззрения, дошедших до нашего времени в культурных текстах. Пространство трактуется в первую очередь с политической точки зрения как территория распространения и осуществления власти. Наряду с описываемой картиной мира, свойственной по преимуществу носителям городской культуры, в среде сельских жителей, по немногочисленным свидетельствам письменных источников и по материалам более поздних этнографических исследований, элементы этой картины мира сочетались с массой атавизмов культуры эколого-генетического типа⁷⁸.

Образы жизни в различных локальных сообществах существенно отличались своей местной спецификой, однако, обладали и целым рядом общих, антропологически инвариантных, а также стадияльно обусловленных типологических черт жизнедеятельности:

— субъекты деятельности участвуют как в индивидуальном (раб, крестьянин, ремесленник, воин, священнослужитель, администратор и пр.), так и в коллективном (семья, община, цех, армия, храмовая или монастырская община и т.п.) труде, при этом в коллективной деятельности уровень специализированности каждого участника в основном незначителен;

— содержание деятельности связано с довольно активным мироустроительством, однако стремящимся не столько интенсивно преобразовать окружающий мир (как «божественное творение»

мир не подлежит техническому улучшению), сколько экстенсивно расширить территорию, вовлекаемую в практический оборот (хозяйственный, политический, конфессиональный), и заодно принудить «неправильно» живущих на ней людей (варваров, иноверцев, еретиков и т.п.) переменить нормы и стандарты социальной и индивидуальной жизни в соответствии с установками «правильной» религиозной, политической или цивилизационной идеологии; производственная деятельность имеет товарную форму в масштабах, ограниченных ручными по преимуществу технологиями; тип хозяйствования экстенсивный; собственно экономические цели деятельности оторефлексированы слабо, богатство в большинстве случаев обретается внеэкономическим путем; социальная жизнь базируется главным образом на поддержании и воспроизводстве сословных традиций⁹⁶;

— организация деятельности и социального взаимодействия связана прежде всего внеэкономическим принуждением — силовым и идеологическим; механизмами такой организации служат чаще всего обычаи, но и во все возрастающем объеме — писанные и отчасти кодифицированные законы, установления, технологические правила;

— регуляция социальных отношений осуществляется на основе сложного синтеза законов, обычаев и весьма частого произвола со стороны власти имущих — праве сильного;

— развитие форм деятельности имеет место, но происходит очень медленно, детерминировано главным образом новыми техническими изобретениями, весьма нечастыми в силу экстенсивного характера самой деятельности; к концу стадии динамика развития несколько усиливается; внедрение инноваций в сельской среде регулируется обычаями,

96

а в городской среде — по преимуществу нормами господствующей идеологии;

— критерии эффективности деятельности вполне рациональны, хотя в объяснении причин ее успешности или неуспешности преобладают

мистические аргументы;

— уровни разделения труда и специализированности в деятельности, а также дифференцированности в социальных интересах существенно различаются в городской и сельской среде; в первом случае наблюдаются среднеспециализированные формы деятельности и высокоспецифичные социальные интересы, во втором — эта специализация и дифференциация весьма незначительны; разделение труда в большой мере связано с жесткой сословной стратификацией общества, специализации, как правило, наследуются детьми от родителей; свобода выбора сферы деятельности обычно весьма ограничена даже в господствующих слоях;

— техническая оснащенность деятельности поначалу не очень отличается от позднепервобытной эпохи; большинство орудий труда также специализировано для индивидуального ручного применения; по ходу исторического развития постепенно разрастается номенклатура коллективных, отчасти механизированных орудий и приспособлений; активно эксплуатируется труд домашних животных; ресурсообеспеченность общественного производства высокая, но используется с крайне низкой интенсивностью и эффективностью;

— разделение форм деятельности на профессиональные и обыденные имеет место по преимуществу в городской культуре и отличается сильной неравномерностью; более выражена такого рода дифференциация в сферах управленческой, культовой, интеллектуально-рефлексивной и художественной деятельности;

— трансляция знания в значительной мере продолжает базироваться на непосредственном устном общении; появление письменности в начале стадии и печатного станка в конце ее позволяет фиксировать и транслировать знание в пространстве и времени в безличной форме, однако незначительный уровень грамотности в большинстве локальных сообществ этого времени не дает подобной форме трансляции знания обрести сколь-либо массовые масштабы; существенную роль в трансляции общественно-значимых смыслов культуры, по крайней мере в городской среде, играют художественная деятельность, религия и очень медленно развивающаяся система среднего и высшего образования.

5. Образы идентичности в культурах историко-идеологического типа имеют выражение идеологизированные черты и, как правило, в значительной мере определяются конфессиональной принадлежностью членов общества. Существенную роль в самоидентификации играют также сословные структуры. Этническая идентичность развита слабо и в большинстве случаев связана с политико-идеологической. Если у «низовой» части населения, судя по этнографическим данным, образы идентичности воплощены в основном в традиционной обрядности, нормах и стандартах обыденной практической жизнедеятельности и воспроизводятся по преимуществу латентно, то у господствующих сосло-

97

вий образы идентичности в значительной мере определяются стандартами социальной

престижности и «модой» на те или иные формы ее внешнего выражения (часто имеющими интернациональный характер), воспроизводящимися, как правило, вполне осознанно и тесно переплетенными с актуальной политической и религиозной идеологией⁸⁰. В сфере профессиональной художественной практики рефлексия образов идентичности собственного общества по преимуществу связана с прямым заказом религиозных или правящих слоев.

6. Процессы интерпретации культурных форм на этой исторической стадии развития отличаются как правило довольно жесткой канонизацией допустимых границ подобной интерпретации (религиозных, этических, сословных и др.). Впрочем, здесь известны и достаточно яркие исключения, например, в буддийской культуре. Характер интерпретаций определяется главным образом преобладающими символическими системами, используемыми для выражения общезначимых представлений, доминирующими в том или ином локальном сообществе — теоцентрическими, натуоцентрическими, антропоцентрическими и т.п.

В отличие от культур эколого-генетического типа, безусловно, не лишенных черт локальной специфичности, однако детерминированных в этой специфике почти исключительно природно-хозяйственными условиями удовлетворения нужд непосредственного жизнеобеспечения родовых или территориальных общин, при весьма малой роли в этом вопросе иных факторов бытия, локальное своеобразие культур историко-идеологического типа выражено значительно больше (и даже сильнее, как представляется, чем на последующей экономико-социальной стадии). Оно определено уже не только (а порой и не столько) ландшафтными условиями того или иного региона, но в первую очередь этническим, религиозным, социально-политическим и иным своеобразием каждого сообщества, формирующегося под воздействием в первую очередь исторических обстоятельств его судьбы. Разумеется, эти исторические черты культурной локальности наиболее актуальны для городской и особенно элитарной субкультур рассматриваемых сообществ; этнографические особенности субкультуры сельского населения еще в значительной мере обусловлены экологическими императивами способа жизнедеятельности, а исторически детерминированные черты этой субкультуры складываются в процессе сложного синтеза с традиционными приемами адаптации к ландшафту.

Позволим себе высказать основанную на эмпирическом наблюдении гипотезу о том, что историко-идеологическая стадия развития культуры отличалась в целом наиболее выраженным локализмом культурной специфичности различных человеческих сообществ. Тенденция нарастания избыточности многообразных способов, форм, норм и стандартов осуществления жизнедеятельности, свойственных различным коллективам людей, именно на этом историческом этапе достигла апогея своего развития. Уже следующая стадия социально-культурной истории — экономико-социальная, как представляется, отличается определенным понижением уровня избыточности и многообразия этой ло-

98

кальной специфичности культур, усилением универалистских тенденций, причем как в этническом, так и в социальном аспектах.

Разумеется, речь не идет об абсолютной культурной специфичности и самоизоляции обществ раннеклассовой эпохи. Многие формы по преимуществу городской профессиональной культуры получили межнациональное распространение в виде религиозных учений, заимствуемых или навязываемых правовых и политических систем, продуктов престижного потребления, рациональных знаний, некоторых технологий производственной деятельности и пр., т.е. процессы культурной диффузии, особенно на уровне правящих сословий, в этот период истории имели место постоянно, включая и универалистские претензии мировых религий, империй, философских доктрин и т.п. Таким образом, мы можем говорить о росте культурного локализма скорее как о тенденции, в этот период истории выраженной сравнительно больше, чем в предшествовавший и следовавший периоды, но никоим образом не как о всеподавляющей доминанте социокультурного бытия.

Объяснение феномена этого локализма одним лишь многообразием природных условий на Земле представляется недостаточным тем более, что задача адаптации к ландшафтному многообразию была связана преимущественно с палеолитическо-неолитическим отрезком истории и в основном уже была решена в процессе перехода к производящему типу хозяйствования в период позднего неолита (что, среди прочего, и явилось одной из причин начала морфогенеза культуры нового историко-идеологического типа).

Судя по всему, начиная с эпох позднего неолита и раннего металла, перед человеческими общинами в качестве основной встала проблема самоопределения по отношению к другим коллективам людей, завоевания или отстаивания своей территории жизнедеятельности, что нашло проявление в том числе и в процессах становления и развития черт их собственной идентичности. Незначительная плотность заселения даже наиболее благоприятных для проживания регионов Земли

в предшествующий период, видимо, не способствовала сколь-либо частым контактам и соперничеству соседствующих сообществ. Однако начиная с III тыс. до н.э., по крайней мере в Восточном Средиземноморье и в ряде районов Южной и Восточной Азии, эта проблема превратилась в весьма актуальную⁸¹.

Представляется перспективным поиск объяснения этого явления и в борьбе двух тенденций социокультурного развития: с одной стороны, универсализации норм и стандартов жизнедеятельности, реализуемой наиболее социально активными и в особенности правящими слоями тех или иных сообществ, объективно заинтересованными в упорядочении и мобилизации деятельности больших масс населения для реализации собственных интересов, целей и идей, и с другой — стихийными процессами локализации частных комплексов этих норм и стандартов в малых социальных группах, ограниченных полями непосредственного коммуницирования своих членов. Очевидно, пока массовое образование и развитие технических средств коммуникации не начали разрушать самодостаточность этих малых коммуникативных ячеек, тенденция к их самолокализации (и соответственно к постепенному повышению уров-

99

ня их специфичности) оставалась одной из ведущих в общих социокультурных процессах.

Впрочем, может быть, объяснение феномена нарастания локализации культур на рассматриваемом этапе следует искать не в процессах усиления их дифференциации (дробление крупных культурных ареалов на более мелкие локусы имело место всегда, и у нас нет оснований утверждать, что на раннеклассовом этапе истории оно было более активным, нежели в иные периоды), а в том, что в течение нескольких тысячелетий сотни народов последовательно достигли рассматриваемой стадии культурного развития, тем самым постоянно увеличивая число и уровень разнообразия локальных культур «цивилизованного» типа. А поскольку городские культуры, определяющие эту типологию, социально стратифицированные, детерминированные не столько природными условиями жизни, сколько торговыми, религиозными и военно-политическими интересами населения и его правящих слоев и т.п., по определению более динамичны в своей формальной изменчивости, пластичны, склонны к заимствованиям и пр., то и это, вкупе с ростом абсолютного числа новых подобных культур (несмотря даже на многочисленные случаи гибели, депопуляции или ассимиляции различных народов), создавало картину нарастающего культурного многообразия и локализма.

Таким образом, историко-идеологическая стадия истории культуры демонстрирует нам хронологически наиболее ранний пример ситуации, когда перед человеческими сообществами встала задача адаптации уже не столько к естественной среде обитания, сколько в мире искусственных порядков, порожденных самими же людьми. То есть это уже культура, адаптирующая не природу, а другую культуру (главным образом, внешнее социокультурное окружение), что, разумеется, потребовало выработки комплексов совершенно иных паттернов и формирования культурных систем принципиально нового типа с радикально более высоким уровнем структурной сложности. Главной социокультурной задачей, решавшейся на том этапе, как представляется, был поиск способов сосуществования различных культурных систем в условиях нарастающего масштаба контактов и противоречий между ними, так же как и аналогичных способов сосуществования разных социальных субкультур в недрах каждой культурной системы. За 4—5 тысячелетий истории культурных систем этого типа подавляющей части сообществ так и не удалось, по нашему мнению, решить эту задачу и от практики уничтожения или поглощения иных сообществ перейти к признанию их равного права на существование, хотя теория и идеология этого вопроса постоянно разрабатывались в многочисленных философских, политологических и религиозных доктринах⁸². Нерешенность этой задачи можно в числе прочего рассматривать и как одну из причин вызревания в недрах культуры историко-идеологического типа новой социокультурной парадигмы экономико-социального типа.

Разумеется, было бы крайним упрощением сводить все многообразие социокультурных процессов, протекавших на раннеклассовом этапе истории, только к одному этому, но, как представляется, проблема сосуществования разных политических, этнических, религиозных и соци-

100

альных культурных систем и подсистем оставалась ключевой в культурной динамике этой эпохи. Образно говоря, если эколого-генетическую эпоху можно охарактеризовать как «школу» сосуществования людей с природой и ее процессами, то историко-идеологическую стадию — как «школу» сосуществования людей друг с другом или — точнее — одних групп людей и их технологий жизнедеятельности с другими группами и их технологиями, а — забегая вперед — экономико-социальную стадию — как «школу» сосуществования людей со все более сложными технологиями и продуктами своей собственной жизнедеятельности.

Познавательная ценность моделирования культурных систем историко-идеологической стадии развития видится, во-первых, в том, что существенная часть культурных паттернов и социальных технологий, сложившихся в ту эпоху, еще сохраняет свою регулятивную актуальность и на

современном этапе истории, постепенно модернизируясь применительно к новым условиям бытия и новым парадигмам и структурам социокультурного существования. Именно в недрах историко-идеологического этапа культурной истории заложены истоки и первоначальные смыслы многих явлений современной культуры. Эта эпоха еще очень близка нам; многие элементы ее нормативно-ценностных установок еще живут в культурной памяти и традициях сообществ, перешедших к последующей экономико-социальной стадии культурного бытия, в отличие от в основном забытых и, как правило, лишь латентно проявляющихся «воспоминаний» о социокультурных принципах жизнедеятельности на эколого-генетическом этапе культурной истории. Разумеется, значительная часть культурных форм историко-идеологического типа также утратила свою социальную актуальность и забыта или сохраняется в качестве историко-культурных памятников, оцениваемых главным образом по мемориальным или эстетическим критериям.

Во-вторых, исторический опыт нескольких тысячелетий взаимодействия различных этнических, политических, конфессиональных и социальных культурных систем остается весьма актуальным и для современной социокультурной ситуации. Не будем забывать, что большинство существующих ныне этносов, конфессий, государств либо ведут свою непосредственную историю из эпохи историко-идеологического типа культуры (т.е. определенно идентифицируют себя с соответствующими сообществами той эпохи), либо еще не вышло за ее пределы (например, почти весь мусульманский мир), а некоторые осуществляют переход от историко-идеологической к экономико-социальной стадии в настоящее время (к примеру, Китай). Таким образом, культурные системы историко-идеологического типа являются не только вчерашним, но и одним из сегодняшних вариантов социокультурного бытия человеческих сообществ, что делает исследование этого типа культуры и, в частности, его морфогенеза предметом насущной необходимости, не менее актуальным, нежели анализ культурных черт современных модернизированных сообществ с экономико-социальным типом культуры.

И наконец, в-третьих, моделирование структуры и динамики процессов генезиса морфологии культурных черт историко-идеологического

101

типа имеет ценность еще и чисто теоретическую. Хотя полнота и достоверность таких моделей, безусловно, ниже, чем у такого же рода моделей культурных систем экономико-социального типа, однако, последние нуждаются в сопоставлении с одноуровневыми феноменами (по крайней мере, ради выявления каких-то технологических универсалий в генезисе и динамике изменчивости культурных систем разных эпох), и совершенно очевидно, что таким объектом сравнения в первую очередь должны стать модели культурных систем ближайшего к нам хронологически историко-идеологического типа, более достоверные и функционально близкие современности, нежели высоко гипотетические модели культурных явлений первобытной древности.

2.4. Морфогенез культурных систем с экономико-социальным типом ориентаций

Культурные системы экономико-социального типа — это уже в основном явления нашего времени. Их порождение в наиболее динамичных сообществах Западной Европы связано с эпохой позднего средневековья, Ренессанса и постренессансного времени, в иных странах Европы и Америки они складывались в течение XVIII — первой половины XX в., у некоторых азиатских народов — по преимуществу в течение XX в. и особенно его второй половины.

Изучение социокультурных черт подобных сообществ во многих отношениях отличается от моделирования двух предшествовавших культурно-исторических эпох. Это связано с тем, что, во-первых, в отличие от постоянного недостатка достоверной, полной и комплексной информации о явлениях, событиях и особенно взглядах людей глубокой древности, информационная обеспеченность исследований культуры последних двух-трех веков во много раз выше и качественнее. Последнее обусловлено развитием массовой грамотности, социальных и гуманитарных наук, журналистики и средств массовой информации, библиотечного и архивного дела, эпистолярных форм рефлексии (переписки, дневников, мемуаров и т.п.), а также, как правило, высокой степенью сохранности этих материалов. Это создает для исследователя весьма полную и разностороннюю картину не только технологий практической деятельности и взаимодействия, но и преобладающих представлений, суждений, интерпретаций и иных идеациональных рефлексий людей эпохи и в том числе представителей различных социальных слоев общества.

Во-вторых, значительная часть социокультурных процессов, специфичных для этой стадии и даже зародившихся еще несколько веков назад, продолжается и в настоящее время. Современный исследователь имеет возможность наблюдать их собственными глазами, опираться на сравнительно полные и систематизированные данные актуальных социологических, экономических и

политологических исследований, а также на значительные по информационному объему работы исторической, филологической, искусствоведческой, правовой и иных наук.

102

Вместе с тем, в исследовании черт культуры экономико-социального типа наблюдаются и свои специфические трудности. Столь значительная приближенность ученого к объекту своего изучения позволяет ему с должной скрупулезностью описывать и анализировать микродинамику социальных процессов в культуре, однако весьма затрудняет макроуровневое исследование ее исторической динамики. Главная сложность, как представляется, кроется здесь в том, что при подобной приближенности к объекту очень трудно охватить его целостным взглядом, в должной мере «отстраниться» от него и — главное — выстроить обоснованную иерархию уровней значимости тех или иных его компонент и процессов в общей динамике социокультурной изменчивости. И если в микроуровневом исследовании этот вопрос не всегда является первостепенно важным, и анализируемые процессы и явления нередко можно условно считать квазиравнозначимыми, то при изучении исторической динамики культуры от объективности выстроенной иерархии значимости тех или иных составляющих компонент культурной системы в огромной мере зависит логическая устойчивость всей теоретической модели и научная корректность работы в целом.

Помимо того, исследуя социокультурную динамику сегодняшнего дня, результаты которой во многом еще неясны, а представления о ее глобальных последствиях тем более гипотетичны, мы все время рискуем ошибиться в своих обобщающих выводах по поводу этих, еще не завершенных и не всегда однозначных по своей направленности процессов. Как известно, любые процессы (а тем более такие сложные, как общественные) могут привести к результатам двух типов: наиболее вероятным и закономерным, детерминированным сущностью самих этих процессов, с одной стороны, и сравнительно случайным, обусловленным нетипичным стечением обстоятельств протекания того или иного процесса, с другой. И если, анализируя явления более или менее давней истории, мы имеем дело с результатами уже завершенных процессов, что, как правило, дает возможность дифференцировать типичное от случайного (конечно, при наличии достоверной информации о достаточном числе однопорядковых явлений, позволяющем выстроить их корректную статистику), то неясность грядущих результатов многих современных процессов, трудность различения типичного и случайного в избыточном объеме анализируемой информации весьма усложняют задачи исследователя. В какой-то мере эта сложность компенсируется как синхронностью, так и несинхронностью протекания такого рода процессов в разных сообществах, что позволяет частично скорректировать некоторые элементы неопределенности, но, как представляется, радикальным образом это не решает обозначенной

проблемы.

Таким образом, резюмируя свои соображения по вопросу гносеологической эффективности историко-культурологического и социально-культурологического подходов (особенно актуального при изучении современных или исторически близких к нам культурных явлений), мы можем сказать, что, если историко-гуманитарный метод главным образом гипотетически *реконструирует имевшие место в прошлом процессы* на основании их эмпирически наблюдаемых (известных науке)

103

результатов, то социально-научный метод исследования культуры, напротив, ориентирован по преимуществу на гипотетическое *моделирование грядущих результатов* эмпирически наблюдаемых и еще не завершенных процессов культурной динамики.

Попытке применения историко-реконструктивного метода при моделировании сравнительно «неудобной» для него современной стадии социокультурной истории и посвящен этот раздел.

В основной массе репрезентативных культурных текстов обществ с экономико-социальным типом культуры можно наблюдать акцентуацию идей антропоцентризма — универсальной самодостаточности человека и необходимости обеспечения его всевозрастающим объемом и качеством социальных благ⁸³. Принцип социального блага становится преобладающим идеологическим обоснованием социально значимых событий и действий людей. Во взаимоотношениях людей с окружением в этот период складываются значимые для организации социокультурной жизни новые тенденции. Во-первых, нарастающие по экспоненте процессы экономического и научного развития общества, постепенно превращающиеся в главный фактор социальной динамики, и адаптация к которым становится наиболее актуальной задачей в социокультурной жизни сообществ. Во-вторых, процесс рационализации вовлечения в технологические цепочки и повышения эффективности использования технически доступных ресурсов (как природных, так и человеческих) для осуществления социально значимой деятельности. Последнее ведет к постепенному снижению значения сословных, национальных, религиозных и многих иных ограничений в возможностях социальной самореализации индивида, что способствует повышению эффективности в использовании его деятельностного потенциала.

В регуляции и организации социальных отношений, решении социокультурных проблем роль насилия и идеологических установок постепенно понижается⁸⁴. Все большую действенность обретают механизмы экономической выгоды, определяющие доступность тех или иных социальных благ, принципы «стоимость-эффективность» и т.п. В сфере социальной регуляции предпочтение начинает отдаваться идеям договора, конвенции, соглашения, одним из наиболее характерных выражений которых является демократическая форма осуществления социального взаимодействия, особенно в рамках институциональных организаций⁸⁵.

Главной предпосылкой этого структурного социокультурного изменения можно считать исчерпанность экстенсивного пути развития общества, ориентированного на территориальную экспансию по преимуществу через вовлечение в экономический, политический и социальный оборот все новых территорий и их аборигенного населения. Использование экспансионистскими сообществами природных и человеческих ресурсов колонизируемых или иным образом вовлекаемых в зону их интересов территорий постепенно начало терять эффективность в качестве источника средств развития социальной интеграции и организации. Рост популяции, усложнение социально-политических и экономико-технологических процессов обусловили интенсификацию многих сторон социальной жизни, стимуляцию непрерывной модернизации производственных и социальных технологий и инструментария, меха-

104

низмов распределения и потребления социальных благ, комплексов норм и стандартов, регулирующих наиболее общезначимые области социокультурной жизни. Такой тип социальных ориентаций постепенно превратился в самоцель существования некоторых наиболее развитых обществ, в первую очередь европейских⁸⁶.

Одной из важнейших форм интенсификации и модернизации системы общественного разделения труда становится процесс обучения и переобучения субъектов деятельности и взаимодействия. Просветительские идеи знания как основного инструмента рационального переустройства мира получают характерное воплощение в доктрине перманентного повышения профессиональной квалификации работников, стоящей в одном ряду с тенденцией такого же непрерывного обновления технологий, инструментария и потребительских параметров продуктов социальной и в том числе производственной деятельности.

Существенным фактором, способствующим реализации этих тенденций, стало резкое усиление процессов урбанизации, превращение городского образа жизни, городского типа культуры, городского комплекса социальных притязаний и т.п. не только в наиболее престижную, но и в практически преобладающую форму социального бытия, охватывающую абсолютное большинство населения развитых сообществ.

Особое место в рассматриваемых культурных системах нового типа заняла проблема социального блага во всем многообразии ее выражений: от классовой борьбы и социальных революций, манифестирующих более справедливое перераспределение социальных благ, до идей классового компромисса, общественного договора, социального государства и иных механизмов компенсации естественной неравномерности в распределении этих благ; от аскезы общественного подвижничества до гедонизма общества массового потребления; от коммунистических и коммуналистических крайностей обобществления социальных благ до либералистских крайностей их полной приватизации и т.п. В конечном счете дискуссия по поводу оптимальных способов производства, распределения и потребления социальных благ сопровождала политические процессы, определившие историю большей части человечества в XX в.

Морфогенез культуры этого стадийного типа, разумеется, не имел какого-либо формально фиксируемого начала. Понимание или предчувствование необходимости модернизации существующих норм и стандартов деятельности и социального взаимодействия вызревали постепенно. Если говорить о Европе как основном центре формирования культурных систем экономико-социального типа, то условным началом их морфогенеза можно считать первые коммунальные революции в европейских городах XII—XIII вв., ставшие импульсом для развития напряжений и конфликтов между высшими и низшими социальными слоями⁸⁷. На идеациональном уровне прослеживается цепь последовательных изменений от философии схоластики и «нового благочестия» XIII—XIV вв. к ренессансному гуманистическому антропоцентризму XV — начала XVI в., затем к Реформации и первым буржуазным революциям XVI—XVII вв. и, наконец, к эпохе Просвещения XVIII в. — пе-

105

риоду, когда культурные системы нового типа в основном сформировались в главных своих характеристиках. Пожалуй, наиболее показательными нормативными документами, заключающими этап морфогенеза экономико-социальных культурных систем и по сей день выступающими в роли своеобразного эталона, можно признать Американскую конституцию 1787 г. и Гражданский кодекс

Наполеона 1804 г., кодифицировавшие базовые идейные установки этой новой стадии социокультурной динамики. В дальнейшем она проходила и продолжается поныне уже в рамках сложившейся принципиальной типологии норм и стандартов социокультурной жизни Нового времени.

Среди основных стадийальных признаков культуры экономико-социального типа можно перечислить следующие:

1. Социальные цели общественных слоев, определяющих преобладающую направленность динамики социокультурной жизни, связываются с непрерывно нарастающим темпом экономического и научно-технического развития, превратившегося в доминирующий фактор жизни некоторых сообществ. Адаптация к этому самодовлеющему синергетическому процессу ведет к разрастающемуся потреблению социальных благ, расширенное воспроизводство которых определяет официальную идеологию в большинстве развитых и развивающихся сообществ и манифестируется как самоцель их бытия⁸⁸.

2. Исторический опыт нескольких веков развития культуры этого типа свидетельствует о наибольшей эффективности осуществления социокультурных изменений на основе принципа свободного предпринимательства⁸⁹. Отсюда на идеологическом уровне — абсолютизация идей личной заинтересованности и ответственности каждого за успех своей деятельности⁹⁰, максимальной свободы индивида в выборе пути самореализации, ограниченной лишь принципом «не навреди другому», стремления (в идеале) ограничить применение насилия только «оборонительными» задачами защиты интересов общества, а задачи «наступательные» по достижению желаемых целей решать по возможности ненасильственными методами, предпочтения (также в идеале) конвенционального решения проблем силовому и в связи с этим представительных форм правления авторитарным⁹¹. Разумеется, речь идет только о теоретических выводах, касающихся обозначившихся устойчивых тенденций в развитых сообществах. На практике эпоха началась и постоянно сопровождалась крупномасштабными и локальными проявлениями агрессии и насилия (континентальные и мировые войны, революции, колониальная экспансия, терроризм и т.п.), что лишь свидетельствует о крайне сложном и непрямом пути поиска новых политических, социально-экономических и идеологических парадигм социального существования. Более того, неоднократные попытки преодоления кризиса экстенсивной формы социокультурной жизни осуществлялись не только через поиск новых технологий и принципов деятельности и взаимодействия, но и через попытки механической интенсификации приемов предшествовавшей эпохи, на базе прежних технологий, приводившие порой к временному экономическому успеху, но совершенно неприемлемым социальным результатам и кризисам. Скажем, фашизм, как пример архаичных социальных технологий управления массами.

106

Однако объективные процессы экономического развития, постепенно превратившегося в основное содержание общественного бытия, шаг за шагом диктовали необходимость модернизационных изменений во всех иных областях культуры — политической, правовой, образовательной и пр. В течение XVIII — первой половины XIX в. эта необходимость подверглась обстоятельной рефлексии на теоретическом уровне, а с середины XIX в. постепенно начала реализовываться и на практике.

3. Ценностные ориентации доминирующих социальных групп этой стадии историко-культурного процесса отличаются в своей динамике такой же непоследовательностью, постоянными рецидивами воспроизводства архаичных, лишь формально модернизированных мифологических конструктов (теории «классовой борьбы», «перманентной революции», «крови и почвы», «апартеида», «религиозного фундаментализма» и т.п.), парадоксально переплетающимися с подлинно «нововременными» парадигмами антропоцентризма, «общественного договора», гражданского общества, космополитизма, социальной модернизации и пр. Одновременно нарастающие в своем влиянии идеи самодостаточности человеческой личности, ее права на любые формы социальной самореализации неизбежно входят в противоречие с фундаментальными принципами культуры как механизма согласования и регулирования форм коллективной жизни. Поиск выхода из этого противоречия ведет к формированию и изменению технологий социальных действий и взаимодействия.

На смену доминировавшей в предшествовавшем историко-идеологическом типе культурных систем аксиологии традиционализма, основанной на принципах «правильного» исполнения религиозных установлений и социальных обязанностей, на прямом и как можно более точном воспроизводстве унаследованных из прошлого норм и стандартов технологий и результатов любой деятельности, реализуемой путем аккумуляции энергетического потенциала большой физической массы более или менее унифицированных социокультурных субъектов, пришли новые ценностные установки. В основе их лежат принципы *либерализма* (т.е. институционализированного в

правовой системе индивидуализма), *конвенционализма* (принятия решений на основе компромисса всех заинтересованных сторон), *профессионализма* (индивидуальной квалификации как главного критерия «полезности» каждого субъекта деятельности) и *прогрессизма* (перманентной модернизации в любых областях жизни). Все это оправдывало смещение акцента в осуществлении социальных действий или взаимодействия на интенсификацию использования наиболее активными членами общества своего интеллектуально-деятельностного потенциала в первую очередь в собственных интересах, но манифестируемых как источник общего социального развития. Это представляется принципиально новой парадигмой социальной организации в сравнение с предшествовавшими эпохами.

Четыре названных принципа, составляющих основу аксиологии экономико-социального типа культурных систем, наряду с принципом *гуманизма* в конечном счете исходят из фундаментальной идеи **антропоцентризма** и воплощаются в практике расширенного

107

воспроизводства социальных благ и стремления к немедленному удовлетворению любых социальных интересов и потребностей каждой личности как основной целевой установки общественной жизни⁹².

4. Картина мира в рамках этой культурной парадигмы строится по преимуществу на рациональном научном знании о природе самого человека и окружающем его мире. В отличие от высоко стабильных и синкретичных картин мира предшествовавших эпох, на этой стадии исторического процесса мировоззрение, характерное для индустриальных и постиндустриальных культурных систем, динамизируется по мере изменений в научном знании и политической конъюнктуре. Оно также отличается высокой степенью дифференцированности своих составляющих — тех или иных знаний и представлений о существующем бытии, нередко настолько автономных друг от друга по своему генезису и исходным допущениям, что объединение их в целостный «образ мира» порой представляется весьма проблематичным. Религиозные и мифологические компоненты картины мира, как правило, сосуществуют в общественном сознании с рациональным знанием, с большей или меньшей гибкостью адаптируясь к научным реалиям, что еще больше усложняет мозаичность картин мира, характерных для этой эпохи.

Доминирующую роль в формировании картин мира играют образование, а в последние два века и средства массовой информации. Эти каналы трансляции социально значимого опыта сегодня успешно конкурируют с процессами домашнего воспитания и влиянием непосредственного социального окружения на личность, утратившими свое абсолютное преобладание, характерное для предшествовавшей эпохи. Всеобщая доступность по меньшей мере неполного среднего образования и тем более средств массовой информации, наряду с процессами трансформации структуры общества из сословно-классовой в более сложную способствуют умножению разнородных картин мира на уровне социальных страт, составляющих современные общества.

Утрата или понижение значимости религиозного начала в мировоззрении существенной части населения ведут к актуализации вопроса о месте человека в мироздании. Многообразные научные и антинаучные ответы на этот вопрос, удовлетворяя одних людей, вызывают неудовлетворенность других, что не в последнюю очередь способствует мировоззренческой неопределенности и неустойчивости социальной самоидентификации членов различных слоев общества (в первую очередь малообразованных, но отчасти и сравнительно хорошо образованных людей). В целом складывается впечатление, что общественные идеологии еще не вполне адаптировались к мировоззренческому плюрализму и порождаемой им (наряду с другими причинами) усложненной картине мира.

Образ жизни членов сообществ с экономико-социальным типом культурных систем, в отличие от высокоспецифичных локальных образов жизни членов сообществ предыдущего типа, напротив, имеет тенденцию к известной унификации многих стадийальных черт как у народов, живущих в разных регионах Земли, так и у различных социальных страт, прежде разделенных заметно отличающимися сословными социокультурными нормами. По-видимому, это связано с резко возрос-

108

шей интенсивностью международной и межкультурной коммуникации, развитием массовых форм культуры, почти не сдерживаемых сословными перегородками, разделяющими ее потребителей, но также и с тем, что главным детерминирующим фактором этого образа жизни стали не уникальные природно-исторические условия жизни каждого локального сообщества, а сравнительно однотипные процессы экономического развития, диктующие и соответствующие стандарты потребления, престижности, форм организации повседневной жизни и т.п.⁹³

В целом среди наиболее характерных черт образа жизни членов сообществ этого типа можно выделить следующие:

— субъект общественного разделения труда действует как в индивидуальной форме — в сферах,

требующих наивысшей профессиональной квалификации (вплоть до уникальной), так и в коллективной — в сферах деятельности, допускающих среднюю и низкую квалификацию работников; вместе с тем, процессы урбанизации резко повышают численность и социальную значимость маргинальных слоев, не без труда инкорпорируемых в системы общественного разделения труда и локальной стратификации; то же самое можно сказать и о массах «внешнего пролетариата» — иммигрантах, беженцах, иностранных рабочих и т.п., постоянно пополняющих эту маргинальную прослойку⁹⁴;

— содержание деятельности в системе общественного разделения труда нацелено на интенсивное использование материальных, энергетических, информационных и интеллектуальных ресурсов ради непрерывно расширяющегося процесса производства социальных благ (что характерно — хорошо отрефлексированного в своей онтологии); подавляющее большинство видов деятельности в рамках этой системы ориентировано на товарное производство; тип деятельности интенсивный, построенный на непрерывной модернизации технологий, технического обеспечения и номенклатуры продукции (разумеется, на ранних этапах стадии динамика этой модернизации была существенно ниже современной, лишь постепенно набирая инерцию самообновления, ставшую ныне доминирующей); богатство достигается главным образом в результате успешного применения современных технологий деятельности и взаимодействия и именно в этом случае получает наибольшую социальную легитимность⁹⁵;

— организация деятельности и «принуждение к труду» базируются по преимуществу на стимулах экономической выгоды, доступности тех или иных социальных благ и социальной самореализации отдельной личности; постепенно все более важную роль начинают играть рациональные, в первую очередь научные методы исследования и организации деятельности;

— регуляция социальных отношений во все большей мере начинает базироваться на писаном праве, постепенно усваиваемом большинством членов общества и отчасти вытесняющем традиционные нормы обыденной морали и нравственности; существенную роль в сфере регуляции социального поведения начинает играть и художественная культура, особенно с началом массового тиражирования и потребления ее произведений; роль силового принуждения в идеале ограничена «самообороной» общества от антисоциальных проявлений и агрессивных ре-

109

цидивов самоутверждения норм прежнего типа социокультурного бытия, сохраняющих привлекательность для некоторой части людей своей кажущейся «простотой» в решении назревших проблем; тем не менее, чисто правовые методы социальной регуляции постепенно занимают преобладающее место в организации общественной жизни:

— развитие форм и видов деятельности в системе общественного разделения труда имеет выраженно интенсивный характер, и его динамика усиливается от поколения к поколению; совершенствование технического парка производственной сферы ведет к углубляющемуся разрыву между высококвалифицированным и низкоквалифицированным трудом со всеми вытекающими из этого социальными последствиями (маргинализацией части общества и т.п.); инновационность фигурирует как главный принцип и главное условие успешности в целедостижении⁹⁶;

— критерии оценки эффективности социально значимой деятельности по преимуществу рациональны, в большой мере опираются на экономические показатели (принцип «стоимость-эффективность»), постепенно повышается роль критериев социальной эффективности (углубление социализации личности, повышение ее материального благосостояния и пр.); одним из важнейших критериев является уровень новационности;

— уровень специализированности в деятельности высокий и продолжает непрерывно повышаться; наибольшая специализация наблюдается в науке и наукоемких областях деятельности, наименьшая — в сельском хозяйстве и некоторых областях бытового обслуживания;

— техническая оснащенность деятельности непрерывно растет, постепенно переходя от орудий и оборудования с ручной и животной энергетикой к средствам, основанным на тепловой, а затем и на электроэнергетике; средства с механическим приводом вытесняются системами с электронной и иными сложными типами трансмиссии, в последние десятилетия особую роль начинают играть системы с информационными технологиями управления; столь же интенсивно развиваются и средства транспорта, связи, накопления и обработки информации и пр.;

— разделение форм деятельности на профессиональные и обыденные достигло высокого уровня, причем профессиональная деятельность получила полное преобладание в абсолютном большинстве сфер социального и личного бытия; соответствующим образом профессиональные культуры стали основными источниками достоверной информации, норм и стандартов деятельности, взаимодействия, поведения в развитых обществах;

— методы трансляции и накопления знания в значительной мере зависят от уровня его

специализации; наименее специализированное знание транслируется, как правило, традиционным путем — устного (непосредственного или через телекоммуникации) или печатного слова на обыденном разговорном языке, более специализированные пласты знания — на специальных профессиональных языках, с использованием всех форм коммуникации (включая и наиболее информационемкие); способы записи, обработки и хранения информации непрерывно совер-

110

шенствуются, обретая все более технически изощренный характер; заметно возрастает и роль художественной деятельности как средства образного выражения и массового тиражирования социально значимого знания, передаваемого потребителю в эмоционально окрашенном и специально психологически организованном виде (способствующем наиболее эффективному его усвоению); системы общего и специального образования (разных уровней) охватили подавляющую часть населения, приобщив его в первую очередь к активному пользованию средствами массовой информации и шире — ко всей массовой культуре текущего момента, со всеми вытекающими из этого возможностями воздействия на формирование пласта разделяемых представлений и паттернов поведения.

5. Образы идентичности обществ, где доминирует экономико-социальный тип культурных систем, первоначально формировались в русле религиозно-этической протестантской антитезы господствовавшей в позднефеодальной Европе идеологии католицизма и Священной Римской империи⁹⁷. Итогом нескольких веков религиозных конфликтов и войн между римской ортодоксией и носителями протобуржуазных тенденций развития (счет которым, возможно, следует вести от Альбигойских крестовых походов XIII в.) стал Вестфальский мир 1648 г., в котором впервые оказалась проманифестированной чисто либеральная установка (конвенция): «всякий живет по своей вере»⁹⁸. Эту сентенцию можно определить как первый опыт формулирования новой идентичности эпохи Нового времени.

В последующем, по мере укрепления государств, вступивших на новую тропу развития, в них все большую актуальность стали приобретать идеи национального политического, экономического и культурного строительства, что придало образам идентичности соответствующих сообществ выраженную этноцентрическую, национально-романтическую окраску. Теории национал-капитализма (или более или менее выраженного национального социализма, к которому, вопреки «интернационалистским» лозунгам, относился и СССР), безусловно, доминировали в идеологии самоопределения таких сообществ⁹⁹. Возможно, это этноромантическое начало играло компенсирующую роль социальной скрепы в условиях ослабления сословных и конфессиональных регуляторов социального бытия на этом этапе исторической динамики. Параллельно в течение XX в. в ряде наиболее развитых стран мира начала развиваться посткапиталистическая, глобалистская, транснациональная идеология, воплощаемая в концепциях различного оттенка: социально-политических (по преимуществу имперско-коммунистического толка), региональных политико-экономических (японская доктрина «единой крыши» времен Второй мировой войны, идеи «Соединенных Штатов Европы» и аналогичные проекты европейской интеграции), экономико-социокультурных (концепции интернационального «открытого общества», «свободного мира» и т.п.), экологических («Гринпис» и ему подобные), парарелигиозных (рериховское движение, новые «всемирные церкви» и пр.). Бурное развитие и интернационализация форм массовой культуры во второй, половине XX в. также способствует процессу универсализации черт и образов этой новой транс-

111

национальной идентичности «постиндустриальной цивилизации», совокупность параметров которой еще очень далека от сколь-либо выраженной целостности¹⁰⁰. Впрочем, неясна еще и роль социально-сословных компонентов в этой новой системе идентичности, хотя — по логике — предполагается известный рост значимости этого регулятора в условиях ослабления этнических и государственных начал самоопределения индивида.

6. Интерпретация образов собственной идентичности (т.е. совокупности институционализированных культурных форм) в сообществах с экономико-социальным типом культурных систем отличается преимущественным плюрализмом, отсутствием сколь-либо жестких канонов, за исключением разве что традиции, право исполнения или неисполнения которой отдано на более или менее свободное усмотрение индивида. В результате возникает сравнительно мозаичная картина многообразных интерпретационных вариантов, за каждым из которых признается равное право на существование (культурная ситуация постмодернизма¹⁰¹). Разумеется, в разных сообществах уровень этой плюралистичности по отношению к различным группам культурных форм не одинаков, но это не противоречит обозначенной тенденции в целом.

Существенное место в процессах воспроизводства и интерпретации культурных форм занимают нарастающие масштабы механического тиражирования многих форм, как правило, лишённого

интерпретационных претензий или задающего универсальные массовые стандарты такого рода интерпретаций, входящие в сложное взаимодействие с плюралистическими тенденциями в динамике представлений и поведения людей.

В целом в вопросах интерпретации культурных форм можно наблюдать историческую трансформацию интерпретационных тенденций от «постренессансного» исторического утопизма к национал-романтизму, затем к самодовлеющему модернизму и, наконец, к постмодернизму, где предметом интерпретаций становятся не столько онтологии, сколько рефлексии и дискурсы. Сложившаяся на предшествовавшей стадии специфическая «каста» профессиональных интерпретаторов культуры — священнослужителей, по мере их сближения с деятелями искусства, науки, философии постепенно трансформировалась в особое сословие — интеллигенцию (интеллектуалов), отстаивающих свою монополию на выполнение интерпретаторских функций и разработку соответствующих стандартов. Сложился также целый ряд гуманитарных наук, предметом которых стала интерпретация как художественных форм (эстетика, искусствоведение, литературоведение и пр.), так и поведенческих (этика, некоторые разделы социологии и психологии).

Разумеется, рассмотренные черты культурных систем экономико-социального типа далеко не исчерпывают всего их реального многообразия, но, как представляется, приведенный перечень суммирует наиболее существенные компоненты социокультурной парадигмы, определяющей специфику этой стадии истории культуры.

Моделирование процессов морфогенеза культурных систем экономико-социального типа отличается особой познавательной значимостью. Это единственный из процессов такого рода, происходивший уже

112

в письменную эпоху (морфогенез культуры историко-идеологического типа, как известно, в основном протекал в позднепервобытное, еще до-письменное время), и исследование которого может опираться на огромную источниковую базу, информативная надежность которой во много раз выше археологических и этнографических материалов (при всем нашем глубоком уважении к достижениям этих наук). Таким образом, искомые модели и схемы интересующего нас процесса (которых, разумеется, может быть множество в зависимости от избранного предмета исследования) имеют все шансы стать наиболее достоверными, аргументированными и проработанными, являя собой методические образцы для такого же рода моделирования культурных систем иных исторических стадий, а также для моделей исторической динамики отдельных локальных культурных систем.

В данном случае мы имеем возможность проследить этап за этапом, как в европейских сообществах вызревало понимание необходимости в интенсификации технологий материального производства от первых попыток решения экономических проблем путем традиционных новых территориальных захватов (Крестовые походы XI—XIII вв., экономические причины которых не следует преувеличивать, но и не стоит приуменьшать, затем Великие географические открытия XV—XVI вв. и последовавшая постепенная колонизация Америки, части Азии, позднее Африки и Австралии) к уже новационному по своей природе промышленному «перевороту» XVII в., технической «революции» XIX в. и, наконец, к новым технологиям индустриального и постиндустриального XX в. Аналогичный в принципе процесс мы можем проследить и на примере Японии, где первым результатом реформ эпохи Мэйдзи середины XIX в. было усиление тенденций военной и колониальной экспансии на континент, а после второй мировой войны — поворот к радикальной технологической модернизации, политической демократии и иным характерным для экономико-социальной культурной типологии явлениям.

Такого же рода процесс прослеживается и в динамике развития технологий социального взаимодействия и регулирования: от возрастания роли договорно-правовых начал в жизнедеятельности людей эпохи «высокого средневековья» к ломке конфессиональных и сословных ограничений в ходе Реформации и первых буржуазных революций XVI—XVII вв., просвещенческим принципам «общественного договора» и, наконец, к конвенциональным формам социальной регуляции либеральной демократии. В результате были сняты многие традиционалистские преграды перед возможностью интенсификации использования трудового и творческого потенциала индивидов в их общественно значимой деятельности.

То же самое происходит и в динамике общественного разделения труда, возрастания уровня специализированности во многих областях деятельности и взаимодействия, а также в подготовке ее субъектов. Чем более специализированным становится труд в той или иной области, тем активнее проявляется в нем модернизаторское начало и изощреннее становится подготовка субъектов этого труда. Тенденция к перманентной квалификационной переподготовке работников, их регуляр-

113

ному переучиванию на работу со все более сложными технологиями и инструментарием, возобладавшая в последние десятилетия в наиболее развитых странах, наглядно демонстрирует

общую направленность этого процесса.

Характерным примером может служить и наука, где все возрастающий объем фактический открытий и изобретений обусловлен не только ростом технической оснащенности исследований и углублением специализации в подготовке научных кадров, но и — в очень большой мере — активным развитием и умножением самих методов научного познания и их рефлексии, что может быть оценено как наиболее эффективный путь интенсификации деятельности в этой сфере.

Согласно синергетическим закономерностям, интенсификация функционирования системы связана либо с воздействием внешних причин (изменением условий этого функционирования), либо с изменением собственного структурно-иерархического строения системы¹⁰². Культурные системы экономико-социального типа, безусловно, являются намного более сложными структурно-иерархическими образованиями, чем предшествовавшие им системы историко-идеологического типа, в первую очередь по причине значительного повышения уровня специализированности большинства видов деятельности и взаимодействия в общей структуре разделения труда, а также многообразия взаимосвязей между ними. Показательно и то, что сообщества с экономико-социальным типом культуры, судя по всему, не могут быть узко специализированы (как целостности) на каком-то одном преобладающем направлении производства (как, скажем, ближневосточные страны на нефтедобыче, а тоталитарные режимы — на военном производстве и т.п.). Такого рода «монокультурность» (разумеется, относительная) неизбежно ведет к упрощению общей структуры деятельности и общественного разделения труда, так же как и тоталитарные формы правления — к упрощению социальной стратификации, взаимодействия и регуляции.

Таким образом, опыт моделирования культурных систем экономико-социального типа и сравнения их с чертами культурных систем предшествовавших стадияльных типов позволяет выделить в направленности современной социокультурной динамики такие ключевые тенденции, как: стремление к повышению уровня сложности структурно-иерархического построения систем в целом и многообразия взаимосвязей между их компонентами; общую тенденцию к универсализации функций локальных систем, сочетаемую с процессами транснационализации суперсистем по отдельным направлениям деятельности (это уже не столько международное разделение труда, сколько кооперация в определенных областях); нарастающую интенсификацию характера деятельности, определяемую углублением специализации ее видов, темпами перманентной модернизации технологий и инструментария, приоритетным развитием рационального знания и методов познания, а также масштабами осуществления образовательных процессов и квалификационной переподготовки работников; укрепление конвенционального начала в способах социальной и политической регуляции; расширение возможностей индивида по самореализации в любой области деятельности и достижении при этом искомым социальных благ; плюрализацию ми-

114
ропонимания и истолкования любых интересующих людей явлений и событий, а также ряд иных характеристик.

* * *

В заключение этой главы можно сделать следующие выводы:

1. Макродинамика исторической изменчивости культуры, как показывает опыт ее моделирования, детерминирована главным образом двумя причинами. Во-первых, так же, как и социальная микродинамика культуры, изменением природно-исторических условий существования сообществ, их взаимоотношений с окружением. Во-вторых, синергетическими процессами саморазвития систем (в данном случае социокультурных) через усложнение их структурно-иерархического построения, повышение уровня функциональной и технологической специализированности их структурных составляющих и многообразия взаимосвязей между ними, что, в конечном счете, ведет к большей функциональной универсальности этих систем и их исторической устойчивости.

2. Главным стимулирующим фактором этой динамики, как представляется, является необходимость адаптации людей в меняющихся внешних условиях их существования (первоначально преимущественно экологических, затем во все возрастающем масштабе исторических), а также в условиях, создаваемых изменением некоторых, наиболее динамично развивающихся элементов общественного производства и социального взаимодействия, обуславливающих необходимость изменения структурной организации всей системы в целом. Таким образом, историческая макродинамика культурной изменчивости по существу сводится ко все тем же процессам *адаптации, самоорганизации, самоидентификации и коммуникации* человеческих сообществ во времени и пространстве, что и социальная микродинамика, однако осуществляемым главным образом посредством переструктурирования всей культурной системы в целом в направлении повышения ее сложности и универсальности.

3. Моделирование процессов исторической изменчивости культурных систем показывает, что на

этом уровне наблюдается сочетание двух типов прохождения этих процессов. Во-первых, эволюционной или деволюционной изменчивости, модернизационной или деградиационной трансформации отдельных составляющих, форм, подсистем и т.п., проходящей по преимуществу в условиях сравнительной структурной устойчивости системы как таковой. Во-вторых, новационных, «скачкообразных» изменений общих структурно-иерархических конструкций самих локальных систем, в результате которых эти системы могут: а) принципиально повысить уровень сложности своей структурной организации и тем самым выйти на новую парадигму организации социокультурной жизни, т.е. на новую морфологию своих социокультурных черт; б) пройти через «рекомпозицию» общей структуры без сколь-либо существенного изменения уровня ее организационной сложности, что приводит к заметным переменам во внешних атрибутивных чертах большинства культурных форм при сохранении неизменной их общеморфологической типологии; и в) понизить уровень сложности и сбалансированности структуры до такой степени, что ло-

115

кальная система вступает в полосу активной деградации и сравнительно быстро погибает.

Успешный переход на новую морфологию может сопровождаться разрушением прежнего социума и формированием на его популяционной базе нового сообщества с новыми чертами локальной специфичности, т.е. по существу новой культурной системы, а может иметь место и сохранение социального единства исторического сообщества и некоторых параметров его традиционной формально-стилевой специфики в культурных формах, тем или иным образом адаптирующихся в чертах и принципах новой морфологии и структурной композиции системы в целом. При этом, конечно, значительная часть прежних культурных форм разрушается, часть паттернов сохраняет свою социальную актуальность за счет радикальной функционально-семиотической модернизации, а некоторые продолжают свое физическое существование в качестве памятников, т.е. объектов эмоциональной и интеллектуальной рефлексии людьми своего исторического прошлого.

4. Несмотря на некоторые элементы преемственности в отдельных (порой весьма многочисленных) формах, тем не менее, генезис новых морфологических черт культурных систем не может рассматриваться как результат модернизации или эволюционной трансформации их прежних морфологических характеристик. Даже при сохранении социальной целостности прежнего сообщества в ходе процесса изменения стадияльных морфологических черт его социокультурной системы новые признаки порождаются сугубо новационным путем, не развивая, а преодолевая и отрицая существующую традицию. Структурная «рекомпозиция» системы в целом, изменение уровня ее сложности и универсальности имеет радикальный, революционный характер, независимо от особенностей динамики протекания этого процесса и большей или меньшей внешней выраженности его «революционности». Морфогенез новых черт и свойств социокультурной системы, как представляется, знаменует собой разрыв в эволюционном процессе ее развития по типу модернизации и трансформации имеющих форм и свойств. Он являет собой начало формирования по существу новой социокультурной системы, построения ее на совершенно новых принципах организации и функционирования, хотя порой это может осуществляться и на прежней популяционной базе и с интеграцией некоторых форм прежней системы, путем придания им новых функционально-семиотических свойств и включением их в иные подсистемы социальной коммуникации.

5. Познавательная значимость моделирования процессов стадияльных морфогенезов культурных систем, как представляется, заключается в возможности теоретического структурирования картины исторической изменчивости общечеловеческой панкультуры в целом, более или менее четкой дифференциации процессов изменчивости по эволюционному и неэволюционному типам, выявления ключевых функциональных причин и факторов такой изменчивости и наиболее характерных рефлексий их людьми на уровне идеациональных построений, прослеживания исторических истоков порождения тех или иных морфологий культуры и т.п.

116

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование по теоретическому моделированию структуры и динамики культурогенетических процессов, как уже неоднократно отмечалось выше, никоим образом не преследовало цель их эмпирического описания. В каждом конкретном случае истории того или иного сообщества эти процессы отличались своей более или менее выраженной спецификой, обусловленной локальным сочетанием природных и исторических факторов, условий, обстоятельств. Это порождало массу нетипичных примеров явлений такого рода, которые не вписываются в «чистом виде» в предложенную нами модель или в каких-то аспектах противоречат ей и могут быть предъявлены автору его оппонентами, не согласными с его концепцией. Впрочем, нами и не ставилась задача охвата абсолютно всех теоретически возможных вариантов протекания культурогенетических процессов. Это невозможно в принципе. В этом и кроется неизбежная слабость любых теоретических конструкторов, по определению не исчерпывающих всего многообразия исторических реалий. Всякая модель отражает лишь относительное статистическое преобладание одних признаков, которые в данном случае являются объектами типологизации, над другими, которые не столь репрезентативны для данного ракурса исследования, но могут составить основу для других типологий и моделей, преследующих иные познавательные цели и построенных по иным принципам.

В конечном счете, вопрос упирается в то, **что** автор хочет познать, понять, разъяснить с помощью избранного метода. В наши задачи входило намерение, во-первых, выявить *структуру* культурогенетических процессов, т.е. классифицировать разные типы культурных новаций — формы, социальные и этнические системы, стадийные морфологические черты, а также уровни, на которых порождаются эти новые культурные явления. Во-вторых, смоделировать *динамику* их порождения: исходные стимулы и причины, виды детерминирующих факторов и характер их воздействия, этапы формирования новых явлений и способы их интеграции в действующие культурные системы, признаки завершения генетического становления и начала постгенетической изменчивости систем. И наконец, в-третьих, наметить наиболее перспективные, на наш взгляд, *пути познания сущности* (онтологии) культурогенеза как особого типа культурной изменчивости. Следует особо подчеркнуть, что цель онтологизации этого явления не стояла перед нами ни в коей мере; и если в каких-то случаях нам приходилось постулировать, что «культурогенез есть то-то», это не более, чем рабочие гипотезы, необходимые как исходные допущения для построения тео-

117

ретических моделей. Мы совершенно не претендуем на то, что вопрос о сущности культурогенеза нашел в этой работе какое-либо удовлетворительное решение, полагая это целью и предметом дальнейших исследований.

Как представляется, в результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Изучение культурогенетических процессов как в масштабах общечеловеческой панкультуры, так и на уровне конкретно-исторических локальных культурных систем и даже отдельных культурных форм представляет собой самостоятельную теоретическую и историческую научную проблему, сложность, предметная и методическая специфичность, а также познавательная значимость которой позволяют рекомендовать выделение ее в самостоятельное направление культурологической науки — *культурогенетику*.

2. Культурогенетические процессы представляют собой один из видов социальной и исторической изменчивости культуры. Они специфичны новационным характером осуществления процедур формо- и системообразования в культуре, протекающими во взаимодействии с трансформационной изменчивостью иных культурных явлений.

3. Микродинамика порождения культурных форм, их объединения в социальные и этнические системы поддается наиболее эффективному исследованию по преимуществу с позиций функционально-адаптивной модели их детерминации. Генезис отдельных культурных форм протекает в целом по модели инновационных процессов и может успешно анализироваться с позиций соответствующих теорий. Изучению макродинамики исторической изменчивости морфологических черт культурных систем, включая и проблемы их генезиса, в большей мере соответствуют подходы, сочетающие как функционально-адаптивные, так и социально-синергетические модели динамики систем.

4. Процессы порождения культурных феноменов и формирования локальных культурных систем, как правило, поддаются поэтапному рассмотрению с выделением главных функциональных задач, решаемых на том или ином этапе. При этом наиболее существенным представляется этап, на котором новая форма обретает свое нормативное значение в усваивающей ее системе, а в формирующихся новых культурных системах вырабатывается комплекс основных нормативных установлений.

Именно на этом этапе новация обретает статус культурного паттерна, а рефлексия коллективного исторического опыта преобразуется в локальную культурную систему. Поэтому при исследовании процессов генезиса тех или иных явлений культуры наибольший эффект могут дать те методы, применение которых позволит с наибольшей основательностью прорабатывать проблему становления их нормативных функций. То же самое в принципе можно сказать и об исследовании процессов формирования стадияльных морфологических черт культурных систем, где складывание корпуса нормативных текстов, как правило, аналогичным образом отмечает завершение генетического этапа становления таких систем и определяет их морфологические характеристики.

118

5. Наиболее перспективным ракурсом дальнейших исследований проблем культурогенеза представляется активное освоение культурологической наукой достижений современной синергетики, совмещение их с социологическими, психологическими, экологическими, этологическими и собственно культурологическими теориями и последующая разработка теоретических и методологических оснований и методов изучения динамики *самоорганизации* социокультурных систем. Это может явиться серьезным шагом на пути к разработке общей теории культурных процессов, в рамках которой модели культурогенетической (а по существу культурно-синергетической) динамики займут свое значимое место.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ *Мартт Н.Я.* Основные вопросы истории языка // *Мартт Н.Я.* Избранные работы. Л., 1937. Т. 4; *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М., 1971, *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978; *Леонтьев А.А.* Возникновение и первоначальное развитие языка, М, 1963; *Каган М.С.* Морфология искусства. Л., 1972; *Гирн И.* Происхождение искусства. Пг., 1923; *Асафьев Б.* Музыкальная форма как процесс, М., 1947.

² *Алексеев В.П.* Этногенез. М., 1986; *Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М., 1986; *Семенов Ю.И.* Становление человеческого общества // История первобытного общества, М., 1983. Т. 1: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза; *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 1993. Т. 2; *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1993. Т. 1.

³ *Шнирельман В.А.* Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. М., 1986. Т. II: Эпоха первобытной родовой общины; *Кабо В.Р.* Указ соч.; *Бутовская М.А., Файнберг Л.А.* У истоков человеческого общества: Поведенческие аспекты эволюции человека. М., 1993; *Флиер А.Я.* Древнейшие аспекты локальности архитектурных форм // Архитектурное наследие. М., 1992. № 39.

⁴ *Маркарян Э.С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973; *Першиц, А., Хустов Г.* К проблеме возникновения общества и культуры // Вестник истории мировой культуры. 1959. № 5; *Поршнев Б.Ф.* Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 2; *Лоренц К.* Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах // Природа. 1969. №11; *Неструх М.Ф.* Происхождение человека. М., 1970; *Hollowell A.I.* Self. Society and Culture // Culture: Man's Adaptive Dimension. L., Oxford. NY., 1968.

⁵ *Шпенглер О.* Указ соч.; *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1992.

⁶ *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991; *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1989.

⁷ *Морган Л.Г.* Древнее общество или Исследование линий человеческого прогресса через варварство к цивилизации (Антропология). СПб., 1882; *Он же.* Первобытная культура. М., 1989; *Spenser G.* The Principles of Sociology. L., 1896.

⁸ *Sahlins M.D.* Evolution: specific and general. Ann Arbor, 1960; *Steward J.H.* Evolutionary Principles and Social Types. In: Evolution after Darwin. Vol 2. Chicago, 1960, *Idem.* Theory of Culture Change. The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana, 1955; *Harris M.* The Rise of Anthropological Theory. N.Y., 1969; *White LA.* The Science of Culture: A Study of Man and Civilization. N.Y., 1969; *Idem.* The Evolution of Culture. The Development of Civilization to the Fall of Rome. N.Y., 1959.

⁹ *Пригожим И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986.

¹⁰ *Алексеев В.П.* Становление человечества. М., 1984; *Он же.* Этногенез; *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989; *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974; *Он же.* Социальная психология и история. М., 1966; *Семенов Ю.И.* Как возникло человечество. М., 1966, *Шнирельман В.А.* Указ. соч.; *Файнберг Л.А.* Механизмы социализации // История первобытного общества. М., 1988. Т. III: Эпоха классообразования.

¹¹ *Маркарян Э.С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969; *Он же.* Вопросы системного исследования общества. М., 1982; *Каган М.С.* Человеческая деятельность. М., 1974; *Арнольдов А.И.* Человек и мир культуры. М., 1992; *Давидович ВЕ., Жданов Ю.А.* Сущность культуры. Ростов-на Дону, 1979; *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М., 1991.

¹² *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера. М., 1990; *Назаретян А.П.* Интеллект во Вселенной. М., 1992; *Кульпин Э.С., Паншин В.И.* Социоестественная история: основные понятия, аксиомы и закономерности // Генезис кризисов природы и общества в России. М., 1993.

¹³ *Ахиезер АС.* Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 1-3.

¹⁴ *Шпенглер О.* Указ соч.; *Тойнби А.* Указ соч.; *Данилевский Н.Я.* Указ соч.; *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М, 1993; *Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics. Vol. 1-4. N.Y., L., 1962; *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли; *Он же.* Конец и вновь начало. М., 1994.

¹⁵ *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М, 1989; *Schumpeter J.* The

Theory of Economic Development. Cambridge, 1934.

¹⁶ Ахиезер А.С. Указ соч.

¹⁷ Malinowsky B.K. Magic, science and religion and others essays. Glencoe, 1948; *Idem.* A Scientific Theory of Culture and other essays. N.Y., 1960; Radcliff-Brown A.R. Method in Social Anthropology. Bombay, 1973; *Idem.* Structure and Function in Primitive Society. L., 1959; Parsons T. The Social System. N.Y., 1956; *Idem.* Social System and the Evolution of Action Theory. NY., 1977; *Idem.* Societies: Evolutionary and Comporative Perspectives. Englewood Cliffs, 1966; Merthon R. Social Theory and Social Structure. N.Y., 1957; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991; Парсонс Т. Функциональная теория изменения //Американская социологическая мысль. М., 1994.

¹⁸ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985; Фуко М. Слова и вещи. М., 1994; Lacan J. Ecrits. P., 1966.

Глава I

¹ Орлова Э.А. Динамика культуры и целеполагающая активность человека //Морфология культуры. Структура и динамика. М., 1994.

² Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969; Замятин С.Н. О локальных различиях в культуре палеолитического периода // Тр. ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М., 1951. Т. XVI.

³ Шнирельман В.А. Указ соч.

⁴ Тойнби А. Указ. соч.; Шпенглер О. Указ соч.

⁵ Лотман Ю.М. К проблеме типологии культуры //Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып. 3; Межуев В.М. Культура и история. М., 1977; Арнольдов А.И. Культура и современность. М.. 1973.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология //Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Т. 3; Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.

⁷ While L.A. The Science of Culture.

⁸ История первобытного общества. М., 1983-1988. Т. I-III; Першиц А.И., Монгайт АЛ.. Алексеев В.П. История первобытного общества. М., 1974; Семенов Ю.И. Как возникло человечество; Алексеев В.П. Становление человечества; Ламберт Д. Доисторический человек. Кембриджский путеводитель. Л., 1991; Brace C.E. and Montagu F. Human Evolution. Macmillan. 1977; Boas F. Race, Language and Culture. N.Y., 1940.

⁹ Першиц А.И. Заключение // История первобытного общества. Т. III; Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989; Handbook of Social and Cultural Anthropology. Chicago, 1973.

120

¹⁰ Дьяконов И.М. Предыстория древневосточных цивилизаций // История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые шаги рабовладельческой цивилизации. М.. 1983. Ч. I.

¹¹ Генезис//Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

¹² Алексеев В.П. Географические очаги формирования человеческих рас. М., 1985; Он же.

Этногенез.

Этногенез.

¹³ Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

¹⁴ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

¹⁵ Алексеев В.П. Этногенез; Арутюнов С.А. Указ. соч.

¹⁶ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

¹⁷ Чешко О.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6 (см. также дискуссию по проблемам критериев этноса и этничности в названном журнале за 1992-1994 гг.).

¹⁸ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли.

¹⁹ Леви-Стросс К. Указ. соч.

²⁰ Фуко М. Указ соч.; см. также: Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Структурно-функциональный анализ в социологии. М., 1968. Вып. I; Арутюнов С.А. Языковые коммуникации и этническая консолидация // Социолнгвистические проблемы в развивающихся странах. М., 1975.

²¹ Леви-Стросс К. Указ соч.; Фуко М. Указ. соч.; Лакан Ж. Указ. соч.

²² Байбури А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993; Тайлор Э. Первобытная культура.

²³ Баталов АЛ., Вятчина Т.Н. Об идейном значении интерпретации иерусалимского

- образца в русской архитектуре XVI-XVII вв. // Архитектурное наследство. М., 1988. № 36.
- ²⁴ *Лидов А.М.* Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской художественной культуре. М., 1994.
- ²⁵ *Баталов АЛ., Вятчанина Т.С.* Указ соч.
- ²⁶ *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда; *Malinowski B.K.* A Scientific Theory of the Culture and other essays.
- ²⁷ *Флавий И.* Иудейская война. Минск, 1991.
- ²⁸ *Амусин И.О.* Рукописи Мертвого моря. М., 1960.
- ²⁹ *Каутский К.* Происхождение христианства. М., 1990; *Свенцицкая И.С.* Раннее христианство: страницы истории. М., 1987.
- ³⁰ *Вельфлин Г.* Истолкование искусства. М., 1923.
- ³¹ *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII -начало XIX века). СПб., 1994.
- ³² *Забельшанский Г.Б., Флиер А.Я.* Типология художественной культуры западнохристианского мира. Введение. Программа учебного курса. М., 1994.
- ³³ *Malinowski B.K.* A Scientific Theory of the Culture and other essays.
- ³⁴ *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М., 1972; *Арутюнов С.А.* Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Советская этнография. 1982. № 1.
- ³⁵ *Лапин Н.И., Пригожин А.И., Сазонов Б.В., Толстой В.С.* Нововведения в организациях // Структура инновационного процесса. Тр. конференции ВНИИ системных исследований. М., 1981; *Кругликов А.Г.* Инновационная концепция научно-технического прогресса // Там же; *Сазонов Б.В.* Проблема построения общей теории инновационных процессов // Инновационные процессы. Тр. семинара ВНИИ системных исследований. М., 1982.
- ³⁶ *White LA.* Op. cit.; *Маркарян Э.С.* Очерки теории культуры; *Лем Ст.* Сумма технологий. М., 1968.
- ³⁷ *Флиер А.Я.* Цивилизация и субцивилизации России // Общественные науки и современность. 1993. № 6.
- ³⁸ *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1994.
- ³⁹ *Smith A.D.* The Concept of Social Change. L., 1973.
- ⁴⁰ *Орлова Э.А.* Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994.
- ¹²¹
- ⁴¹ *Митрохин Л.Н.* Философия религии. М. 1993; *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1990.
- ⁴² *Лукьянов А.Е.* Становление мифологии на Востоке. Древний Китай и Индия. М, 1989; *Иванов ВВ.* Антропогонические мифы // Мифы народов мира. М. 1987. Т. I; *Мелетинский Е.И.* Имир // Там же; *Топоров В.Н.* Космогонические мифы // Мифы народов мира. М., 1988. Т. II; *Он же.* Пуруша // Там же; *Рифтин Б.Л.* Пань-гу // Там же.
- ⁴³ *Уилсон Дж.* Египет: природа вселенной // В преддверии философии. М., 1984; *Якобсен Т.* Месопотамия; космос как государство // Там же; *Элиаде М.* Космос и история. М., 1985; *Кузьмина Е.Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе. 1986; *Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988; *Он же.* Дерево мировое // Мифы народов мира. Т. I; *Он же.* Гора мировая // Там же; *Котляр Е.С.* Африканских народов мифы // Там же; *Березин Ю.Е.* Индейцев Южной Америки мифология // Там же; *Иванов ВВ., Топоров В.Н.* Индоевропейская мифология // Там же; *Мелетинский Е.М.* Палеоазиатских народов мифология // Мифы народов мира. Т. II; *Петрухин В.Я., Хелимский Е.А.* Финноугорская мифология // Там же; *Иванов ВВ., Топоров В.Н.* Славянская мифология // Там же; *Жуковская Н.Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.
- ⁴⁴ *Монгайт АЛ.* Археология западной Европы. Каменный век. М., 1973; *Хлобыстина М.Д.* Говорящие камни. Новосибирск, 1987; *Массон В.М.* Указ. соч.
- ⁴⁵ *Элиаде М.* Указ. соч.; *Топоров В.Н.* Дерево мировое; *Кузьмина Е.Е.* Указ. соч.; *Кабо В.Р.* Указ. соч.
- ⁴⁶ *Миронов В.Г.* Языческое жертвоприношение в Новгороде // Советская археология. 1967. № 1.
- ⁴⁷ *Leroi-Gourhan A.* Le geste et la parole: memoire el les rythmes. P.. 1965; *Кабо В.Р.* Указ. соч.; *Першиц А.И., Монгайт АЛ., Алексеев В.П.* Указ. соч.; *Флиер А.Я.* Рождение жилища: пространственное самоопределение первобытного человека // Общественные науки и современность. 1992. № 3; *Уилсон Дж.* Указ. соч.; *Якобсен Т.* Указ. соч. и др.
- ⁴⁸ *Уилсон Дж.* Указ. соч.

- ⁴⁹ Чайлд Г. Указ. соч.; Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск, 1989; Жуковская Н.Л. Указ. соч.; Федоров-Давыдов Г.А. Курганы, идолы, монеты. М., 1968; Шилов Ю. Прародина ариев. М., 1994.
- ⁵⁰ Тиваненко А.В. Указ. соч.
- ⁵¹ Лукьянов А.Е. Указ. соч.; Топоров В.Н. Гора мировая.
- ⁵² Жуковская Н.Л. Указ. соч.; Лукьянов А.Е. Указ. соч.; Тиваненко А.В. Указ. соч.
- ⁵³ Кинк Х.А. Древнеегипетский храм. М., 1979; Чайлд Г. Указ. соч.; Монгайт А.Л. Указ. соч.; Кивот, Скрижали Завета, Храм //Энциклопедия иудаизма "Меир натив". Иерусалим. 1983.
- ⁵⁴ Немировский А.И. Этруски: от мифа к истории. М., 1983.
- ⁵⁵ Каган М.Д. Апокрифы о крестном древе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV - XVI вв. М., 1988. Ч. I.
- ⁵⁶ Аверинцев С.С. Голгофа //Мифы народов мира. М., 1987. Т. I; Топоров В.Н. Гора мировая.
- ⁵⁷ Топоров В.Н. Древо мировое; Он же. Крест //Мифы народов мира. М., 1988. Т. II.
- ⁵⁸ Настольная книга священнослужителя. М., 1968. Т. 4; Мощи //Полный православный энциклопедический словарь. М., 1992. Т.2.
- ⁵⁹ Настольная книга священнослужителя. Т. 4.
- ⁶⁰ Алексеев В.П. Становление человечества; Кабо В.Р. Указ. соч.
- ⁶¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Вебер М. История хозяйства. Пг., 1923.
- ⁶² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1973; Вебер М. Избр. произведения. М, 1990; Сорокин П.А. Система социологии; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда.
- ⁶³ Пригожим И., Стенгерс И. Указ. соч.; Князева Е., Курдюмов С. Синергетика: начала нелинейного мышления //Общественные науки и современность. 1993. № 2.
- ⁶⁴ Чайлд Г. Указ. соч.; Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
- ⁶⁵ Замаровский В. Их величества пирамиды. М., 1986; Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. М. 1990.
- ¹²² Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию; Шуты, А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2; Luhmann N. Soziale Systeme. Frankfurt-am-Main, 1984.
- ⁶⁷ Parsons T. Societies: Evolutionary and Comporative Perspectives; Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951.
- ⁶⁸ Parsons T. Ibidem.
- ⁶⁹ Анучин В.А Географический фактор в развитии общества. М, 1982; Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1994.
- ⁷⁰ Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1994.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975.
- ⁷³ Дьяконов И.М. Пути истории.
- ⁷⁴ Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры.
- ⁷⁵ Кабо В.Р. Указ. соч.
- ⁷⁶ Крюков М.В., Переломов Л.С, Софронов М.В.. Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
- ⁷⁷ Оссовская М. Рыцарь и буржуа: по следам истории морали. М., 1987; Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
- ⁷⁸ Мейлах М.Б. Средневековые провансальские жизнеописания и куртуазная культура трубадуров //Жан де Нострдам. Жизнеописания трубадуров. М., 1993.
- ⁷⁹ Энгельс Ф. Указ. соч.
- ⁸⁰ Свенцицкая И.С. Указ. соч.
- ⁸¹ Посное М.Э. История Христианской Церкви (до раздела Церквей - 1054 г.). Брюссель, 1964.
- ⁸² Добиаш-Рождественская О.Д. Клер //Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993.
- ⁸³ Посное М.Э. Указ. соч.
- ⁸⁴ Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style. L.. 1979.
- ⁸⁵ Parsons T. Action Theory and the Human Condition. N.Y., 1978.

- ⁸⁶ *Афанасьев А.М.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 1-3; *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М., 1985; *Забелин М.* Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
- ⁸⁷ *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986; *Февр. Л.* Бои за историю. М., 1990.
- ⁸⁸ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса; *Левин И.* Нужен народоведческий ликбез // Ожер родного очага. М., 1990; *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1 (см. также дискуссию по поднятым в статье вопросам в последующих номерах журнала за 1992-1994 гг.); *Гумилев Л.Н.* Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.
- ⁸⁹ *Барбер Б.* Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. М., 1972, *Мкртумян Ю.И.* Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978.
- ⁹⁰ *Кабо В.Р.* Указ соч.
- ⁹¹ *Удальцова З.В.* Особенности экономического и политического развития Византии (IV - первая половина VII в.) // Культура Византии. IV - первая половина VII в. М., 1984, *Малявкин А.Г.* Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. Новосибирск, 1992; *Гумилев Л.Н.* География этноса в исторический период. Л., 1990; *Бойс М.* Зороастрийцы: верования и обычаи. М., 1988.
- ⁹² *Большаков О.Т.* История Халифата. М., 1989, 1993. Т. 1-2; *Грюнебаум Г.Э. фон.* Классический ислам. М., 1988; *Беляев Е.А.* Арабы, ислам и арабский Халифат в раннее средневековье. М., 1965.
- ⁹³ *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли.
- ⁹⁴ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992; *Дворецкая И.А.* Западная Европа V-IX веков. М., 1990.
- ⁹⁵ *Тейс Л.* Наследие Каролингов. IX-X века. Новая история средневековой Франции. М., 1993; *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- ⁹⁶ *Корсунский А.Р.* История Испании IX—XIII веков. М., 1976; *Дюби Ж.* Европа в средние века. Смоленск. 1994.
- ⁹⁷ *Дьяконов И.М.* Пути истории.
- ⁹⁸ *Бира Ш.* Монгольская историография XIII—XVII вв. М., 1978; История народов Восточной и Центральной Азии. М., 1986; *Гумилев Л.Н.* Хунну. Л., 1993; *Он же.* Древние тюрки. М., 1993; *Он же.* Черная легенда. М., 1994; *Жуковская Н.Л.* Судьба кочевой культуры. М., 1990.
- ⁹⁹ *Дьяконов И.М.* Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории Древнего мира и проблема путей развития // История Древнего мира. М., 1989. Т. 1.
- ¹⁰⁰ *Головко А.Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях IX - первой трети XIII вв. Киев, 1988; *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—VIII вв. М., 1982.
- ¹⁰¹ *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
- ¹⁰² *Горленко В.Ф.* Украинцы // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991.
- ¹⁰⁵ *Кнаббе Г.С.* Древний Рим - история и повседневность М., 1986; *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985; *Гумилев Л.Н.* Черная легенда.
- ¹⁰⁶ *Кардини Ф.* Указ. соч.; *Оссовская М.* Указ. соч.; *Пасков С.С.* Япония в раннее средневековье. VII—XII века. М., 1987; *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: культура и текст. М., 1991.
- ¹⁰⁷ *Грум-Гржимайло Г.Е.* Описание путешествия в Западный Китай. М., 1948; *Стеблин-Каменский И.М.* Предисловие // Авеста: Избранные гимны из Видевдата. М., 1993.
- ¹⁰⁸ *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.
- ¹⁰⁹ *Жуковская Н.Л.* Судьба кочевой культуры; *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства (легенда о "Государстве пресвитера Иоанна"). М., 1970.
- ¹¹⁰ *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990; *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V - середина VII века). М., 1989; *Бицилли Б.М.* Элементы средневековой культуры. СПб., 1995; *Поляковская М.А., Чекалова А.А.* Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989,

Успенский Б.А. Царь-самозванец: Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982.

¹¹¹ Флиер А.Я. О типологии российской цивилизации // Цивилизации и культуры. М., 1994. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения.

¹¹² Шпенглер О. Указ. соч.; Тойнби А. Указ соч. и др.

¹¹³ Ерасов Б.С. О статусе цивилизационных исследований // Цивилизация и культура. М., 1994. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения; Он же. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1990; Новикова Л.И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // Цивилизации. М., 1992. Вып. 1.

¹¹⁴ Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2.

¹¹⁵ Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1985; Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

¹¹⁶ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса; Арутюнов С.А. Народы и культуры; Токарев С.А. Проблема типов человеческих общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вopr. философии. 1964. № 11; Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области // Советская этнография. 1975. № 3.

¹¹⁷ Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1902-1924; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981; Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970; Гиндин Л.А., Литаврин Г.Г. Предисловие // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1 (I-VI вв.).

¹¹⁸ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса; Чистов К.В. Традиционные и "вторичные" формы культуры // Расы и народы. М., 1975. Вып. 5.

124

Глава 2

¹ Ракитов А.И. Историческое познание. М., 1982.

² Spenser G. Op.cit.

³ Ibidem., Тойнби А. Указ соч.; Шпенглер О. Указ соч.; Levi-Strauss C. Race and History // Structural Anthropology. Vol. 2. L., 1978.

⁴ Леви-Стросс К. Структурная антропология, Он же. Неприрученная мысль II Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994; Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930; Leroi-Gourhan A. Op. cit.

⁵ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры; Блок М. Указ. соч.

⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. М., 1986. Т. 1. Структуры повседневности, Он же. Динамика капитализма; Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2.

⁷ Алексеев В.П. Этногенез; Гумилев Л.Н. География этноса в историческую эпоху.

⁸ Spenser G. Op. cit.; Леви-Стросс К. Неприрученная мысль.

⁹ Народы мира. М., 1972. Т. 1. Земля и человечество.

¹⁰ Тойнби А. Указ. соч

¹¹ Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992.

¹² Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989; Леви-Стросс К. Печальные тропики. М., 1984; Дэвидсон Б. Новое открытие древней Африки. М., 1962.

¹³ Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч.

¹⁴ Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990.

¹⁵ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада.

¹⁶ Sahli M. Evolution and Culture.

¹⁷ Spenser G. Op. cit.

¹⁸ Алексеев В.П. Становление человечества; Дарвин Ч. Происхождение видов. СПб., 1993.

¹⁹ Кульпин Э.С., Пантин В. Указ. соч.; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991; Моисеев Н.Н. Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI века // Общественные науки и современность. 1994. № 6.

²⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация. Т. 1.

²¹ Флиер А.Я. О типологии российской цивилизации.

²² Чайлд Г. Указ соч.; Массон В.М. Указ. соч.

²³ Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968; Иванова И.К. Геология, климат и эволюция человека // Международный геологический конгресс. XXV сессия. М., 1976. Вып. 3.

²⁴ Генинг В.Ф. Структура археологического познания: проблемы социально-

исторического исследования. Киев, 1989; *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991.

²⁵ *Spenser G.* Op. cit.; *Морган Л.* Указ. соч.; *Файнберг Л.А.* Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов // История первобытного общества. М., 1986. Т. II.

²⁶ *Семенов С.А.* Указ. соч.; *Формозов А.А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.

²⁷ *Бутовская М.П., Файнберг Л.А.* Указ. соч.; *Алексеева Л.В.* Полицикличность размножения у приматов и антропогенез. М., 1977.

²⁸ *White L.A.* Op. cit.; *Маркарян Э.С.* Очерки теории культуры; *Каган М.С.* Человеческая деятельность.

²⁹ *Хайнд Р.* Поведение животных: Синтез этологии и сравнительной психологии. М., 1975; *Плюснин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции. Новосибирск, 1990; *Файнберг Л.А.* Указ. соч.

³⁰ *Вернадский В.И.* Живое вещество. М., 1978; *Пригожин И.* От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М., 1985.

³¹ *Hollowell A.I.* Op. cit.

³² *Румянцев А.М.* Первобытный способ производства. М., 1987; *Назаретян А.П.* Указ. соч.; *Семенов С.А.* Указ. соч.

³³ *Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление: У истоков человеческого интеллекта. М., 1983; *Энгельс Ф.* Роль труда в превращении обезьяны в человека // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20.

³⁴ *Элиаде М.* Указ. соч.

³⁵ *Семенов Ю.И.* Завершение становления человеческого общества и возникновение первобытной родовой общины // История первобытного общества. М., 1986. Т. II.

³⁶ *Токарев С.А.* Формы общественного сознания. Религия, мифология и первобытный синкретизм // История первобытного общества. М., 1986. Т. II; *Борисковский П.И.* Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979.

³⁷ *Румянцев А.М.* Указ. соч.

³⁸ *Алексеев В.П.* Возникновение и эволюция гоминид // История первобытного общества. М., 1983. Т. 1; *Леонтьев А.А.* Указ. соч.

³⁹ *Формозов А.А.* Указ. соч.

⁴⁰ *Malinowski B.K.* A Scientific Theory of Culture and other essays.

⁴¹ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология.

⁴² *Leroi-Gourhan A.* Op. cit.

⁴³ *Иодковский В.Б.* Хаос и гармония. М., 1982; *Попов В.А.* Этносоциальная история аканов в XVI—XIX веках. М., 1990; *Леви-Стросс К.* Печальные тропики; *Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки; От родового общества к классовому. М., 1974.

⁴⁴ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология.

⁴⁵ *Фрезер Д.* Золотая ветвь. М., 1986; *Токарев С.А.* Проблема происхождения религий и ранние формы верований // Ранние формы религии. М., 1990.

⁴⁶ *Токарев С.А.* Формы общественного сознания.

⁴⁷ *Элиаде М.* Указ. соч.; *Токарев С.А., Мелетинский Е.М.* Мифология // Мифы народов мира. М., 1987. Т. 1.

⁴⁸ *Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. Новосибирск. 1990; *Гемуев И.Н.* Мировоззрение манси; Дом и Космос. Новосибирск. 1990; *Оля Б.* Боги тропической Африки. М., 1976; *Попов В.А.* Указ. соч.

⁴⁹ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология.

⁵⁰ *Арутюнов С.А.* Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса.

⁵¹ *Леви-Стросс К.* Печальные тропики; *Дэвидсон Б.* Африканцы: введение в историю культуры. М., 1975; *Leroi-Gourhan A.* Op. cit.

⁵² *Румянцев А.М.* Указ. соч.

⁵³ *Токарев С.А., Мелетинский Е.М.* Указ. соч.

⁵⁴ *Дэвидсон Б.* Указ. соч.; *Токарев С.А.* Формы общественного сознания.

⁵⁵ *Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.М.* Проблема типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов в традиционной культуре. М., 1984.

⁵⁶ *Столяр А.Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985; *Формозов А.А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980; *Фролов Б.А.* Первобытная графика Европы. М., 1992; *Мириманов В.Б.* Первобытное и традиционное

искусство //Малая история искусств. М., 1973.

⁵⁷ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. *Леви-Брюль Л.* Указ. соч.

⁵⁸ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология.

⁵⁹ *Бутовская М.П.. Файнберг Л.А.* Указ. соч.

⁶⁰ *Моисеев Н.И.* Нравственность и феномен эволюции.

⁶¹ *Дьяконов И.М.* Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла; *Блок М.* Указ. соч.

⁶² *Митрохин Л.Н.* Философия религии.

⁶³ *Блок М.* Указ. соч.; *Гуревич А.И.* От истории ментальности к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993; *Каплан А.Б.* Культура элитарная и культура народная // Там же.

⁶⁴ *Spenser С.* Op. cit.

⁶⁵ *Ле Гофф Ж.* Указ. соч.; *Кнаббе Г.С.* Древний Рим — история и повседневность; *Павленко Ю.В.* Человек и власть на Востоке // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993 и др.

⁶⁶ *Уилсон Дж.* Указ. соч.. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976.

⁶⁷ *Кликс Ф.* Указ. соч.. *Поршнева Б.Ф.* О начале человеческой истории, *Назаретян А. П.* Указ. соч.

⁶⁸ *Дюркгейм Э.* Указ. соч.

¹²⁶ ⁶⁹ *Кульпин Э.С.* Традиционный Восток: факторы стабильности //Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993; *Блок М.* Указ. соч.

⁷⁰ *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий // Работы М. Вебера по социологии религии и культуре. М., 1991; *Бродель Ф.* Материальная культура. Т. 1.

⁷¹ Откровение Иоанна //Новый Завет. М., 1993.

⁷² *Ясперс К.* Указ. соч.

⁷³ *Шпенглер О.* Указ. соч.

⁷⁴ *Ле Гофф Ж.* Указ. соч.

⁷⁵ *Франкфорт Г. и Г.А.* Миф и реальность // В преддверии философии. М., 1984.

⁷⁶ *Брук К.* Возрождение XII века //Богословие в культуре средневековья, Киев. 1992.

⁷⁷ *Жильсон Э.* Разум и Откровение в Средние Века // Богословие в культуре средневековья. Киев. 1992; *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры; *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации; *Уилсон Дж.* Указ. соч.

⁷⁸ *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981; *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. М., 1991; *Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков. М., 1994.

⁷⁹ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация. Т. 1.

⁸⁰ *Ястребицкая АЛ.* Западная Европа XI—XIII веков. М., 1978.

⁸¹ *Гумилев Л.Н.* География этноса в историческую эпоху.

⁸² История политических и правовых учений: Средние века и Возрождение. М.. 1986.

⁸³ *Сорокин П.А.* Система социологии.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий.

⁸⁶ *Бродель Ф.* Динамика капитализма.

⁸⁷ *Ле Гофф Ж.* Указ. соч.

⁸⁸ *Поппер К.* Указ. соч.

⁸⁹ *Savanagh G.* American Business Values. Englewood Cliffs, 1990.

⁹⁰ *Вебер М.* Избранные произведения.

⁹¹ *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.. 1969.

⁹² *Фридман и Хайек о свободе.* Лондон, 1985.

⁹³ *Гэлбрейт Дж.* Указ. соч.

⁹⁴ *Ortega-y-Casset J.* La rebelion de les masas. Madrid, 1930.

⁹⁵ *Вебер М.* Избранные произведения.

⁹⁶ *Гэлбрейт Дж.* Указ. соч.

⁹⁷ *Бродель Ф.* Динамика капитализма; *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий.

⁹⁸ *Меерсон Б.. Прокудин Д.* Лекции по истории западной цивилизации XX века // Знание — сила. 1994. .№ 8.

⁹⁹ *Поппер К.* Указ. соч.

¹⁰⁰ Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

¹⁰¹ Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию.

¹⁰² Хакен Г. Синергетика. М., 1980; Седов Е.А. Информационные критерии упорядоченности и сложности организации структуры системы // Системная концепция информационных процессов. М., 1988.

Научное издание

Андрей Яковлевич ФЛИЕР КУЛЬТУРОГЕНЕЗ

Компьютерный набор Т.Ю. Романенко

Корректор С.Б. Катюхина

Оригинал-макет И.О. Резниченко

Подписано в печать 05.06.95. Формат 60X90 1/16

Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 10,2. Усл. печ. л. 8,0.

Тираж 500 экз. Заказ 290.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии "Картолитография"

Москва, ул. Зорге, д. 15.